

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Кафедра внешней политики России и стран СНГ

На правах рукописи

Мендагазиев Арман Еркинович

**Инструменты официального финансирования развития
в политике США и Китая в Центральной Азии (2013 – 2025 гг.)**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научные руководители:

доктор экономических наук, профессор
Мунтиян Валерий Иванович;

кандидат исторических наук
Бартенев Владимир Игоревич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОФИЦИАЛЬНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ (ОФР): ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК	35
1.1 ОФР: категориальное содержание понятия и структура комплекса инструментов	36
1.2 Методологические принципы анализа политики западных и незападных государств в сфере финансирования развития	48
1.3 Внешнеэкономическое измерение политики предоставления ОФР в условиях изменения глобального ландшафта рисков	62
Выводы к Главе 1	75
ГЛАВА 2. ИНСТРУМЕНТЫ ОФР В ПОЛИТИКЕ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2013-2025 ГГ.)	78
2.1 Стратегические приоритеты политики США в Центральной Азии и особенности их эволюции	79
2.2 Динамика и структура потоков ОФР из США в страны Центральной Азии в меняющемся геополитическом контексте	103
2.3 Внешнеэкономическое измерение американской политики предоставления ОФР в Центральной Азии	124
Выводы к Главе 2	138

ГЛАВА 3. ИНСТРУМЕНТЫ ОФР В ПОЛИТИКЕ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2013-2025 ГГ.)	142
3.1 Стратегические приоритеты политики КНР в Центральной Азии и особенности их эволюции	143
3.2 Динамика и структура потоков ОФР из КНР в страны Центральной Азии в меняющемся геополитическом контексте	164
3.3 Внешнеэкономическое измерение китайской политики предоставления ОФР в Центральной Азии	182
Выводы к Главе 3	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	209
БИБЛИОГРАФИЯ	211
ПРИЛОЖЕНИЯ	270
1. Центральная Азия на глобальных картах потоков прямых иностранных инвестиций и официального финансирования развития	270
2. Центральная Азия на меняющейся глобальной карте политических рисков	279
3. Роль России в содействии развитию стран Центральной Азии в новых геополитических условиях	283
4. Список упомянутых в диссертации физических и юридических лиц со специальным статусом	288

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обострение межгосударственного соперничества – один из магистральных трендов эволюции международных отношений в XXI веке. Происходит нарастание противоречий между конкурирующими моделями мироустройства – моноцентрической с гегемонией США и полицентрической с принципиально иной ценностной основой и более значимой ролью крупных незападных стран (России, Китая, Индии и др.). Это оказывает комплексное, многомерное воздействие на множество инструментов обеспечения интересов субъектов международных отношений и компонентов внешней политики, к которым относится и политика предоставления официального финансирования развития (ОФР). Противоречия, связанные с устоявшимися подходами к анализу изменений в практиках применения инструментов ОФР ведущими державами в условиях формирования полицентричного мирового порядка и их теоретическим осмыслением, составляют суть научной проблемы исследования и придают заявленной теме особую актуальность.

Под ОФР в настоящем исследовании понимается совокупность различных финансовых инструментов (грантов, льготных и нельготных кредитов, механизмов облегчения долгового бремени, гарантий и др.), которые применяются властными органами суверенных государств, а также учрежденными и/или контролируруемыми ими юридическими лицами, направлены номинально на обеспечение социально-экономического развития зарубежных стран и решение трансграничных проблем, и одновременно служат реализации национальных интересов государства-донора.

Инструменты ОФР формируют фундамент глобальной архитектуры содействия международному развитию (СМР), где в качестве провайдеров финансирования выступают в том числе и негосударственные акторы разного типа. При этом в последнее время роль этих инструментов в обеспечении национальных

интересов (и, соответственно, присущая практике их применения политическая составляющая) властями государств-доноров не камуфлируется, а прямо постулируется в официальных документах.

Такое понимание функции ОФР закреплено и в ключевых документах стратегического планирования Российской Федерации. В их числе Стратегия национальной безопасности РФ (2021 г.), где «активизация сотрудничества в сфере содействия международному развитию, в первую очередь на постсоветском пространстве» включена в число задач, способствующих достижению целей внешней политики РФ (п. 101)¹; Концепция внешней политики РФ (2023 г.)², где международному экономическому сотрудничеству и СМР посвящен отдельный раздел; профильная Концепция государственной политики в сфере СМР³, согласно актуальной версии которой (2023 г.) РФ рассматривает СМР «в качестве одного из эффективных механизмов решения глобальных и региональных проблем, противодействия новым вызовам и угрозам, обеспечения своих национальных интересов»; комплексная государственная программа «Содействие международному развитию», реализуемая в России с 1 января 2022 г.⁴

Руководствуясь представлениями о роли инструментария ОФР в обеспечении национальных интересов, государства выделяют на финансирование развития достаточно крупные средства. Объемы его ключевого компонента – официальной помощи развитию (ОПР), по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), существенно превышали 200 млрд долл. США⁵ в текущем десятилетии, хотя в 2025 г. упали ниже этой отметки⁶ и, по всем

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Президент России. – 2021. – п. 101. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5> (дата обращения: 03.03.2026).

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 // Президент России. – 2023. – п. 40. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 03.03.2026).

³ Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию (с изменениями на 13 марта 2023 года): Указ Президента Российской Федерации от 13.03.2023 г. № 161 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 2023. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499090690> (дата обращения: 03.03.2026).

⁴ Об утверждении комплексной государственной программе Российской Федерации «Содействие международному развитию»: Постановление Правительства Российской Федерации // МИД России. – 2024. URL: https://mid.ru/ru/activity/state_programs/1975666/ (дата обращения: 03.03.2026).

⁵ Все числовые значения в долларах указаны в долларах США.

⁶ Preliminary Official Development Assistance Levels in 2025. Detailed Summary Note. – Paris: OECD, 2026. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD\(2026\)8/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD(2026)8/en/pdf) (дата обращения: 10.04.2026).

прогнозам, могут сократиться еще в ближайшем будущем.⁷ При этом все более важную роль начинают играть потоки прочего официального финансирования (ПОФ) и механизмы мобилизации частного капитала, используемые в том числе для защиты прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и стимулирования экспорта – в 2024 г. с их помощью удалось мобилизовать 76,9 млрд долл.⁸

Особое значение приобретает анализ различий в подходах к применению инструментов ОФР, реализуемых разными западными и незападными государствами-провайдерами в условиях центросиловой и пространственной реконфигурации мира.⁹ Наибольший научный и практический интерес в этой связи представляет сопоставление политики США и КНР.

Именно США и Китай борются друг с другом за глобальное лидерство, реализуя различные модели развития и продвигая их на международной арене. США стремятся удержать главенствующую роль в международной системе, сохранить технологическое и военное доминирование, не допустить превращения Китая в превосходящего конкурента. КНР же делает все, чтобы повысить собственную устойчивость перед растущим давлением и обеспечить более благоприятные внешние условия для реализации своих долгосрочных национальных интересов. Неслучайно именно США и Китай являются крупнейшими провайдерами ОФР и предоставляют такое финансирование в сопоставимых объемах.¹⁰

Политика этих доноров носит глобальный характер, но ее региональные проявления имеют ярко выраженную специфику. Особенно рельефно это по ряду причин проявляется в контексте Центральной Азии (далее – ЦА).

Во-первых, на пространстве Центральной Азии сталкиваются интересы всех ведущих мировых держав. Данный регион граничит одновременно и с Российской

⁷ Cuts in Official Development Assistance: OECD Projections for 2025 and the Near Term // OECD Policy Briefs, No. 26. – Paris: OECD Publishing, 2025. URL: <https://doi.org/10.1787/8c530629-en> (дата обращения: 12.12.2025).

⁸ OECD Data Explorer. Mobilised private finance for sustainable development. // OECD. URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 01.12.2025).

⁹ Термины «провайдер» и «донор» в настоящем исследовании будут применяться в качестве синонимичных по отношению ко всем государствам/странам, предоставляющим ОФР в значимых объемах, независимо от того, считают ли они себя донорами и продолжают ли одновременно получать ОФР извне.

¹⁰ Особенности учета потоков ОФР США и Китая будут рассмотрены подробно в параграфах 2.2 и 3.2.

Федерацией, и с Китайской Народной Республикой – двумя государствами Евразийского континента, которых США определили на роль своих главных стратегических соперников.

Во-вторых, к концу первой четверти XXI века место Центральной Азии на экономической карте Евразии заметно изменилось.¹¹ С 2000 по 2024 г. совокупный ВВП региона увеличился более чем в 5 раз, а население – в 1,5 раза. Глобальная турбулентность, вызванная эскалацией украинского конфликта в 2022 г., значительно повлияла на развитие ЦА. На фоне перестройки торгово-инвестиционных потоков страны региона получили дополнительный импульс для экономического роста, развития транспортно-логистической инфраструктуры, модернизации предприятий, наращивания объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ). По данным Всемирного банка, прирост реального ВВП в Центральной Азии в 2022–2024 гг. составил 5,6%, 5,7% и 5,9%, тогда как в 2026 и 2027 гг. прогнозируется 5,0% и 4,6% соответственно, что выше значений, которые ожидаются, например, по странам Европы, Южного Кавказа или Турции¹², а также выше среднемировых темпов роста ВВП, которые составят 2,6% и 2,7% соответственно. Растут и инвестиции в регион – с 2000 г. по 2024 г. совокупные накопленные ПИИ в странах ЦА выросли более чем в 18 раз, с 2010 г. – более чем в 2 раза¹³ (см. подр.: приложение 1). Этот же тренд замечен и применительно к крупнейшим инвесторам в регионе – США и Китаю. Американские ПИИ в регионе составили к этому времени порядка 40 млрд долл.¹⁴, тогда как с 2016 г. по первое полугодие 2025 г. китайские накопленные инвестиции в страны ЦА выросли с 19,6 до 35,9 млрд долл.¹⁵ Есть все основания ожидать сохранения данного тренда – в том числе из-за выхода на первый план вопросов обеспеченности

¹¹ См. подробнее: Винокуров Е.Ю. и др. Экономика Центральной Азии: новый взгляд. Доклады и рабочие документы 22/3 // ЕАБР. – Алматы, Бишкек, Москва: Евразийский банк развития, 2022. – 104 с.

¹² Global Economic Prospects // World Bank. – Washington, DC: World Bank, 2026. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/a9e24256-baf8-45bb-9075-75e437e1d6f7/content> (дата обращения: 31.01.2026).

¹³ World Investment Report // UNCTAD. – Geneva: United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), 2025. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_annex-tables_en.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁴ BEA International Trade and Investment Country Facts // BEA. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁵ Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. Доклад 25/15 // ЕАБР. – Алматы: Евразийский банк развития, 2025. – 45 с.

критическими минералами (включая редкоземельные элементы), значительные залежи которых имеются в Центральной Азии¹⁶.

В-третьих, процессы трансформации мирового порядка и нарастание межгосударственной конкуренции оказывают и негативный эффект на страны ЦА. Новая «Большая игра» в регионе создает трудности для проведения многовекторной политики центральноазиатскими странами, вынуждая их балансировать между конкурирующими центрами силы, а также усиливает внешнее давление¹⁷. Также страны ЦА столкнулись с такими вызовами, как рост инфляции, усложнение торговых операций, колебания курсов валют, угрозы введения западных вторичных санкций за продолжение экономического сотрудничества с РФ. Это усиливает системные риски, связанные с низкой степенью диверсификации экономик, устареванием энергетической инфраструктуры, коррупцией, обострением водной проблемы и ухудшением общего состояния окружающей среды, незрелостью институтов, близостью к Афганистану, неурегулированностью межэтнических конфликтов, влиянием радикального исламизма, наркотрафиком и др. (подробнее место Центральной Азии на глобальной карте политических рисков охарактеризовано в Приложении 2). Материализация этих рисков, в свою очередь, побуждает как Китай, так и США применять целый спектр инструментов их минимизации (митигации), в том числе и инструменты ОФР.

Значимость Центральной Азии для внешних акторов дополнительно возрастает в условиях пространственной реконфигурации мира, нарушения традиционных логистических цепочек, усиления конкуренции за контроль над международными транспортными коридорами и природными ресурсами. В

¹⁶ См. подробнее: Regional Note on Critical Minerals in Central Asia // OECD Critical Minerals Forum Background Paper. – Paris: OECD Publishing, 2026. URL: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/events/2026/04/critical-minerals-forum/oecd-critical-minerals-regional-note-central-asia.pdf> (дата обращения: 08.05.2026).

¹⁷ См. подробнее: Лексютина Я.В. От редактора рубрики. Новая "Большая игра" в Центральной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2024. – № 2. – С. 9–11; Притчин С.А. "Большая игра 2.0" в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 112–123.; Ермолов М.О. Помощь Центральной Азии: Новая Большая игра. Аналитическая записка № 36 // РСМД. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/CentralAsiaAid-PolicyBrief36.pdf> (дата обращения: 08.05.2025); Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 1. – С. 78–89 и др.

регионе сосредоточены значительные запасы марганцевой руды, хрома, свинца, цинка, титана, редкоземельных элементов, востребованных в различных высокотехнологичных отраслях, оборонно-промышленном комплексе, «зеленой» энергетике. Не менее важным фактором выступает геостратегическое положение региона, играющего ключевую роль в обеспечении безопасности Евразии и континентальной связанности как по линии Восток–Запад, так и по линии Север–Юг.

Дополнительную актуальность исследование особенностей применения инструментов ОФР в политике США и Китая в Центральной Азии приобретает в контексте реализации китайской инициативы «Пояс и путь», вывода американских войск из Афганистана в 2021 г., последствий эскалации конфликта на Украине и возвращения в Белый дом Д. Трампа в 2025 г.

Все эти процессы имеют стратегическое значение как для самих стран Центральной Азии, так и для Российской Федерации, которая выстраивает стратегические отношения с государствами региона и на двусторонней, и на многосторонней основе – в первую очередь, через плотную сеть региональных организаций, созданных по ее инициативе и при ее деятельном участии (СНГ, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и евразийские институты развития – Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)).

Согласно Концепции внешней политики РФ, «обеспечение устойчивых долгосрочных добрососедских отношений и объединение потенциалов в различных сферах с государствами – участниками СНГ и другими сопредельными государствами, связанными с Россией многовековыми традициями совместной государственности, глубокой взаимозависимостью в различных сферах, общим языком, близкими культурами» являются «наиболее важными для безопасности, стабильности, территориальной целостности и социально-экономического развития России, упрочения ее позиций как одного из влиятельных суверенных

центров мирового развития и цивилизации».¹⁸ Одним из ключевых инструментов реализации этого долгосрочного национального интереса РФ на пространстве Центральной Азии выступает политика содействия международному развитию (см. подр.: Приложение 3), которую российским властям приходится реализовывать во все более конкурентной среде. Это требует глубокого понимания целей и инструментария как стратегических соперников Российской Федерации (в первую очередь, США), так и партнеров (прежде всего Китая).

Степень научной разработанности темы исследования. Научные труды российских и зарубежных специалистов, посвященные различным аспектам заявленной проблематики, можно разделить на несколько основных групп.

Первый блок формируют труды, задающие общие теоретико-методологические рамки диссертационного исследования. В первую очередь, следует назвать работы ряда классиков теории международных отношений, в которых затрагивается – прямо или косвенно – проблематика оказания международной помощи. В их числе: статья «Политическая теория международной помощи» основоположника школы политического реализма Г. Моргентау¹⁹; ключевой труд представителя оборонительного реализма С. Уолта «Происхождение альянсов»²⁰, где, среди прочего, затрагивается вопрос о роли внешней помощи в формировании союзов; хрестоматийная монография Д. Болдуина о применении экономических инструментов для достижения внешнеполитических целей (*economic statecraft*)²¹, в числе которых он рассматривает и международную помощь.

Среди трудов зарубежных исследователей, специализирующихся непосредственно на вопросах международной помощи, ознакомление с которыми помогло глубже понять мотивацию государств-доноров и детерминанты политики

¹⁸ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 // Президент России. – 2023. – п. 40. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 03.03.2026).

¹⁹ Morgenthau H. A. Political Theory of Foreign Aid // The American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56, No. 2. – P. 301–309.

²⁰ Walt S. The Origins of Alliances. – London: Cornell University Press, 1987. – 321 p.

²¹ Baldwin D. Economic Statecraft. – Princeton: Princeton University Press, 1985. – 508 p.

финансирования развития, следует, в частности, упомянуть работы М. Ван дер Веена²², Н. Гулраджани²³, К. Ланкастер²⁴ и др.

Среди работ российских профильных специалистов: труды Е.Н. Глазуновой (о генезисе теории развития и комплексе факторов, влиявших на ее становление и эволюцию)²⁵, Д.А. Дегтерева (о механизмах продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов ведущих стран мира через использование инструментов международной помощи)²⁶, диссертация А.К. Морозкиной на тему «Двусторонняя официальная помощь развитию: влияние мирового финансового кризиса 2008 – 2009 годов»²⁷. Отдельно стоит упомянуть труды В.И. Бартенева²⁸, включая серию концептуальных и обзорных статей, подготовленных в рамках проекта «Влияние новых трендов в оказании содействия международному развитию на параметры политических рисков для внешнеэкономической деятельности», реализованного под его руководством при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-28-01060) на базе НИУ ВШЭ в 2023–2024 гг., и одним из участников которого был автор настоящего диссертационного исследования²⁹. Одной из задач данного проекта была разработка матрицы механизмов прямого и

²² Van Der Veen M. *Ideas, Interests and Foreign Aid*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 290 p.

²³ Gulrajani N. *Bilateral Donors and the Age of the National Interest: What Prospects for Challenge by Development Agencies?* // *World Development*. – 2017. – Vol. 96. – P. 375–389.

²⁴ Lancaster C. *Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics*. – Chicago: University of Chicago Press, 2007. – 284 p.

²⁵ Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: историческая ретроспектива // *Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. – 2013. – № 2. – С. 126–146; Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: современный дискурс // *Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. – 2014. – № 2. – С. 3–33.

²⁶ Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию: эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи – М.: Ленанд, 2013. – 320 с.; Дегтерев Д.А. Эффективность международной помощи развитию: от анализа проектов к оценке стратегического воздействия // *Вестник Московского университета. Серия XXV: Международные отношения и мировая политика*. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 57–86; Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2012. – Т. 23, № 2. – С. 47–58.

²⁷ Морозкина А.К. *Двусторонняя официальная помощь развитию: влияние мирового финансового кризиса 2008 – 2009 годов*. Дисс. на соис. ст. канд. экон. наук. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 185 с.

²⁸ Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // *Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 133–163; Бартенев В.И. Влияние международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 155–188; Бартенев В.И. Вклад официальной помощи развитию в митигацию политических рисков для прямых иностранных инвестиций: пределы измеримости // *Современная мировая экономика*. – 2025. – Т. 4, № 2. – С. 6–23; Бартенев В.И. Национальная система оказания международной помощи как объект анализа // *Международные процессы*. – 2025. – Т. 23, № 2. – с. 6–29.

²⁹ Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований № 23-28-01060, поддержанного Российским научным фондом. РНФ. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01060/> (дата обращения: 08.08.2025).

опосредованного влияния содействия международному развитию на параметры таких рисков. Ее решение осуществлялось как с опорой на ряд классических работ по политическим рискам, подготовленных еще в период существования биполярного мирового порядка (в т.ч. Дж. Саймоном³⁰, Ч. Кеннеди³¹ и др.), так и с учетом некоторых новых явлений, которые в отечественной литературе предметно рассматривались, в частности, А.Н. Бордовских.³²

Второй блок включает труды, раскрывающие различия в подходах западных и незападных доноров к оказанию ОФР. Среди них коллективная монография «Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт», опубликованная по итогам реализации многолетнего научного проекта под руководством академика РАН В.Г. Барановского³³, коллективная монография под редакцией В.В. Перской и Л.И. Хомяковой о деятельности институтов содействия международному развитию в постпандемический период³⁴, коллективная монография «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации» под редакцией Д.А. Дегтерева и Ли Янь³⁵, работы Е.А. Сергеева и Ю.А. Никитиной³⁶, А. Дреера³⁷, М.

³⁰ Simon J. Political risk assessment: Past trends and future prospects // The Columbia Journal of World Business. – 1982. – Vol. 17, No. 3. – P. 62–71.

³¹ Kennedy C.R. Political Risk Management: International Lending and Investing Under Environmental Uncertainty. New York: Quorum Books, 1987. [Исследование Ч. Кеннеди и предложенный им вариант разграничения политических рисков на «экстра-легальные» и «легально-правительственные» использовался нами в том числе при подготовке следующей статьи: Бартенев В.И., Мендагазиев А.Е. Константы и переменные в восприятии политических рисков международным бизнесом в 2010–2020-е гг. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 55–84.].

³² См., например: Бордовских А.Н. Экспроприация в XXI в. – новый вызов для исследований политического риска // Контур глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 298–313.

³³ Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 248 с.

³⁴ Перская В.В., Абрамов В.Л., Ткаченко А.А. и др. Институты содействия международному развитию: тенденции и вызовы постпандемического периода / под ред. В.В. Перской, Л.И. Хомяковой. – М.: Кнорус, 2023. – 234 с.

³⁵ Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации: коллективная монография / под ред. Д. А. Дегтерева, Ли Янь. – М.: РУДН, 2023. – 264 с.

³⁶ Никитина Ю.А., Сергеев Е.А. Содействие международному развитию России в новых геополитических реалиях: актуализация задач, калибровка инструментов // Международная жизнь. – 2026. – № 2. – С. 78–85.

³⁷ Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A. M., Tierney M. Apples and Dragon Fruits: The Determinants of Aid and Other Forms of State Financing from China to Africa // International Studies Quarterly. – 2018. – Vol. 62, No. 1. – P. 182–194; Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A., Tierney M. China and the Western Donors: More Similar than Different? Research Summary // AidData. – 2015. URL: <https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/chinaresearch2-2.pdf> (дата обращения: 08.05.2025); Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A., Tierney M. Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset // American Economic Journal: Economic Policy. – 2021. – Vol. 13, No. 2. – P. 135–174.

Рудяк³⁸, Р. Кальехи, Б. Чихока и С. Касадеваль Бельес³⁹, Э.Г. Килама⁴⁰, С.С. Регилме и О. Ходзи⁴¹ и др.

Третий блок включает работы, раскрывающие специфику центральноазиатского контекста, взаимовлияние глобальных и региональных трендов и динамику межгосударственной конкуренции на пространстве Евразии. Среди исследований российских ученых такого плана, в первую очередь, следует упомянуть работы А.Д. Богатурова, А.С. Дундича и Е.Ф. Троицкого⁴², И.Д. Звягельской⁴³, А.А. Казанцева⁴⁴, Д.Б. Малышевой⁴⁵, Е.Г. Гарбузаровой⁴⁶, С.А. Притчина⁴⁷, коллективную монографию под ред. К.П. Курылева⁴⁸, монографии Л.Э. Слуцкого, М.И. Кротова и В.И. Мунтияна⁴⁹, С.С. Жильцова⁵⁰, а среди трудов зарубежных ученых – работы А. Кули⁵¹, М. Ларуэль и С. Пейруза⁵² и др.

Четвертый блок включает научные труды, посвященные анализу стратегии США в Центральной Азии и роли инструментов официального финансирования

³⁸ Schwarz R., Rudyak M. China's Development Co-operation // OECD Development Co-operation Working Papers. – No. 113. – Paris: OECD Publishing, 2023. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/china-s-development-co-operation_ea34f6c2/2bbe45d2-en.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

³⁹ Calleja R., Cichocka B., Casadevall Bellés S. How Do Non-DAC Actors Cooperate on Development? CGD Policy Paper 294. – Washington, DC: Center for Global Development, 2023. URL: <https://www.cgdev.org/publication/how-do-non-dac-actors-cooperate-development> (дата обращения: 08.05.2025).

⁴⁰ Kilama E.G. The Influence of China and Emerging Donors Aid Allocation: a Recipient Perspective // China Economic Review. – 2016. – Vol. 38. – P. 76–91.

⁴¹ Regilme S.S.F., Hodzi O. Comparing US and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers // The International Spectator. – 2021. – Vol. 56, No. 2. – P. 114–131.

⁴² Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. // Очерки текущей политики. Вып. № 4 – М.: НОФМО, 2010. – 104 с.

⁴³ Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении – М.: Аспект Пресс, 2019. – 224 с.

⁴⁴ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А. Казанцев. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 382 с.; Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 186 с.

⁴⁵ Малышева Д.Б. Центральная Азия: узел мировой политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 100 с.; Малышева Д.Б. Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 7. – С. 106 – 115.

⁴⁶ Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 192 с.

⁴⁷ Притчин С.А. “Большая игра 2.0” в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 112–123.

⁴⁸ Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. К.П. Курылева – М.: Аспект Пресс, 2024. – 312 с.

⁴⁹ Слуцкий Л.Э., Кротов М.И., Мунтиян В.И. Россия и евразийская интеграция в многополярном мире: монография – М.: Издательство Московского университета, 2025. – 294 с.

⁵⁰ Жильцов С.С., Зонн И.И. Каспийско-черноморские трубопроводы: новые вызовы. – Квант Медиа, 2025. – 280 с.

⁵¹ Cooley A. Great Game, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 272 p.

⁵² Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia. Geopolitics and the Challenges of Economic Development. – New York: M.E. Sharpe, 2013. – 355 p.

развития в ее реализации. В их числе – работы Ч. Зиглера⁵³, А. Кули⁵⁴, М. Ларуэль и С. Пейруза⁵⁵, А. Брэнда⁵⁶, С. Ф. Старра⁵⁷, статья К. Вадламаннати и др., посвященная реакции США на китайскую инициативу «Пояс и путь» в сфере помощи развитию, прежде всего через одобрение Вашингтоном крупных кредитов по линии многосторонних банков развития⁵⁸. Автор также опирался на работы Е.Г. Гарбузаровой⁵⁹, Я.В. Лексютиной⁶⁰, Н.А. Гегелашвили⁶¹, А.А. Давыдова⁶², А.А. Казанцева⁶³, Н.Ю. Силакова⁶⁴. В данных трудах представлен комплексный взгляд на политику, приоритеты и интересы США в ЦА, и обращение к ним помогло раскрыть эволюцию американских интересов в регионе и спрогнозировать их дальнейшее развитие.

Пятый блок включает исследования, посвященные раскрытию специфики интересов и политики Китая на центральноазиатском направлении и отдельным аспектам применения им ОФР.

⁵³ Зиглер Ч.Э. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2005. – № 4. – С. 13–22; Ziegler Ch. US policy and Central Asia // *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*. / Eds: R. Isaacs, E. Marat. – London: Routledge, 2021. – P. 218 – 231.

⁵⁴ Cooley A. US Bases and Democratization in Central Asia // *Orbis*. – 2008. – Vol. 52, No. 1. – P. 65–90.

⁵⁵ Laruelle M., Peyrouse S. The United States in Central Asia: Reassessing a Challenging Partnership // *Strategic Analysis*. – 2011. – Vol. 35, No. 3. – P. 427–438.

⁵⁶ Brand A. The US in Central Asia // *Central Asia in a Multipolar World*. – Contributions to Political Science. Eds: Lempp, J., Mayer, S. – Springer, Cham., 2024. – P.323–340.

⁵⁷ Starr S. F. U.S. Policy in Central Asia through Central Asian Eyes. Silk Road Paper. – Central Asia–Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2023. URL: <https://silkroadstudies.org/resources/230504-SRP-Fred-full.pdf> (дата обращения: 08.05.2025); Linderman L. et al. A Strategy for Greater Central Asia. – Washington, DC: American Foreign Policy Council, Central Asia–Caucasus Institute, 2025. URL: https://www.afpc.org/uploads/documents/CORRECTED_An_american_strategy_for_greater_central_Asia.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁸ Vadlamannati K.C., Brazys S., Dukalskis A., Li Y. Building Bridges or Breaking Bonds? The Belt and Road Initiative and Foreign Aid Competition // *Foreign Policy Analysis*. – 2023. – Vol.19, No. 3. – 26 p.

⁵⁹ Гарбузарова Е.Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // *Проблемы постсоветского пространства*. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 26–36.

⁶⁰ Лексютина Я.В. Современная политика США в Центральной Азии: от первой до второй каденции Д. Трампа // *США и Канада: экономика, политика, культура*. – 2025. – № 12. – С. 18–29.; Лексютина Я.В. Механизм «5+1» во взаимодействии США с Центральной Азией: мотивация применения и выдвинутые инициативы // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2025. – Т. 19. № 2. – С. 140–146; Лексютина Я.В. США: в поисках ответа на китайскую инициативу «Пояс и Путь» // *США и Канада: экономика, политика, культура*. – 2024. – № 11. – С. 7–24.

⁶¹ Гегелашвили Н.А. Роль США и ЕС в Центральной Азии в новых геополитических реалиях // *Россия и новые государства Евразии*. – 2023. – № II (LIX). – С. 112–126; Гегелашвили Н. Каспийский регион во внешнеполитической стратегии США // *Россия и новые государства Евразии*. – 2024. – № II (LXIII). – С. 47–59.

⁶² Давыдов А.А. О стратегической значимости Центральной Азии для США // *Россия и новые государства Евразии*. – 2022. – № IV (LVII). – С. 60–77.

⁶³ Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2012. – Т. 25, № 4. – С. 155–164.

⁶⁴ Силаков Н.Ю. Фонды и неправительственные организации во внешней политике США на постсоветском пространстве в 2000-е – 2020-е годы / Дисс. на соискание уч.ст. канд. полит. наук. – 2025. – 263 с.

В него входят работы китайских ученых (Го Сяотин⁶⁵, Гао Ханьсюнь⁶⁶, Ли Янь⁶⁷, Сунь Чжуанчжи⁶⁸, Дэн Хао⁶⁹, Хань Лу⁷⁰, Син Гуанчэн⁷¹, Цю Шуаншуан⁷²), российских авторов (А.В. Виноградов⁷³, И.Ю. Зуенко⁷⁴, Д.Б. Калашников⁷⁵, В.Б.

⁶⁵ 郭晓婷 [Guo Xiaoting]. 大国在中亚地区的发展援助及其成效 [Development Assistance from Leading Powers in the Central Asian Region and its Effects] // 战略决策研究 [Strategic Decision Research]. – 2021. – No. 1. – P. 77–104.

⁶⁶ 高焱迅 [Gao Hanxun]. 中亚国家高质量共建“一带一路”的认知与思考 [Central Asian Countries' Perceptions and Reflections on High-Quality Joint Construction of the Belt and Road Initiative] // 北方论丛. – 2020. – No. 2. – P. 30–38.

⁶⁷ 栗瑞雪, 李燕 [Su Ruixue, Li Yan]. 习近平援助理论与中国对外援助实践 [Xi Jinping's Theory of Aid and China's foreign Aid Practice] // 文化软实力 [Cultural Soft Power]. – 2019. – No. 2. – P. 5–12.

⁶⁸ 孙壮志 [Sun Zhuangzhi]. 构建中国–中亚命运共同体的内涵与路径 [The Connotation and Path of Building a China–Central Asia Community with Shared Future] // 当代世界 [Contemporary world]. – 2024. – No. 7. – P. 7–12; Sun Zh. The Shanghai Cooperation Organization and China's Multilateral Diplomacy in the New Era // China International Studies. – 2021. – No. 89. – P. 36–60; 孙壮志 [Sun Zhuangzhi]. 阿富汗变局后的中亚安全: 大国博弈与地区合作 [Security in Central Asia after the changes in Afghanistan: the Game of Great Powers and Regional Cooperation]. // 俄罗斯东欧中亚研究 [Russian, Eastern European, and Central Asian Studies]. – 2022. – No.1. – P. 1–16.

⁶⁹ 邓浩 [Deng Hao]. 丝绸之路经济带与中国的中亚外交 [The Silk Road Economic Belt and China's Central Asia Diplomacy] // 国务院发展研究中心欧亚社会发展研究所 [Institute of Eurasian Social Development, Development Research Center of the State Council]. – 07.05.2020. URL: <http://www.easdri.org.cn/newsinfo/518495.html> (дата обращения: 7.08.2025); 邓浩 [Deng Hao]. 中国经略上合组织: 进展、战略与前景 [China's Strategy toward the SCO: Progress, Strategy and Prospects] // 俄罗斯学刊 [Academic Journal of Russian Studies]. – 2023. – No. 4. – P. 37–58.

⁷⁰ 韩璐, 李天毅 [Han Lu, Li Tianyi]. 新时期中国与中亚国家人文合作: 机遇与路径 [Humanities Cooperation between China and Central Asian Countries in the New Era: Opportunities and Paths] // 俄罗斯学刊 [Academic Journal of Russian Studies] – 2023. – No. 4 – P. 123–136.

⁷¹ 邢广程 [Xing Guangcheng]. 中国与中亚国家的关系 [China's Relations with Central Asian Countries] // SRC Occasional Papers. – 2002. – No. 85. – P. 16–26.

⁷² Цю Ш. Международная гуманитарная помощь Китая: этапы, направления, особенности (1978–2025 гг.) / Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – М.: РУДН, 2026. – 226 с.

⁷³ Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока – 2023. – № 5. – С. 90–107; Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 3. – С. 23–32; Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 6–20.

⁷⁴ Zuenko I. Yu. China's Activity in Central Asia in Light of Russian Interests // Russia in Global Affairs. – 2025. – Vol. 23, No. 2. – P.146–164.; Зуенко И.Ю., Хэн Ц. Идеология антиколониализма как фактор внешней политики Китая // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 23–34.

⁷⁵ Калашников Д.Б. Китай как донор помощи промышленному развитию стран Юга: значение для постиндустриализации его экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 195–213; Калашников Д.Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели // Мировое и национальное хозяйство. – 2021. – Т. 57, № 4. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (дата обращения: 08.08.2025).

Кашин⁷⁶, Я.В. Лексютина⁷⁷, Д.Б. Малышева⁷⁸, А.А. Перминова⁷⁹, В.В. Перская⁸⁰, Е.Г. Гарбузарова⁸¹), казахстанских (Н. Кассенова,⁸² К.Л. Сыроежкин⁸³), а также западных (Ф. Боссюйт⁸⁴, Д. Ван дер Клей⁸⁵, Р. Вандерхилл, М.Б. Олкотт⁸⁶, Н. Яу⁸⁷ и др.⁸⁸).

На основе анализа представленной в данном разделе научной литературы был сделан вывод, что существует потребность в комплексном исследовании, которое позволило бы систематизировать современные практики применения инструментов ОФР США и КНР в регионе Центральной Азии, характеризующемся сложной динамикой межгосударственного противоборства, разработать методический аппарат для сравнительного анализа и выявить с его помощью новые тенденции в стратегиях двух крупнейших конкурирующих держав в ЦА и роли в

⁷⁶ Кашин В.Б., Королев А.С. Помощь КНР странам Центральной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62, № 3. – С. 78–85.

⁷⁷ Лексютина Я.В. Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. – 2023. – № 28. – С. 77–87; Лексютина Я.В. Китай и Центральная Азия // *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. – 2025. – М.: Институт Китая и современной Азии РАН. – С. 393–404; Лексютина Я.В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. – 2025. – № 30. – С. 309–323; Лексютина Я.В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. – 2020. – № 25. – С. 305–320.

⁷⁸ Малышева Д.Б. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 5. – С. 101–108.

⁷⁹ Перминова А.А. Эволюция взаимодействия КНР с государствами Центральной Азии в сфере безопасности с 2001 по 2021 гг. / Дисс. на соискание уч.ст. канд. полит. наук. – 2024. – 207 с.

⁸⁰ Перская В.В. Инициатива «Один пояс, один путь»: экономические отношения, направленные на всестороннее развитие территорий и регионов участников инициативы // *Вестник евразийской науки*. — 2023. — Т. 15, № 5. – С. 1–14.

⁸¹ Гарбузарова Е.Г. Китайские вызовы для России в Центральной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2025. – Т. 69, № 7. – С. 121–128.

⁸² Kassenova N. China as an Emerging Donor in Tajikistan and Kyrgyzstan. // *Russia/NIS Center*. – 2009. – 27 p.; Kassenova N. How China's Foreign Aid Fosters Social Bonds with Central Asian Ruling Elites – Washington: Carnegie Endowment for International Peace*, 2022. – 36 p. (Деятельность Фонда Карнеги признана нежелательной на территории РФ (распоряжение Минюста России от 18.07.2024 № 896-р) и включена в реестр иностранных агентов Минюста России) Здесь и далее маркировкой «**», «***» обозначены физические и юридические лица, перечисленные в приложении к диссертации «Список упомянутых лиц со специальным статусом»; Kassenova N. China–Central Asia relations // *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*. / Eds: R. Isaacs, E. Marat. – London: Routledge, 2021. – P. 202–217.

⁸³ Сыроежкин К.Л. Россия и Китай в Центральной Азии: партнеры или конкуренты? // *Россия и новые государства Евразии*. – 2010. – № 4. – С. 48–65; Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2016. – № 9. – С. 104–122.; Сыроежкин К.Л. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. – 2012. – № 1. – С.23–46.

⁸⁴ Bossuyt F. The EU's and China's Development Assistance towards Central Asia: Low versus Contested Impact // *Eurasian Geography and Economics*. – 2019. – Vol. 59. – No. 5–6. – P.606–631.

⁸⁵ Van der Kley D. Chinese Companies' Localization in Kyrgyzstan and Tajikistan // *Problems of Post-Communism*. – 2019. – Vol 67, No. 3. – P. 241–250.

⁸⁶ Olcott M.B. The Great Powers in Central Asia. // *Current history*. – 2005. – No. 104. – P. 331–335.

⁸⁷ Yau N. Chinese Governance Export in Central Asia // *Security and Human Rights*. – 2022. – No. 32. – p. 28–40.

⁸⁸ Vanderhill R., Joireman S.F., Tulepbayeva R. In the Shadow of the Dragon: Chinese Soft Power in Central Asia // *International Affairs*. – 2025. – Vol. 101, No. 4. – P. 1441–1461.

них инструментов ОФР после вывода американских войск из Афганистана, эскалации украинского конфликта и прихода к власти второй администрации Д. Трампа.

Объект исследования – процесс реализации политики финансирования развития в условиях формирования полицентричного мирового порядка.

Предмет исследования – особенности применения инструментов официального финансирования развития в политике США и Китая в Центральной Азии в 2013–2025 гг.

Цель исследования – выявить характерные особенности и механизмы применения инструментов официального финансирования развития для реализации национальных интересов в политике США и КНР в Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мирового порядка.

Достижение указанной цели исследования обусловило необходимость решения следующих задач:

- уточнить содержание понятия «официальное финансирование развития» (ОФР) и структуру комплекса инструментов ОФР;
- раскрыть основополагающие принципы анализа политики западных и незападных государств в сфере финансирования развития;
- выявить ключевые изменения глобального ландшафта рисков для ведения бизнеса и особенности минимизации таких рисков в рамках политики предоставления ОФР;
- охарактеризовать особенности эволюции стратегических приоритетов политики США и КНР в отношении стран Центральной Азии;
- сопоставить динамику и структуру потоков ОФР из США и Китая в страны Центральной Азии на разных этапах рассматриваемого периода;
- определить особенности подходов властей США и КНР к продвижению национальных внешнеэкономических интересов в Центральной Азии инструментами ОФР.

Хронологические рамки исследования. Основное внимание в работе уделено периоду с 2013 по 2025 г.

Выбор нижней хронологической границы обусловлен приходом Си Цзиньпина на должность председателя КНР и стартом китайской инициативы «Пояс и путь», ознаменовавшим новый период сотрудничества Китая со странами Центральной Азии и существенно повлиявшим и на региональный ландшафт, и на политику всех внерегиональных игроков, в первую очередь США. Выбор нижней границы обусловлен также началом украинского кризиса, который стал прямым следствием экспансионистской политики Запада, направленной на ослабление России и сдерживание Китая, и который повлиял и продолжает оказывать воздействие на все постсоветское пространство.

Трансформации политики США в регионе – в том числе в сфере развития – способствовало также начало вывода войск из Афганистана. При этом в целях лучшего понимания специфики рассматриваемого периода в работе осуществляется выход за обозначенную нижнюю хронологическую границу и прослеживаются основные тенденции развития политики США и КНР по отношению к ЦА, начиная с 2001 г. Тогда, с одной стороны, произошли теракты 11 сентября 2001 г. и началась военная операция США «Несокрушимая свобода» в Афганистане, существенно изменившая стратегический контекст в Центральной Азии, а с другой – была создана Шанхайская организация сотрудничества, что ознаменовало начало нового периода сотрудничества Китая со странами региона.

Выбор верхней хронологической границы обусловлен приходом к власти второй администрации Д. Трампа, который уже оказал существенное влияние и на параметры межгосударственного соперничества – в том числе и в Центральной Азии, и на политику в сфере ОФР – в том числе и в региональном измерении.

Выбранный хронологический диапазон позволяет проследить процесс выстраивания современной политики США и КНР в Центральной Азии через механизм применения инструментов ОФР.

В то же время при подготовке второй и третьей глав диссертационного исследования потребовалось обратиться к периоду с 1991 по 2013 г. в целях выявления предпосылок исследуемых процессов и соотношения элементов

преимущества и новаторства в политике властей США и КНР в Центральной Азии после 2013 г.

Географические рамки исследования. Исследование посвящено анализу политики двух крупнейших мировых провайдеров ОФР – США и КНР (относящихся, согласно региональной классификации ООН, к Северной Америке и Восточной Азии соответственно) – в Центральной Азии, включающей Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Уточнено содержание термина «официальное финансирование развития». ОФР предложено понимать как совокупность различных финансовых инструментов (грантов, льготных и нельготных кредитов, механизмов облегчения долгового бремени, гарантий и др.), которые применяются властными органами суверенных государств, а также учрежденными и/или контролируемыми ими юридическими лицами, направлены номинально на обеспечение социально-экономического развития зарубежных стран и решение трансграничных проблем и одновременно служат реализации национальных интересов государства-донора.

В отличие от смежных понятий и других дефиниций, это определение акцентирует декларативный характер номинальной целевой ориентации данных инструментов через указание их неразрывной связи с реализацией национальных интересов государств-доноров. Дефиниция устраняет неопределенность, присущую релевантным понятиям, более полно отражает политико-экономическую природу рассматриваемого явления в контексте глобального соперничества и при этом соотносится с современной практикой международных организаций системы ООН, позволяет формализовать ключевые характеристики и показатели ОФР, повысить качество идентификации параметров инструментов ОФР и эффективность сравнительного анализа.

2. Разработан концептуально-методологический подход к сравнительному анализу роли инструментария в обеспечении национальных интересов стран-доноров в конкретном региональном контексте. Данный подход, в отличие от ранее разработанных, интегрирует две взаимосвязанные компоненты

– внешнеполитическую и внешнеэкономическую – в единую целостную систему на основе принципов системного подхода и включает в себя: рассмотрение ОФР как неотъемлемого компонента внешнеполитического инструментария государства-донора; операционализацию выявления ключевых внешнеэкономических интересов донора в регионе; системную оценку политических рисков для реализации этих интересов; разработку принципов выявления инструментов и проектов ОФР, обладающих наибольшим митигационным эффектом в отношении рисков различного типа.

Данный подход позволяет выявлять стратегические интересы страны-донора, устанавливать скрытые взаимосвязи в системе, определять взаимное влияние внешнеполитических и внешнеэкономических целей, а также оценивать текущее состояние и перспективы применения инструментов ОФР. Его использование позволяет преодолеть фрагментарность в оценке воздействия инструментов ОФР на реализацию национальных интересов стран-провайдеров и осуществлять системно-комплексную оценку эффективности применения инструментов ОФР.

3. С использованием оригинальной комбинации материалов ежегодных опросов представителей бизнес-сообщества, ранее никогда не обрабатывавшихся с такими целями в научной литературе ни в России, ни за рубежом, выявлены изменения в глобальном ландшафте рисков для внешнеэкономической деятельности, имевшие место в 2010 – 2020-е гг. и в их восприятии представителями деловых кругов. На основе полученных данных сформулирован ряд актуальных в прикладном плане гипотез относительно возможного влияния указанных изменений на политику предоставления ОФР.

4. На эмпирическом материале доказана инструментальная ценность предложенного автором варианта комбинирования методов исследования (системного анализа, сравнительного анализа, проблемно-хронологического анализа, анализа текстов официальных документов, структурного анализа статистических данных, адаптированного к специфике двух сопоставляемых провайдеров ОФР (США и КНР) и центральноазиатского контекста) для раскрытия

роли и целевой функции инструментов ОФР в обеспечении национальных интересов стран-доноров в конкретном региональном контексте.

Данная комбинация методов позволила комплексно сопоставить практику применения инструментов официального финансирования развития США и Китая в Центральной Азии в условиях формирования полицентричной системы международных отношений и произвести интеграцию различных аспектов политики США и КНР: целеполагания (стратегические интересы, цели, приоритеты, направления), конкретного инструментария, институциональной архитектуры.

Доказано, что декларируемые интересы этих стран в сфере развития расходятся с реальными, увязаны друг с другом в систему стратегических целей. Также выявлены отличительные особенности подходов каждой из стран, которые имеют свою специфику и свой эволюционный путь.

5. Определены особенности динамики и структуры потоков ОФР США и КНР и факторы, обуславливавшие их волатильность на примере конкретного регионального контекста и с применением структурного анализа статистических данных по потокам ОФР, адаптированного под специфику США и КНР как сопоставляемых государств-провайдеров. Это позволило раскрыть взаимную обусловленность динамики и аллокации средств – их распределения между отдельными финансовыми инструментами, страновыми и секторальными направлениями – во взаимосвязи с изменениями стратегических приоритетов двух держав в меняющихся геополитических условиях.

6. Впервые на примере центральноазиатского направления выявлены принципиальные различия в подходах США (как крупнейшего западного донора) и Китая (как крупнейшего незападного провайдера) к выбору между прямыми и косвенными методами обеспечения экономических интересов, включая защиту инвестиций от политических рисков, инструментами ОФР. Раскрыта совокупность новых факторов, обуславливающих определенное сближение этих подходов в современных условиях обострения межгосударственного соперничества.

Теоретическая значимость работы. Полученные научные результаты раскрывают важные аспекты центральной для исследований ОФР научной проблемы – определения детерминант политики финансирования развития и характера отражения целевой ориентации в динамике и структуре соответствующих потоков. В частности, они способствуют более глубокому познанию того, какое влияние оказывает формирование полицентричного мирового порядка на практику применения инструментов ОФР для обеспечения национальных интересов государств-доноров – как во внешнеполитической, так и во внешнеэкономической сферах – применительно к стратегически значимому региональному контексту. Научные результаты и положения позволяют сформировать более глубокое понимание сущности и направления системной трансформации современного мира – стержневой проблемы для современных международно-политических исследований.

Особую теоретическую значимость имеет углубление понимания механизмов влияния практики применения инструментов ОФР на защиту национальных интересов государств-доноров во внешнеэкономической сфере – в первую очередь, применительно к митигации инвестиционных рисков.

Хотя апробация идей и методов исследования происходит на примере конкретного центральноазиатского контекста, реализованные наработки могут представлять ценность для исследования любого регионального ландшафта. В этом смысле диссертационное исследование развивает теоретические результаты, полученные в рамках проекта РНФ № 23-28-01060 «Влияние новых трендов в оказании содействия международному развитию на параметры политических рисков для внешнеэкономической деятельности». Полученные результаты могут служить основой как для новых разработок в области международной политической экономики, так и для исследования внешней политики отдельных стран.

Практическая значимость исследования проявляется в двух ключевых аспектах.

Во-первых, результаты работы могут использоваться в рамках информационно-аналитического обеспечения внешней политики России, что актуально с точки зрения обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития как самой РФ, так и ее партнеров по ЕАЭС и СНГ. В условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны стран Запада, нарушающего нормы международного права и включающего финансовые ограничения, замораживание суверенных активов РФ и многие другие рестриктивные меры, исследование содержит важные аналитические материалы для выработки эффективных ответных мер и подходов к реализации национальных интересов. Особую значимость результаты исследования также приобретают в контексте защиты растущих российских инвестиций в Центральной Азии (см. приложения 1 и 3) и стимулирования развития товарооборота со странами региона. Исследование опыта ведущих держав – провайдеров ОФР, таких как США и КНР, позволило разработать практические рекомендации для оптимизации экспертно-аналитического обеспечения и инструментария российской политики предоставления ОФР в Центральной Азии.

Во-вторых, результаты сравнительного анализа подходов США и Китая к применению инструментов официального финансирования развития в Центральной Азии могут быть использованы в образовательном процессе при подготовке учебных программ и курсов для студентов, обучающихся по специальностям «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Мировая экономика» и др.

Теоретическая основа исследования сформирована на базе реалистской парадигмы в теории международных отношений. Применительно к международной помощи развитию тезис о примате интересов государств-доноров одним из первых выдвинул основоположник школы политического реализма Г. Моргентау⁸⁹. Он получил развитие и в трудах многих других исследователей-реалистов, затрагивавших релевантные нашему исследованию вопросы, в рамках

⁸⁹ Morgenthau H.A. Political Theory of Foreign Aid // The American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56, No. 2. – P. 301–309.

предложенной Д. Болдуином концепции *'economic statecraft'* как искусства применения экономических инструментов во внешнеполитических целях⁹⁰, а также в большом числе профильных исследований, посвященных изучению мотивов оказания международной помощи⁹¹. Опора на реалистскую парадигму позволяет интерпретировать ОФР как инструмент повышения конкурентных преимуществ государства в анархичной международной среде, а также раскрывает стратегическую природу действий США и Китая как провайдеров ОФР в Центральной Азии.

Эмпирический контекст исследования изучается с опорой на отстаиваемый многими ведущими российскими учеными тезис о формировании полицентричного миропорядка – переходе от однополярности к системе с несколькими центрами силы⁹². Он помогает объяснить, как конкурентная динамика между США и КНР как великими державами актуализирует использование ОФР для создания и удержания зон влияния и противодействия стратегическим соперникам.

Методология и методы исследования. В процессе исследования были использованы как общенаучные, так и конкретно-научные, а также специализированные методы и приемы научного познания. Исходя из характера общей цели диссертационного исследования, основными методами выступали системный анализ и сравнительный анализ.

⁹⁰ Baldwin D. *Economic Statecraft*. – Princeton: Princeton University Press, 1985. – 508 p.

⁹¹ Наиболее полный и актуальный обзор данного кластера исследований на английском языке был опубликован в 2024 г. А. Дреером и его коллегами [Dreher A., Lang V., Reinsberg B. Aid Effectiveness and Donor Motives // *World Development*. – 2024. – Vol. 176, Art. 106501. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106501> (дата обращения: 08.05.2025)], а на русском – в 2025 г. М.Д. Микитчук [Микитчук М.Д. Официальная международная помощь: эффективность благоориентированного мотива // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2025. – Т. 67, № 2. – С. 168–189].

⁹² Подробнее об изменениях центрсилоевой структуры системы мировой политики и вызовах, которые они ставят перед Россией и другими государствами Евразии см., например: *Международные отношения: грани настоящего и будущего* / под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой. – М.: НП РСМД, 2023. – 472 с.; Шаклеина Т.А. *Россия и США: к новому мировому порядку*. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2023. – 560 с. И др.; Кокошин А.А., Кокошина З.А. *О контурах формирующейся центрсилоевой структуры системы мировой политики*. – М.: ЛЕНАНД, 2025. – 104 с.; Перская В.В., Эскиндаров М.А. *Вхождение в многополярность. Очерки переходного этапа*. – М.: Курс, 2019. – 300 с.; Слуцкий Л.Э., Кротов М.И., Мунтиян В.И. *Россия и евразийская интеграция в многополярном мире* – М.: Издательство Московского университета, 2025. – 294 с.

Системный анализ применялся при решении всех задач исследования: в рамках рассмотрения комплекса инструментов ОФР в качестве составной части внешнеполитического инструментария государства, с одной стороны, и в качестве самостоятельной системы со сложными связями между ее отдельными элементами; при решении задач, связанных с обработкой эмпирического материала – посредством рассмотрения США, Китая и стран ЦА в качестве элементов глобальной системы международных отношений как разновидности открытой динамической системы.

Сравнительный анализ использовался на всех этапах исследования при решении почти всех частных задач: при сопоставлении особенностей различных инструментов, форм, каналов ОФР и подходов западных и незападных доноров к распределению ресурсов между ними; при сопоставлении глобального ландшафта рисков и особенностей его восприятия международным бизнесом до и после пандемии COVID-19 и ускорения глобальной турбулентности на фоне начала Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г.; при сравнении механизмов прямого и косвенного воздействия на политические риски для внешнеэкономической деятельности инструментами ОФР; при сопоставлении стратегических приоритетов политики США и КНР в странах Центральной Азии как в межстрановом, так и во временном разрезах; при соотнесении изменений в динамике и структуре официального финансирования развития США и КНР в Центральной Азии со стратегическими установками; применительно к США – также для сопоставления объемов запрошенной помощи и фактических обязательств, принятых на основании утвержденных Конгрессом ассигнований, структуры ОФР (в том числе соотношения невоенной и военной помощи) при разных партийно-политических конфигурациях; при выявлении особенностей применения инструментов ОФР США и КНР для реализации своих политических и экономических интересов в странах Центральной Азии.

Проблемно-хронологический анализ использовался для раскрытия эволюции стратегических установок политики США и КНР в странах Центральной Азии и роли в ней инструментов ОФР.

Анализ текстов официальных документов использовался при изучении доктринальных документов США и КНР и американских материалов, сопровождающих бюджетный процесс, в рамках которого утверждаются ассигнования на ОФР. В отдельных случаях производился также подсчет частотности упоминания ключевых слов в документах разного времени для отслеживания изменений в официальном дискурсе.

Метод структурного анализа статистических данных использовался, в первую очередь, в рамках изучения динамики и структуры ОФР США и КНР в Центральной Азии, а также в решении вспомогательных задач при отслеживании изменений в общей структуре потоков прямых иностранных инвестиций и ОФР, поступающих в ЦА.

Источниковую базу исследования составляют следующие группы источников:

1. Официальные документы США, КНР и стран Центральной Азии;
2. Статьи, выступления и интервью официальных лиц США, КНР и стран Центральной Азии;
3. Документы международных организаций (Организации Объединенных Наций (ООН), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), МВФ (Международного валютного фонда), Всемирного банка, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Нового банка развития (НБР), ЕАБР, ЕФСР и др.);
4. Материалы статистики по потокам официального финансирования развития от стран, предоставляющих данные в КСР ОЭСР, по потокам ОФР США, отражаемым в американской государственной базе ForeignAssistance.gov, поддерживаемой Госдепартаментом США, а также массивы данных по ОФР КНР, собранные специалистами лаборатории AidData, данные ЮНКТАД, статистических агентств и центральных банков стран Центральной Азии по прямым иностранным инвестициям и товарообороту;

5. Материалы опросов представителей бизнеса из разных западных и незападных стран о политических рисках, подготовленных компаниями «Allianz», «WTW» и «Oxford Analytica», «Marsh», «Ernst & Young» и др.;

6. Материалы средств массовой информации США, КНР, РФ и стран ЦА на английском, китайском и русском языках.

В целом, объем доступных источников позволяет решить поставленные в диссертационном исследовании задачи, однако фрагментарный характер официальной информации о китайской помощи и получаемой внешней помощи в некоторых странах Центральной Азии, а также принципиальные отличия в подходах к статистическому учету ОФР в США и Китае делают невозможным достижение полной сопоставимости анализируемых числовых данных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Официальное финансирование развития целесообразно определить как совокупность различных финансовых инструментов (грантов, льготных и нельготных кредитов, механизмов облегчения долгового бремени, гарантий и др.), которые применяются властными органами суверенных государств, а также учрежденными и/или контролируемыми ими юридическими лицами, направлены номинально на обеспечение социально-экономического развития зарубежных стран и решение трансграничных проблем, но одновременно служат реализации национальных интересов государства-донора.

2. В рамках анализа роли инструментов ОФР в обеспечении стратегических интересов государства-донора в конкретном региональном контексте необходима интеграция внешнеполитической и внешнеэкономической компонент и выполнение комплекса действий, объединенных общим концептуальным замыслом:

1) рассмотрение ОФР как неотъемлемого компонента внешнеполитического инструментария государства;

2) выявление ключевых внешнеэкономических интересов донора в регионе;

3) системная оценка политических рисков для реализации этих интересов;

4) определение инструментов и проектов ОФР, обладающих наибольшим митигационным эффектом в отношении региональных и страновых политических рисков для внешнеэкономической деятельности.

3. Глобальный ландшафт рисков для ведения бизнеса в 2010-2020-е гг. претерпел весьма значимые для сферы финансирования развития изменения. При том что бизнес продолжает недооценивать политические риски в сравнении с другими категориями и деприоритизировать риски, связанные с вооруженным насилием, внимание к комплексным рискам, связанным с обострением междержавной конкуренции, и управлению ими растет. Это создает условия для более активного применения инструментов ОФР в целях митигации таких уязвимостей – для оказания как прямого воздействия с перераспределением рисков между государством и частным сектором, так и косвенного – посредством трансформации институциональной среды в странах-реципиентах. Однако более выраженная склонность бизнеса из конкурирующих держав (в первую очередь, США, КНР, РФ) к инвестициям в одни и те же высокорисковые юрисдикции может создать новые узлы напряженности в развивающихся странах и потребовать калибровки инструментария ОФР в зонах особо интенсивного соперничества, в том числе в ЦА.

4. Стратегические приоритеты США и Китая в ЦА на протяжении большей части рассматриваемого периода принципиально отличались, отражая специфику геополитических установок и внешнеполитических доктрин двух держав. Стратегические приоритеты политики США в ЦА, реализуемые через инструменты ОФР, развиваются в соответствии с выявленной закономерностью циклической смены прагматических и идеологических подходов, обусловленных взаимодействием внешнеполитической конъюнктуры и внутривнутриполитической динамики в США.

Стратегические приоритеты КНР в ЦА являются последовательными и характеризуются долгосрочной ориентацией. К ним относятся обеспечение

развития и стабильности в западных областях Китая, получение доступа к минеральным и энергетическим ресурсам, развитие транспортного потенциала региона в рамках инициативы «Пояс и путь», продвижение альтернативных моделей регионального сотрудничества. Установлено, что в последние годы обозначилась тенденция к некоторому концептуальному сближению американских подходов с китайскими, обусловленная возвращением к власти Д. Трампа и ускорением таких процессов, как обострение дефицита природных ресурсов, пространственная реконфигурация мира, кризис существующей хозяйственной системы и формирование нового миропорядка.

5. Специфика стратегических установок США и КНР в ЦА рельефно отражалась как в динамике, так и в структуре потоков предоставляемого ими ОФР. Волатильность потоков была выявлена в обоих кейсах, но имела разные причины. В случае с США колебания предопределялись зависимостью от смены администраций в Вашингтоне и от изменений в их восприятии угроз национальной безопасности. В случае с Китаем – преобладанием прагматических мотивов и акцентом на выделение крупных многолетних займов, часто синхронизируемых с символически значимыми событиями (подобными запуску инициативы «Пояс и путь» и проведению одноименных форумов международного сотрудничества). Структура распределения потоков ОФР США и КНР в ЦА существенно отличалась, но для обеих стран была характерна взаимная обусловленность аллокации средств между отдельными финансовыми инструментами, страновыми и секторальными направлениями, которая, в свою очередь, отражала различия в стратегических приоритетах и особенностях их эволюции.

6. Китайский подход к применению инструментов ОФР для защиты экономических интересов в ЦА сочетает общие для политики КНР методы (использование содействия развитию госкомпаниями для поощрения реализации основного коммерческого контракта, «связывание»⁹³ помощи, жесткие условия предоставления кредитов) с учетом региональной специфики, проявляющейся в

⁹³ Предоставление финансирования на условиях, предполагающих закупку товаров, работ или услуг у субъектов, связанных с государством-провайдером.

ограниченном финансировании сектора безопасности для противодействия рискам, связанным с активностью негосударственных акторов. Кроме того, важную роль в защите китайского бизнеса от политических рисков играет деятельность Китайской корпорации по страхованию экспортных кредитов (Sinosure). Для американского подхода к применению инструментов ОФР для защиты собственных экономических интересов в ЦА было характерно то, что основную роль в снижении политических рисков играли классические инструменты официальной помощи развитию, включая программы совершенствования судебной-правовых систем, противодействия коррупции и улучшения инвестиционного климата. Однако после прихода к власти новой администрации Д. Трампа выявлено сворачивание США традиционных гуманитарных программ в регионе и смещение акцента на предоставление кредитов и инвестиционных гарантий по линии Американской корпорации финансирования международного развития (АКФМР), что соответствует их общей стратегии на укрепление своих позиций в условиях глобального соперничества с КНР.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертационная работа соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин;

4. Ценности и интересы в международных отношениях и в мировой политике. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов;

7. Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Международный

терроризм и борьба с ним. Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы;

12. Внешняя политика и дипломатия;

13. Международная политическая экономия;

14. Гуманитарные, социальные и экологические проблемы мировой политики и международных отношений.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных результатов исследования обеспечена обоснованностью использования адекватных замыслу диссертации теоретико-методологической основы и релевантных эмпирических данных и фактов на всех этапах исследования, а также использованием научных методов, соответствующих задачам и цели исследования. Степень достоверности была обеспечена за счет получения достоверных знаний из научных работ ведущих отечественных и зарубежных ученых по проблемам политики содействия международному развитию, а также на основе обширного массива верифицируемых источников информации. Также достоверность результатов подтверждена экспертными оценками ведущих специалистов.

Апробация результатов исследования. Основные идеи, научные положения и выводы, представленные в данном исследовании, нашли отражение в 6 научных публикациях (общий объем – с учетом авторского вклада – 6,2 п.л.). Среди них 3 статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих в ядро Российского индекса научного цитирования⁹⁴, 1 статья в научном издании, рекомендованном для защиты в диссертационном совете МГУ имени

⁹⁴ Бартенев В. И., Мендагазиев А. Е. Константы и переменные в восприятии политических рисков международным бизнесом в 2010–2020-е годы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 55–84.; Мендагазиев А.Е. Китайские инвестиции в Центральной Азии и роль официального финансирования развития в их защите от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2025. – № 1. – С. 33–46; Мендагазиев А. Е. Политика ведущих западных стран как доноров инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии: логика восприятия и митигации рисков // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 177–207.

М.В. Ломоносова по соответствующей специальности и отрасли наук⁹⁵, а также 2 статьи в рецензируемых журналах Перечня ВАК.⁹⁶

Ряд работ был реализован в рамках проекта РНФ № 23-28-01060 «Влияние новых трендов в оказании содействия международному развитию на параметры политических рисков для внешнеэкономической деятельности».⁹⁷

Основные выводы и положения диссертационного исследования были презентованы на международных и всероссийских научно-практических конференциях. В их числе: XXVI Апрельская международная научная конференция имени Е.Г. Ясина (в рамках круглого стола «Финансирование международного развития в мировой экономике и политике второй четверти XXI века: актуальные тренды и новые инструменты анализа» с участием ведущих отечественных профильных специалистов и представителей федеральных органов государственной власти РФ, участвующих в реализации государственной политики в области СМР (НИУ ВШЭ, 15 апреля 2026 г.); «Новая Евразия: пути интеграции и сотрудничества» (Центр центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН, 24–25 декабря 2024 г.), «Центральная Азия и Россия: сотрудничество в условиях глобальной турбулентности» (ИКСА РАН, МГИМО 27–28 июня 2024 г.), «Форум мировой политики» (ФМП МГУ, 29 ноября 2024 г.); «Центральная Азия - Россия: энергетика, политика и новые транзитные возможности» (Институт стран Азии и Африки МГУ, 27 ноября 2023 г.), «Центральная Азия в международной политике: внешние и внутренние факторы развития» (ИМЭМО РАН, 16 ноября 2023 г.), «Ломоносовские чтения-2023» (ФМП МГУ, 6 – 13 апреля 2023 г.), «Ломоносов-2023» (МГУ, 10–21 апреля 2023 г.), а также в рамках Школы Фонда Горчакова по Центральной Азии (Астана, 17–21 октября 2023 г.).

⁹⁵ Мендагазиев А.Е. Роль России в содействии развитию стран Центральной Азии в новых геополитических условиях // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 3. – С. 6–10.

⁹⁶ Торопыгин А. В., Мендагазиев А. Е. Взаимозависимость интересов США, Китая и России в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 88–98; Мендагазиев А. Е., Торопыгин А. В., Саидамиров Б. Ш. Евразийский фонд стабилизации и развития в структуре механизмов сотрудничества России как донора со странами Центральной Азии // Государственное управление. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 104–115.

⁹⁷ Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований № 23-28-01060, поддержанного Российским научным фондом. РНФ. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01060/> (дата обращения: 08.08.2025).

Личный вклад автора. Положения, выносимые на защиту, были апробированы в индивидуальных научных статьях и научных статьях, опубликованных в соавторстве.

В статье о восприятии политических рисков международным бизнесом⁹⁸ автор сравнивал материалы серийных докладов, обобщающих результаты ежегодных опросов представителей бизнес-сообщества в целях выявления констант и переменных в восприятии деловыми кругами политических рисков в 2010–2020-е годы. Положения статьи нашли отражение в параграфе диссертации 1.3.

В статье, посвященной анализу интересов России, Китая и США в Центральной Азии⁹⁹, автор определил ключевые цели политики держав в регионе и логику их восприятия странами ЦА. Выводы статьи были использованы в параграфах диссертации 2.1 и 3.1. К авторству А.Е. Мендагазиева относятся разделы статьи в диапазоне с 88 по 95 с.

В публикации о западных донорах инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии¹⁰⁰ автор, среди прочего, провел анализ наиболее релевантных документов стратегического планирования США и определил специфику американских подходов к применению официального финансирования развития в целях митигации рисков для бизнеса. Результаты статьи представлены в параграфах 2.1 и 2.3.

В статье, исследующей роль официального финансирования Китая в защите инвестиций в Центральной Азии¹⁰¹, автор определил специфику китайских подходов к митигации рисков для национального бизнеса применительно к данному региону. Положения статьи нашли отражение в параграфе 3.3.

⁹⁸ Бартенев В.И., Мендагазиев А.Е. Константы и переменные в восприятии политических рисков международным бизнесом в 2010–2020-е годы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 55–84.

⁹⁹ Мендагазиев А.Е., Торопыгин А. В. Взаимозависимость интересов США, Китая и России в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 88–98.

¹⁰⁰ Мендагазиев А. Е. Политика ведущих западных стран как доноров инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии: логика восприятия и митигации рисков // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 177–207.

¹⁰¹ Мендагазиев А. Е. Китайские инвестиции в Центральной Азии и роль официального финансирования развития в их защите от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2025. – № 1. – С. 33–46.

В статьях, посвященных роли России в содействии развитию стран ЦА¹⁰² и месту в нем ЕФСР¹⁰³, автор определил подходы РФ к оказанию официального финансирования развития в исследуемом региональном контексте. Выводы этих статей помогли сформулировать практические рекомендации, представленные в Заключении.

¹⁰² Мендагазиев А.Е. Роль России в содействии развитию стран Центральной Азии в новых геополитических условиях // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 3. – С. 6–10.

¹⁰³ Мендагазиев А.Е., Торопыгин А.В., Саидамиров Б.Ш. Евразийский фонд стабилизации и развития в структуре механизмов сотрудничества России как донора со странами Центральной Азии // Государственное управление. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 104–115.

ГЛАВА 1. ОФИЦИАЛЬНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Настоящая глава посвящена теоретическому и методологическому осмыслению официального финансирования развития (ОФР) как инструмента реализации национальных интересов в условиях формирования полицентричного мирового порядка.

В первом параграфе рассматриваются различные финансовые потоки в сфере содействия международному развитию, а также предлагается уточненное определение ОФР.

Во втором параграфе обосновывается методологическая рамка исследования. Обобщаются положения релевантных зарубежных и отечественных научных публикаций по заявленной проблематике, что позволяет охарактеризовать различия в подходах западных и незападных доноров к применению инструментов ОФР и сформулировать ряд принципов их анализа и сопоставления.

В третьем параграфе роль ОФР рассматривается в контексте реализации национальных интересов во внешнеэкономической сфере. Исследуются происходящие в условиях роста геополитической напряженности и фрагментации международной системы изменения в восприятии международным бизнесом ключевых рисков и их влияние на практику применения прямых и косвенных механизмов снижения политических рисков в рамках политики предоставления ОФР.

Глава формирует теоретико-методологическую основу для последующего сравнительного анализа политики США и КНР по предоставлению ОФР в Центральной Азии.

1.1. ОФР: категориальное содержание понятия и структура комплекса инструментов

Официальное финансирование развития (ОФР) является неотъемлемым элементом современной системы содействия международному развитию (СМР). Традиционное понимание СМР (international development assistance) акцентирует внимание на модели взаимодействия «донор – реципиент» с преобладанием односторонней передачи ресурсов от развитых стран развивающимся. С. Клингенбиель, руководитель отдела двустороннего и многостороннего сотрудничества в сфере развития Германского института развития, рассматривает СМР как институционализированную сферу международных отношений, в рамках которой действуют согласованные правила и критерии предоставления помощи развитию. Текущая система включает широкий круг акторов: государства, международные организации, институты гражданского общества и структуры частного сектора.¹⁰⁴ Р. Риддел, директор консалтинговой фирмы Oxford Policy Management, в свою очередь, подчеркивает, что, несмотря на возникающие противоречия, современная система международного сотрудничества в сфере развития представляет собой комплексный механизм, направленный на достижение устойчивого развития через согласование политик, обмен опытом и реализацию совместных инициатив.¹⁰⁵

Среди отечественных ученых одно из наиболее полных определений СМР дал ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований НИУ ВШЭ В.И. Бартенев: «СМР – совокупность мер, принимаемых органами государственной власти различных уровней, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами в рамках оказания финансового, технического, гуманитарного и иного содействия (безвозмездного

¹⁰⁴ Klingebiel S. What Is Development Cooperation? // Development Cooperation: Challenges of the New Aid Architecture. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 1–3.

¹⁰⁵ Riddell R.C. Does Foreign Aid Really Work? – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 40–41.

или на льготных условиях), направленного – прямо или косвенно – на обеспечение устойчивого и безопасного социально-экономического развития иностранных государств и урегулирование различного рода чрезвычайных ситуаций».¹⁰⁶

Сегодня СМР объединяет несколько ключевых форм взаимодействия: сотрудничество в сфере развития по линии Север – Юг, сотрудничество в сфере развития по линии Юг – Юг и трехстороннее сотрудничество (triangular cooperation). Под сотрудничеством в сфере развития по линии Север – Юг понимается модель взаимодействия между развитыми и развивающимися странами, основанная на предоставлении финансовых ресурсов, технологий и экспертизы развитыми странами развивающимся странам. Сотрудничество по линии Юг – Юг, в свою очередь, представляет собой уникальную форму международного сотрудничества между развивающимися странами и основано на принципах горизонтального партнерства и получения экономической выгоды каждой страной-участницей в процессе обмена знаниями, навыками, техническими ноу-хау и взаимными инвестициями.¹⁰⁷ Сотрудничество по линии Юг – Юг возникло как альтернатива традиционной модели помощи по линии Север – Юг еще в разгар «холодной войны», однако в последнее время стало играть большую роль в глобальной архитектуре СМР.¹⁰⁸ Наконец, различные форматы трехстороннего сотрудничества получили заметное институциональное развитие по мере укрепления сотрудничества по линии Юг – Юг и подразумевают модели со-участия «традиционных» доноров («Север») и развивающихся стран («Юг») в реализации программ и проектов СМР в третьих странах.

¹⁰⁶ Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. – Серия XXV: Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 139.

¹⁰⁷ Nairobi Outcome Document of the High-Level United Nations Conference on South-South Cooperation: resolution / adopted by the General Assembly. – A/RES/64/222. – New York: UN, 2009. – 21 p. URL: <https://docs.un.org/en/A/RES/64/222?> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁰⁸ См. подробнее: Mawdsley E. From Recipients to Donors: Emerging Powers and the Changing Development Landscape. – London: Zed Books, 2012. – 280 p.; Kharas H. The Emerging Middle Class in Developing Countries // OECD Development Centre – 2010. – Working Paper № 285. – 61 p.; Purushothaman C. Emerging Powers, Development Cooperation and South-South Relations / Ch. Purushothaman. – International Political Economy Series. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – 250 p.

Все три модели, дополняющие друг друга, упомянуты в Цели № 17 Глобальной повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестки – 2030), утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г.¹⁰⁹

Среди упомянутых моделей долгое время в мировой политике доминировала модель сотрудничества по линии Север – Юг, которая постепенно стала объектом международной статистической стандартизации и координации на межправительственном уровне. Ключевую роль в этом стала играть Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), учрежденная в 1961 г. на основе Организации европейского экономического сотрудничества, которая была, в свою очередь, создана для координации американского «Плана Маршалла», и ее Комитет по содействию развитию (КСР), для сопровождения работы которого был создан профильный директорат Секретариата (с 1975 г. он называется Директорат по сотрудничеству в сфере развития). Еще с 1960 г. начали разрабатываться правила такого учета – тогда особое значение придавалось *официальной* льготной помощи, которая в 1969 г. была определена как **«официальная помощь развитию» (ОПР – ODA – official development assistance)**. Именно она стала «ядром» используемой с тех пор ОЭСР стандартной «матрицы» потоков ресурсов, направляемых в развивающиеся страны, которая формируется исходя из двух параметров: источника происхождения средств и льготности. (см. табл. 1)

На текущий момент категория **ОПР** используется для расчета почти всех целевых показателей помощи и оценки выполнения соответствующих обязательств. Под ОПР, согласно актуальной версии рекомендаций КСР ОЭСР по статистическому учету финансовых потоков, понимаются «гранты и кредиты, за исключением отдельно учитываемых инструментов мобилизации частного сектора, направляемые официальными органами (включая власти регионального и муниципального уровней) или их исполнительными агентствами официальным учреждениям стран и территорий, включенных КСР ОЭСР в список реципиентов ОПР, международным неправительственным организациям и многосторонним

¹⁰⁹ Goal 17: Revitalize the global partnership for sustainable development. Sustainable Development // The United Nations. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/globalpartnerships/> (дата обращения: 08.08.2025).

институтам развития в интересах содействия экономическому развитию и благосостоянию развивающихся стран в качестве основной цели и на льготной основе»¹¹⁰.

Таблица 1.

**«Стандартная» матрица потоков ресурсов в развивающиеся страны,
используемая ОЭСР**

	Льготные	Нельготные
Официальные	Официальная помощь развитию (ОПР)	Прочее официальное финансирование (ПОФ)*; Инструменты мобилизации частного капитала (ИМЧК); Экспортные кредиты с господдержкой
Частные	Гранты некоммерческих организаций (НКО), фондов и благотворительных организаций	Частные коммерческие потоки

Примечание: * – исключая экспортные кредиты с господдержкой.

Источник: DAC Working Party on Development Finance Statistics. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. – DCD/DAC/STAT(2026)14/FINAL – Paris: OECD, 2026. – Р. 6. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2026\)14/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2026)14/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 30.07.2026).

Критерии отнесения финансовых потоков к официальной помощи развитию неоднократно подвергались уточнению. В последние годы особенно радикальному переосмыслению подверглись правила учета потоков содействия в области безопасности; спектр таких потоков, квалифицируемых в качестве ОПР, существенно расширился. По мнению В.И. Бартенева, это произошло из-за объективного снижения возможностей западных государств в 2010-е гг. наращивать объем помощи развивающимся странам на фоне серьезного обострения проблем бюджетного дефицита¹¹¹.

Для анализа политики официального финансирования развития, особенно незападных доноров, к которым мы относим Азербайджан, Бразилию, Индию, Индонезию, Казахстан, Катар, Китай, Кувейт, ОАЭ, Россию, Саудовскую Аравию,

¹¹⁰ DAC Working Party on Development Finance Statistics. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. – DCD/DAC/STAT(2026)14/FINAL – Paris: OECD, 2026. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2026\)14/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2026)14/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 30.07.2026).

¹¹¹ Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – С. 18.

Турцию, ЮАР и др., не менее важной является категория **«прочее официальное финансирование» (ПОФ, OOF – other official flows)**. КСР ОЭСР под ПОФ понимает официальные потоки, которые не соответствуют критериям ОПР – не имеют главной целью содействие *развитию* или имеют грант-элемент¹¹² менее установленных Комитетом нормативов¹¹³. Категория ПОФ сегодня не включает в себя формально подпадающие под это описание экспортные кредиты, предоставленные непосредственно получателю помощи официальным агентством или учреждением (официальные прямые экспортные кредиты), но объединяет следующие ключевые виды инструментов: приобретение правительствами и центральными банками ценных бумаг, выпущенных многосторонними банками развития на рыночных условиях; субсидии (гранты) частным финансовым организациям для смягчения условий, выдаваемых ими развивающимся странам кредитов и др.

В рамках достижения ЦУР в последнее десятилетие на передний план международных дискуссий выдвинулись также вопросы привлечения частного капитала через инструменты каталитического финансирования. После принятия Повестки–2030 и Аддис-Абебской программы действий¹¹⁴ в 2015 г. была введена новая категория для обозначения **инструментов мобилизации частного капитала (Private Sector Instruments, PSI, ИМЧК)**, применяемых институтами финансирования развития (development finance institutions, DFIs) отдельных стран и международными институтами. С 2014 г. КСР ОЭСР вел разработку методики учета потоков, причисляемых к данной категории, а в 2019 г. она стала внедряться в обновленную статистическую систему ОЭСР.¹¹⁵

¹¹² Грант-элемент – показатель льготности кредита, разница между его номинальной стоимостью и суммой приведенной стоимости обслуживания долга, которую должен оплатить заемщик, выраженной в процентах от номинальной стоимости кредита.

¹¹³ DAC Working Party on Development Finance Statistics. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. – DCD/DAC/STAT(2026)14/FINAL – Paris: OECD, 2026. – Par. 22. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2026\)14/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2026)14/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 30.07.2026).

¹¹⁴ Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development (Addis Ababa Action Agenda): [Endorsed by UN GA resolution 69/313 of 27 July 2015]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares69d313_ru.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

¹¹⁵ Measuring Mobilisation. Briefing on Efforts to Harmonise OECD and MDB Measurement Methodologies. – DCD/DAC(2018)25. – Paris: OECD, 2018. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2018\)25/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2018)25/en/pdf) (дата обращения: 08.05.2025).

В статистических директивах ОЭСР термин «официальное финансирование развития» (official development finance, ODF) применяется в отношении потоков, поступающих в развивающиеся страны. Он рассчитывается как сумма ОПР, ИМЧК, двустороннего ПОФ (за исключением грантов и займов ПОФ, предоставляемых для коммерческих целей), а также всех грантов и займов, предоставляемых многосторонними институтами развития, независимо от грант-элемента этих займов.¹¹⁶ При этом важно то, что инструменты ИМЧК были включены в официальное определение ОФР, приведенное в методических указаниях ОЭСР, только в 2024 г.

Такое понимание ОФР близко соприкасается с новой статистической категорией «Общая официальная поддержка устойчивого развития» (ООПУР, TOSSD – Total Official Support for Sustainable Development), которая была разработана в целях мониторинга реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН. Как отмечает Х. Харас, старший научный сотрудник Центра устойчивого развития в Институте Брукингса, и Дж. Маккартур, директор данного Центра, ее создание стало ответом на необходимость комплексного учета всех видов финансовых потоков от всех доноров, способствующих достижению ЦУР, включая как льготные, так и нельготные потоки средств, содействующих устойчивому развитию.¹¹⁷ Сам факт разработки новой категории стал следствием не только утверждения новой глобальной повестки дня в области развития, но и осознанием важности финансовых потоков помимо ОПР, предоставляемых в том числе незападными донорами, в первую очередь в рамках сотрудничества по линии Юг – Юг.¹¹⁸

Категория ИМЧК также была включена в категорию ООПУР в качестве интегральной части – одного из трех основных компонентов *официального*

¹¹⁶ DAC Working Party on Development Finance Statistics. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. – DCD/DAC/STAT(2026)14/FINAL – Paris: OECD, 2026. – Par. 29. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2026\)14/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2026)14/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 30.07.2026).

¹¹⁷ Kharas H., McArthur J. Building the SDG Economy: Needs, Spending, and Financing for Universal Achievement of the Sustainable Development Goals – Global Economy & Development. Working Paper 131. Washington, DC: Brookings Institution, 2019. – P.17.

¹¹⁸ Quadir F. Rising Donors and the New Narrative of ‘South–South’ Cooperation: What Prospects for Changing the Landscape of Development Assistance Programmes? // Third World Quarterly. – 2013. – Vol. 34, No. 2. – P. 321–336.

финансирования развития. В состав ¹¹⁹ отслеживаемых международной статистикой ИМЧК входят гарантии и страхование, синдицированные кредиты, доли в коллективных инвестиционных фондах, кредитные линии для частных заемщиков, прямые инвестиции в компании, гранты и займы в совместных проектах и схемы проектного финансирования.¹²⁰

Все рассмотренные категории финансовых потоков объединяет концепт «развитие», который выступает номинальной целью осуществляемого взаимодействия. Статистическая классификация позволяет установить происхождение, назначение и финансовые параметры потоков, но сама по себе не раскрывает политической логики их распределения, в связи с чем категориальный анализ необходимо рассматривать в совокупности с мотивами и интересами государств-провайдеров. Как утверждают сотрудники Института международных исследований МГИМО Ю.А. Никитина и Е.А. Сергеев, «попытки количественного анализа помощи развитию в целом дают результат в рамках бюрократической логики, но не внешнеполитической или внешнеэкономической»¹²¹. Стратегические приоритеты доноров являются амбивалентными и выходят далеко за рамки декларируемых целей *содействия развитию*, преодоления бедности и неравенства.¹²²

Вопрос о мотивах политики содействия развитию, главный импульс формированию которой дал процесс деколонизации, остается одним из наиболее дискуссионных в профильных исследованиях. Представителями либерально-идеалистической парадигмы содействие развитию трактуется как форма предоставления глобальных общественных благ с целью преодоления структурных

¹¹⁹ TOSSD состоит из двух категорий. Категория I предназначена для отслеживания трансграничных потоков в развивающиеся страны, в то время как Категория II отслеживает региональные и глобальные расходы с существенной выгодой для развивающихся стран.

¹²⁰ TOSSD Reporting Instructions – TOSSD. – 2026. URL: https://www.tossd.org/content/dam/tossd/en/methodology-pdfs/reporting_instructions.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

¹²¹ Никитина Ю.А., Сергеев Е.А. Содействие международному развитию России в новых геополитических реалиях: актуализация задач, калибровка инструментов // *Международная жизнь*. – 2026. – № 2. – С. 83.

¹²² См., например: Alesina A., Dollar D. Who Gives Foreign Aid to Whom and Why? // *Journal of Economic Growth*. – 2000. – Vol. 5. – P. 33–63; Van Der Veen M. Ideas, Interests and Foreign Aid. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011 – 290 p.; Dreher A., Lang V., Reinsberg B. Aid Effectiveness and Donor Motives // *World Development*. – 2024. – Vol. 176. – Art. 106501.

дисбалансов и укрепления многостороннего сотрудничества.¹²³ В противоположность этому реалисты (в частности, Г. Моргентау, С. Уолт и др.) акцентируют инструментальный характер помощи развитию для достижения политических целей государств-доноров, увеличения власти и влияния, создания альянсов и т.д.¹²⁴

В настоящем исследовании оказание помощи рассматривается как один из инструментов внешней политики государства, распределение и условия применения которого могут определяться сочетанием различных мотивов. Мы согласны с позицией доцента факультета мировой политики МГУ Е.Н. Глазуновой, которая считает, что содействие развитию «должно обосноваться в ареале реалистской парадигмы, по соседству с его коренными обитателями – концептами национального интереса и безопасности»¹²⁵. М. Ван дер Вееен, доцент Колледжа Вильгельма и Марии (США), выделяет в общей сложности 7 основных мотивов предоставления международной помощи: безопасность; власть и влияние; экономический интерес; разумный эгоизм (создание глобальных общественных благ в конечном счете отвечает собственным интересам); репутация (позиционирование и статус в международных отношениях); обязательства и долг; филантропия¹²⁶.

Структуру мотивации, как отмечает А.В. Максимова, заместитель управляющего Трестового фонда Россия – Программа развития ООН (ПРООН), формируют факторы политического, экономического, колониального, исторического и культурного характера¹²⁷. А.К. Морозкина, доцент факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, также утверждает, что на

¹²³ См. подробнее: Keohane R.O., Nye J.S. *Power and Interdependence*. – 2nd ed. – Glenview, IL: Scott, Foresman, 1989. – 315 p.

¹²⁴ Подробнее: Morgenthau H.A. *A Political Theory of Foreign Aid* // *The American Political Science Review*. – 1962. – Vol. 56, No. 2. – P. 301–309; Walt S.M. *The Origins of Alliance*. – Cornell University Press, 1987. – P. 44–45.

¹²⁵ Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: историческая ретроспектива // *Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. – 2013. – № 2. – С. 137.

¹²⁶ Van Der Veen M. *Ideas, Interests and Foreign Aid*. – Cambridge University Press, 2011. – P. 10.

¹²⁷ Максимова А.В. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию // *Вестник международных организаций*. – 2015. – Т. 10, № 1. – С. 56–79.

практике доноры руководствуются собственными интересами, направляя помощь в страны, привлекательные для инвестиций.¹²⁸

Коллективный обзор А. Дреера, профессора международной политики и политики развития в Экономическом институте имени Альфреда Вебера Гейдельбергского университета, В. Ланга, доцента кафедры международной политической экономики и развития в Университете Мангейма, и Б. Рейнсберга, профессора международной политической экономики и развития в Университете Глазго, показывает, что распределение помощи отражает широкий набор мотивов доноров, включая наряду с потребностями реципиентов коммерческие, политические и внутриполитические интересы.¹²⁹

Политические мотивы при оказании содействия развитию заключаются в укреплении национального авторитета страны в международном сообществе и оказании влияния на страны-получатели помощи, продвижении внешнеполитических приоритетов и ценностей и поддержке дружественных правительств. Кроме того, как утверждают португальские эксперты П. Франсишку, С. Б. Мореира и Х. Кайадо, помощь может выступать инструментом достижения как долгосрочных, так и краткосрочных, ситуативных политических целей.¹³⁰

Коммерческие мотивы помощи развитию также многообразны и включают: защиту инвестиций, снижение рисков для национального бизнеса, увеличение товарооборота, расширение доступа страны-донора на национальный рынок государства-реципиента, получение определенных преференций, укрепление интеграционных связей и др. Эмпирические исследования выявляют связь между предоставлением помощи и отдельными параметрами двусторонних экономических отношений, однако направление и масштаб данного эффекта различаются в зависимости от периода, донора и исследуемого показателя.¹³¹

¹²⁸ Морозкина А.К. Двусторонняя официальная помощь развитию: влияние мирового финансового кризиса 2008 – 2009 годов. Дисс. на соис. Ст. канд. Экон. Наук. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – С. 127.

¹²⁹ Dreher A., Lang V., Reinsberg B. Aid Effectiveness and Donor Motives // *World Development*. – 2024. – Vol. 176, Art. 106501. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106501> (дата обращения: 08.05.2025).

¹³⁰ Francisco P., Moreira S.B., Caiado J. Identifying differences and similarities between donors regarding the long-term allocation of official development assistance // *Development Studies Research*. – 2021. – Vol. 8, No. 1. – P.181–198.

¹³¹ См.: Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F., Parra M. D., Klasen S. Does aid promote donor exports? Commercial Interest versus Instrumental Philanthropy // *Kyklos*. – 2014. – Vol. 67, No.4. – P. 559–587; Nowak-Lehmann F., Martínez-

Заместитель начальника Управления экономического сотрудничества Россотрудничества М.О. Ермолов обозначает помощь, направленную на получение ощутимых экономических выгод, как «прагматичную помощь»¹³².

Отдельно необходимо сказать о мотивах, связанных с обеспечением безопасности. По мнению П. Франсишку, профессора Лиссабонской школы экономики и менеджмента, помощь развитию рассматривается как «способ укрепления национальной безопасности доноров, особенно перед лицом угроз, связанных с терроризмом, незаконным оборотом запрещенных веществ или незаконной иммиграцией»¹³³.

Под идеалистическим или альтруистическим типом мотивации оказания помощи понимается ее предоставление, исходя из морального долга развитых стран перед развивающимися государствами. В конечном счете, как считает Н. Гулрадхани, главный научный сотрудник британского Института зарубежного развития (Overseas Development Institute – ODI), идеалистическая и прагматическая компоненты мотивации доноров не являются взаимоисключающими, а идут рука об руку.¹³⁴ Но чаще всего доминируют явные или скрытые интересы провайдеров содействия, особенно в периоды усиления межгосударственного соперничества.

Таким образом, на наш взгляд, для целей настоящего исследования категория «содействие международному развитию» имеет два ограничения. Прежде всего, нормативное содержание термина акцентирует цели развития, имплицитно закладывая идею о передаче ресурсов «развитыми» государствами «развивающимся» странам из *филантропических* убеждений, тогда как политологический анализ показывает, что решения о предоставлении ресурсов могут одновременно определяться внешнеполитическими, репутационными и связанными с безопасностью интересами провайдеров. Наконец, применению

Zarzoso I., Herzer D., Klasen S., Cardozo A. Does foreign aid promote recipient exports to donor countries? // Review of World Economics. – 2013. – Vol. 149, No. 3. – P. 505–535.

¹³² Ермолов М.О. Помощь развитию: благотворительность или бизнес? // РСМД. – 01.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pomoshch-razvitiyu-blagotvoritelnost-ili-biznes/> (дата обращения: 08.05.2025).

¹³³ Francisco P., Moreira S.B., Caiado J. Identifying Differences and Similarities between Donors regarding the Long-Term Allocation of Official Development Assistance // Development Studies Research. – 2021. – Vol.8, No.1. – P. 184.

¹³⁴ Gulrajani N., Calleja R. Understanding Donor Motivations. – ODI. Working Paper 548. – London: Overseas Development Institute, 2019. – P. 9.

данного термина в контексте настоящего исследования, ориентированного на анализ применения соответствующих инструментов в условиях обострения *межгосударственного* соперничества, препятствует чрезмерная широта данной категории, охватывающей как официальные, так и частные потоки от бизнеса, частных благотворительных фондов и др., которые зачастую преследуют интересы, отличные от интересов государственных структур.

Исходя из этого мы предлагаем использовать применяемый в международной практике термин **«официальное финансирование развития» (ОФР)**, вкладывая в него содержание, которое, с одной стороны, соотносится с применяемыми в международной практике матрицами потоков, а с другой – учитывает особенности целеполагания. Так, под **ОФР** будет пониматься совокупность финансовых инструментов (грантов, льготных и нельготных кредитов, механизмов облегчения долгового бремени, гарантий и др.), которые применяются властными органами суверенных государств, а также учрежденными и/или контролируемыми ими юридическими лицами, направлены номинально на обеспечение социально-экономического развития и решение трансграничных проблем, но одновременно служат реализации внешнеполитических и внешнеэкономических интересов государства-донора.

Уточненная дефиниция отражает сознательный методологический выбор автора, позволяющий вычленив из множества видов сотрудничества конкретный объект исследования – поддающиеся количественному учету, нормативному регулированию и политическому анализу финансовые инструменты, применяемые государствами для решения задач развития и одновременно продвижения собственных интересов и целей.

В операционном плане предлагаемое определение охватывает следующие ключевые типы потоков: ОПР и финансовые потоки, соответствующие критериям ОПР; ПОФ и финансовые потоки, соответствующие критериям ПОФ; инструменты мобилизации частного капитала (ИМЧК) и финансовые потоки, соответствующие этому определению, используемому в международной практике. Так, в состав инструментов ОФР в рамках данного исследования включаются: гранты; льготные

кредиты; нелготные кредиты, официально предоставляемые кредиты на цели развития; механизмы облегчения долгового бремени; смешанное финансирование; государственные гарантии; вложения в капитал через государственные институты развития; экспортное кредитование, если оно связано с проектами развития; техническая помощь и проектное финансирование. В состав инструментов ОФР не входят: частные коммерческие инвестиции; рыночное банковское кредитование без участия государственных институтов; военная помощь; обычные торговые операции и коммерческий экспорт; политико-дипломатическая поддержка, не сопровождаемая перечислением финансовых средств в пользу страны-партнера. Такой подход позволяет не только сопоставить данные по потокам западных и незападных провайдеров ОФР, но и комплексно сравнить применяемые ими модели применения инструментов ОФР, что составляет предмет следующего параграфа.

1.2. Методологические принципы анализа политики западных и незападных государств в сфере финансирования развития

Современная система международного сотрудничества в сфере развития претерпевает в последние годы фундаментальную трансформацию, связанную с усилением геополитического соперничества, перераспределением влияния между различными группами провайдеров, ужесточением бюджетных ограничений в ряде государств, а также усложнением глобальных вызовов перед мировым сообществом. Архитектура СМР представляет собой сложную многоуровневую систему, формируемую взаимодействием государств, международных организаций, институтов развития и иных акторов, которые используют различающиеся нормативные подходы, инструменты и механизмы финансирования.

Одним из ключевых институциональных центров этой архитектуры остается Комитет содействия развитию (КСР) ОЭСР, играющий ведущую роль в координации деятельности доноров и мониторинге ключевых целевых показателей. Ядро донорского сообщества составляют страны-члены КСР ОЭСР, к которым относятся: Австрия, Австралия, Бельгия, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Республика Корея, Соединенное Королевство, Словакия, Словения, США, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония и Япония. Румыния в декабре 2025 г. получила статус первого ассоциированного члена КСР.

Помимо них помощь предоставляют не менее 30 развитых и развивающихся стран. Еще в начале 2010-х гг. членов КСР ОЭСР в западной литературе было принято причислять к «традиционным» донорам, а государства, не входящие в Комитет – к «нетрадиционным».

Хотя КСР призывает всех провайдеров предоставлять отчетность в ОЭСР, такими данными (в ряде случаев – без детализации по проектам) делятся лишь часть доноров, которые не являются членами Комитета. В их числе: Азербайджан, Восточный Тимор, Израиль, Казахстан, Кувейт, Лихтенштейн, Саудовская Аравия, Тайвань, Таиланд, Турция и ОАЭ, а также ряд стран – членов ЕС (Болгария, Кипр, Мальта, Румыния, Хорватия). В отдельную категорию выделяются провайдеры сотрудничества по линии Юг – Юг (Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Мексика, Чили, ЮАР и др.), ни один из которых сегодня не отчитывается перед КСР ОЭСР. Российская Федерация, в отличие от своих партнеров по БРИКС, предоставляла соответствующие данные в ОЭСР с 2011 по 2022 г., однако направляемая отчетность по методологическим рекомендациям ОЭСР далеко не полностью отражала действительный вклад РФ в СМР.¹³⁵ При этом с 2022 г. ОЭСР не отображает переданную РФ информацию в своих публичных базах данных.

Особую сложность для исследователей представляет разработка методологии сравнительного анализа различных моделей политики финансирования развития. Ф. Циммерман и К. Смит, эксперты КСР ОЭСР, еще в 2011 г. подчеркивали, что разделение на «традиционных» и «нетрадиционных» доноров, основанное на критерии членства стран в КСР ОЭСР, все менее отражает реальную картину глобального сотрудничества в сфере развития.¹³⁶ Они же предложили выделять среди доноров вне КСР ОЭСР три группы стран:

- 1) доноры, ориентирующиеся на практику КСР ОЭСР (Болгария, Кипр, Мальта, Монако, Румыния, Хорватия, Лихтенштейн, Израиль);
- 2) арабские доноры (Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия);
- 3) участники партнерств по линии Юг – Юг (Азербайджан, Бразилия, Восточный Тимор, Египет, Индия, Казахстан, Китай, Колумбия, Малайзия, Мексика, Тайвань, Таиланд, Турция, Чили, ЮАР и др.).

¹³⁵ См. подробнее: Мендагазиев А.Е. Роль России в содействии развитию стран Центральной Азии в новых геополитических условиях // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 3. – С. 6–10.

¹³⁶ См. подробнее: Zimmermann F., Smith K. More Actors, More Money, More Ideas for International Development Co-Operation // Journal of International Development. – 2011. – Vol. 23, No. 5. – P. 722–738.

Особый случай представляет Российская Федерация. По замечанию доцента НИУ ВШЭ А.К. Морозкиной, «Россия в данном случае становится заложником названия [«Юг – Юг» – А.М.] – принципы предоставления помощи-партнерства соответствуют формату, однако термин «Юг» исключает ее географически»¹³⁷.

При этом ни одна из обозначенных групп не представляется монолитной, и стратегии стран, причисляемых специалистами к одной модели, могут весьма существенно отличаться друг от друга. Этот тезис приобретает особую актуальность в условиях трансформации мирового порядка, сопровождающейся повышением значимости дихотомии «Запад–Не-Запад». Кроме того, по мнению К. Грэя, профессора школы глобальных исследований Университета Сассекса и Б.К. Гилза, профессора Хельсинкского университета, укрепление позиций незападных доноров в глобальных финансовых потоках расширяет пространство межгосударственной конкуренции в сфере развития.¹³⁸

Особый интерес исследователей вызывает феномен китайского официального финансирования развития. Как отмечает Н. Вудс, профессор международной политической экономики и директор программы глобального экономического управления Оксфордского университета, Китай, который открыто не бросает вызов существующей архитектуре оказания помощи, последовательно предлагает альтернативную модель развития.¹³⁹ Это, в свою очередь, предопределяет расширение числа исследований, фокусирующихся на сопоставлении стратегий ключевых доноров – членов КСР ОЭСР и китайской модели предоставления ОФР.¹⁴⁰

¹³⁷ Морозкина А.К. ОЭСР не могут, БРИКС не хотят: возможно ли изменение системы содействия международному развитию? // РСМД. – 12.08.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oesr-ne-mogut-briks-ne-khotyat-vozmozhno-li-izmenenie-sistemy-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/?ysclid=mjglwt4jdr282454098> (дата обращения: 25.08.2025).

¹³⁸ Gray K., Gills B. South–South cooperation and the rise of the Global South // *Third World Quarterly*. – 2016. – Vol. 37, No. 4. – P. 557–574. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01436597.2015.1128817#abstract> (дата обращения: 25.08.2025).

¹³⁹ Woods N. Whose Aid? Whose Influence? China, Emerging Donors and The Silent Revolution in Development Assistance // *International Affairs*. – 2008. – Vol. 84, No. 6. – P. 1205.

¹⁴⁰ См., например: Inada J. The Rise of China and Its Impact on the International Development Assistance Regime // *Examining the Belt and Road Initiative (BRI): China's Impact on the International Development Assistance Regime*. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2025. – P. 1–14.; Ahmed S. China's Official Finance in the Global South: What's the Literature Telling Us? // *Review of Economics*. – 2022. – Vol. 73, No. 3. – P. 223–252.; Custer S., Burgess B., Sritharan N. Into the Breach: Will China Step Up as the U.S. Retreats on Global Development? – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2025. – 25 p.

Сравнительный анализ стратегий применения инструментов ОФР различными западными и незападными провайдерами представляет собой сложную теоретико-методологическую задачу, требующую учитывать различия не только в инструментах и механизмах предоставления финансирования, но и в его целеполагании. Ключевыми параметрами сравнения в подобных исследованиях выступают: мотивы и интересы,¹⁴¹ количественные характеристики финансовых потоков, формы предоставления, каналы реализации, степень «связанности» и обусловленности помощи, секторальное распределение, географическое распределение, институциональная организация политики оказания помощи, прозрачность статистического учета и др.¹⁴²

Важнейший элемент сравнения любых доноров друг с другом – структура потоков официального финансирования. Анализ распределения потоков финансирования между различными типами требует внимания к особенностям статистического учета соответствующих потоков, различия между методиками которого остаются главной сложностью при сопоставлении практик западных и незападных доноров.¹⁴³

Сбор статистических данных по потокам ОФР сегодня проводится различными организациями. Наиболее стандартизированными и детализированными являются базы данных ОЭСР – в первую очередь «Система отчетности кредиторов» (Creditor Reporting System, CRS), формирование которой осуществляется путем предоставления соответствующей информации официальными органами государств-членов КСР ОЭСР и стран-доноров, не входящих в состав КСР ОЭСР, но согласившихся декларировать данные по ОПР

¹⁴¹ См., например: Gulrajani N. Bilateral Donors and the Age of the National Interest: What Prospects for Challenge by Development Agencies? // *World Development*. – 2017. – Vol. 96. – P. 375-389.; 333. Regilme S.S.F., Hodzi O. Comparing US and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers // *The International Spectator*. – 2021. – Vol. 56, No. 2. – P. 114–131.

¹⁴² См., например: Janus H., Tang L. Conceptualising Ideational Convergence of China and OECD Donors: Coalition Magnets in Development Cooperation. // *The Palgrave Handbook of Development Cooperation for Achieving the 2030 Agenda*. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – p. 195-218.; Inada J. The Rise of China and Its Impact on the International Development Assistance Regime // *Examining the Belt and Road Initiative (BRI)*. – Singapore: Springer, 2025. – p. 1–14.; Jackson J. China and the New Donors of Development Assistance: Theorizing the Future of the OECD Aid Apparatus // *Reconsidering Development*. – 2012. – Vol.2, No.1. – Art. 2.

¹⁴³ См.: Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A., Tierney M. Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset // *American Economic Journal: Economic Policy*. – 2021. – Vol. 13, No. 2. – P. 135–174.

перед Комитетом. При этом в ряде стран-членов ОЭСР статистический учет может вестись параллельно – по стандартам КСР и по собственной методике, которая может существенно отличаться от этого стандарта. Хрестоматийным примером в данном случае выступают США, чей национальный стандарт статистического учета потоков международной помощи различного назначения (лежащий в основе базы данных ForeignAssistance.gov) будет подробно раскрыт в параграфе 2.2.

При интерпретации статистических данных по потокам официального финансирования развития от незападных доноров возникают гораздо большие сложности. Большинство из них делится лишь агрегированными данными без конкретизации по отдельным проектам. Разнятся данные стран и в части, касающейся охвата потоков содействия развитию. Кроме того, объемы помощи, зафиксированные в базах данных КСР ОЭСР, и реальные объемы многих незападных провайдеров содействия развитию существенно отличаются. Это происходит по причине того, что классификация КСР ОЭСР не включает некоторые инструменты, которые данные страны причисляют к инструментам помощи/содействия международному развитию. Ярким примером в данном отношении выступает Китай – он всегда действовал в сфере международного развития самостоятельно и никогда не предоставлял КСР ОЭСР никаких статистических данных.¹⁴⁴

В связи с тем, что значительная часть незападных доноров либо предоставляет в КСР ОЭСР только агрегированные данные, либо вообще их не предоставляет, необходимо рассматривать и данные, аккумулируемые другими ресурсами. Одним из наиболее авторитетных альтернативных источников информации является массив данных по китайскому официальному финансированию, сформированный лабораторией AidData в Колледже Вильгельма и Марии (США), с «использованием целого ряда различных методик и инструментов, призванных заполнить критические информационные пробелы»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ См. подробнее: Schwarz R., Rudyak M. China's Development Co-operation. – OECD Development Co-operation Working Papers. – 2023. – No.113. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 48 p.

¹⁴⁵ Tracking Loans and Grants from China to Low-, Middle-, and High-Income Countries: An Application of AidData's TUFF 4.0 Methodology // AidData. — 18.11.2025. URL: <https://www.aiddata.org/publications/tracking-loans-and-grants-from-china-globally-4-0-methodology> (дата обращения: 18.11.2025).

Лаборатория AidData использует инновационную методику учета потоков помощи под названием «Отслеживание недоучтенных финансовых потоков»¹⁴⁶, аккумулируя данные из большого количества источников неструктурированной информации по отдельным проектам, поступающей от правительств, международных организаций, групп гражданского общества, организаций частного сектора и исследователей.¹⁴⁷

В качестве дополнительного источника для анализа кредитного компонента ОФР может использоваться Система отчетности должников Всемирного банка (СОД – DRS – Debtor Reporting System), основанная на отчетности стран-должников и содержащая сведения о внешнем долге, включая государственный и гарантированный государством долг.¹⁴⁸ Наиболее полезной в плане оценки многосторонней помощи незападных доноров (в частности, Китая) является база данных по взносам в ООН и статистическая отчетность, формируемая под эгидой Координационного совета руководителей системы ООН (UN System Chief Executives Board for Coordination).

Показательным здесь является пример России, которая в данный момент не публикует официальные данные о совокупных объемах предоставляемого СМР и его характеристиках, что создает сложности для профильных исследователей. Анализ российской помощи эффективнее всего производить на основе распоряжений Правительства РФ, статистики государственных структур РФ и стран-реципиентов и международных организаций, а также проекта «Гуманитарный монитор». Данный проект направлен на повышение уровня осведомленности российской и зарубежной аудитории о российском содействии международному развитию. Данные аккумулируются с применением принципов краудсорсинга «из открытых интернет-источников, включая официальные сайты российских и зарубежных органов государственной власти, международных организаций, их аккаунты в социальных сетях, сайты новостных агентств,

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Debtor Reporting System (DRS) // The World Bank. – 2020. URL: <https://pubdocs.worldbank.org/en/951771586884732835/pdf/DRS-What-it-Measures.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

организаций частного сектора, участвующих в оказании содействия международному развитию, и иных источников»¹⁴⁹.

Одним из ключевых измерений сравнительного анализа западных и незападных подходов являются формы оказания ОФР. Актуальная статистическая классификация КСР ОЭСР различает, в частности, бюджетную поддержку, целевые взносы в объединенные программы и фонды, проектную поддержку, экспертную и иную техническую помощь, стипендии, облегчение задолженности, административные расходы и иные расходы. Исследование Э. Г. Килама, сотрудника Центра анализа, прогнозирования и стратегии Министерства Европы и иностранных дел Франции, показывает, что многие незападные доноры используют поддержку бюджета (прямое финансирование бюджета страны-реципиента) как ключевую форму помощи¹⁵⁰, но также широкое применение находят техническое содействие, трехстороннее сотрудничество, проектная помощь и предоставление стипендий гражданам развивающихся стран.¹⁵¹ Для западных доноров, тем временем, ключевыми формами являются проектное финансирование, целевые взносы в объединенные программы и фонды, а также прочие расходы, понесенные донорами.¹⁵²

Объектом исследования становятся и существенные различия в подходах к выбору финансовых инструментов западными и незападными донорами. В двусторонней ОПР западных стран преобладают безвозмездные формы финансирования – гранты, однако структура существенно различается между отдельными донорами.¹⁵³ Многие незападные доноры склонны шире задействовать льготные или нельготные кредиты, предоставляемые по ставкам, равным рыночным или более высоким.

¹⁴⁹ Гуманитарная карта. О проекте. // Гуманитарный монитор. URL: <https://russianassistance.ru/about/> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁵⁰ Kilama E. The Influence of China and Emerging Donors Aid Allocation: a Recipient Perspective // China Economic Review. – 2016. – Vol. 38. – P.76–91. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2015.11.010> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁵¹ Calleja R., Cichocka B., Casadevall Bellés S. How Do Non-DAC Actors Cooperate on Development? – CGD Policy Paper 294. – Washington, DC: Center for Global Development, 2023. – 25 p.

¹⁵² ODA trends and statistics. // OECD. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/oda-trends-and-statistics.html> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁵³ Global Outlook on Financing for Sustainable Development 2025: Towards a More Resilient and Inclusive Architecture. – Paris: OECD Publishing, 2025.

Следующим понятием, имеющим важное значение для определения страновых особенностей реализации программ помощи, является канал доведения помощи до реципиента. Под ним понимается первое звено в цепи распределения помощи развитию.¹⁵⁴ КСР ОЭСР выделяет семь типов каналов: 1) государственные учреждения; 2) неправительственные организации (НПО) и структуры гражданского общества; 3) государственно-частные партнерства; 4) многосторонние организации; 5) образовательные и научно-исследовательские учреждения; 6) организации частного сектора; и 7) прочие.¹⁵⁵ Однако цепочка доведения помощи может иметь много звеньев и в ней могут быть представлены различные организации.

Помощь, направляемая по каналам многосторонних организаций, также подразделяется на несколько видов. Первый вид – обязательные и добровольные взносы в основной бюджет (*core contributions*) многосторонних организаций, которые ими распределяются так, как считают нужным в соответствии с уставом организации¹⁵⁶. Второй вид – целевое финансирование или «много-двусторонняя» помощь, под которой понимаются «взносы в целевые программы и фонды, создаваемые и управляемые многосторонними организациями, с четко определенным отраслевым, тематическим или географическим фокусом, включая трастовые фонды»¹⁵⁷. Статистически такая помощь фиксируется как часть двусторонней ОПР, поскольку донор сохраняет некоторую степень контроля при принятии решений о распоряжении финансами.

Распределение ресурсов между двусторонними и многосторонними каналами – одна из первостепенных задач для любого донора при выработке

¹⁵⁴ DAC Working Party on Development Finance Statistics. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. – DCD/DAC/STAT(2026)14/FINAL – Paris: OECD, 2026. – P. 63. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2026\)14/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2026)14/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 30.07.2026).

¹⁵⁵ DAC Working Party on Development Finance Statistics. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. – DCD/DAC/STAT(2026)14/FINAL – Paris: OECD, 2026. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2026\)14/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2026)14/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 30.07.2026).

¹⁵⁶ Multilateral Aid 2015: Better. Partnership for a Post-2015 World. – Paris: OECD Publishing, 2015. – P.24. URL: <https://www.oecd.org/dac/aid-architecture/OverviewChapter-MEP.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁵⁷ Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – С. 20.

стратегии применения инструментов ОФР. От принятия решений по данному вопросу напрямую зависит реализация тех или иных интересов страны-донора.

Многосторонние механизмы содействия развитию имеют свои преимущества и недостатки. В качестве аргументов в пользу подобного формата выступают экономия от масштаба; обеспечение политической нейтральности и легитимности; наличие более обширных ресурсов технической экспертизы у специализированных организаций. Также механизмы многосторонней помощи, по мнению Ю.К. Зайцева, старшего научного сотрудника Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, являются «более гибкими и способны быстро реагировать на меняющиеся условия, к примеру, на последствия ... глобального экономического и финансового кризиса»¹⁵⁸.

К недостаткам использования многосторонних механизмов специалисты относят: отсутствие у донора контроля над процессом принятия решений, сложность обеспечения подотчетности перед собственными налогоплательщиками, высокие транзакционные издержки и уровень обусловленности помощи. Управление рисками при предоставлении помощи на многосторонней основе позволяет донорам минимизировать обозначенные недостатки. Продвижение же в организациях собственных интересов или предоставление целевого финансирования расширяют возможности направления средств в приоритетные для донора сектора и регионы¹⁵⁹.

Двусторонняя помощь, в свою очередь, является более политизированной и фрагментированной, имеет более низкие административные издержки. Ее предоставление позволяет обеспечить больший контроль, учет объемов и странового/секторального распределения. К ключевым преимуществам двусторонних каналов содействия развитию для доноров относятся:

– возможность реализации геополитических интересов в той или иной стране/регионе посредством применения инструментов ОФР;

¹⁵⁸ Зайцев Ю.К. Многосторонние механизмы управления процессами содействия международному развитию // Вестник МГИМО–Университета. – 2011. – Т. 20, № 5 – С. 67.

¹⁵⁹ Там же.

– возможность быстро сократить объемы помощи или прекратить ее оказание в случае проведения страной-реципиентом политики, ущемляющей интересы донора.

Как отмечает Н. Гулраджани, выбор каналов предоставления ОФР отражает глубинную мотивацию доноров, выступая своего рода индикатором их стратегических приоритетов.¹⁶⁰ Эмпирические исследования подтверждают, что доноры, рассматривающие содействие развитию преимущественно как инструмент продвижения национальных интересов, склонны минимизировать масштабы задействования многосторонних каналов распределения помощи. И наоборот, доноры, которые выступают за продвижение либеральных ценностей, достижение глобальных целей развития, с большей вероятностью будут делегировать оказание помощи многосторонним организациям.

Незападные доноры в большей степени сфокусированы на предоставлении помощи на двусторонней основе, однако здесь имеет место большая вариативность. Как показывает исследование научных сотрудников вашингтонского Центра глобального развития (Р. Кальеха, Б. Чихока и С. Касадеваль Беллес), арабские доноры, Турция и страны БРИКС концентрируются на двусторонней помощи, тогда как латиноамериканские доноры чаще задействуют многосторонние механизмы.¹⁶¹ Примечательно, что и среди западных стран отсутствует единообразие: например, США исторически сочетали двусторонние программы с широкой поддержкой МВФ и Всемирного банка, в то время как скандинавские доноры наиболее активно задействуют многосторонние институты системы ООН.¹⁶²

Институциональная архитектура ОФР на уровне государства-донора также служит параметром для сравнительного анализа. Если в абсолютном большинстве стран ОЭСР за разработку политики в области развития отвечает МИД, а за

¹⁶⁰ Gulrajani N. Bilateral versus Multilateral Aid Channels. Strategic Choices for Donors. – ODI Report. – London: Overseas Development Institute, 2016. – P. 17. URL: <https://cdn.odi.org/media/documents/10492.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁶¹ Calleja R., Cichocka B., Belles S. How Do Non-DAC Actors Cooperate on Development? – CGD Policy Paper 294 – Washington, DC: Center for Global Development, 2023. – P.25. URL: <https://www.cgdev.org/publication/how-do-non-dac-actors-cooperate-development> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁶² См.: Milner H., Tingley D. The Choice for Multilateralism: Foreign Aid and American Foreign Policy // The Review of International Organizations. – 2013. – Vol. 8, No. 3. – P. 313–341.

имплементацию проектов – агентство (автономное или полуавтономное), то многие незападные доноры выстраивают гибридные модели: например, в Турции агентство (TİKA) является и имплементирующей, и координирующей структурой, а в КНР Китайское агентство сотрудничества в области международного развития (KASMP) отвечает за координацию и собственных проектов не реализует.¹⁶³

Особое внимание при анализе международной помощи уделяется «связанной» помощи (*tied aid*). Согласно определению ОЭСР, «связывание» помощи предполагает осуществление закупок товаров и услуг у организаций государства-донора.¹⁶⁴ Критика этой практики основана на двух аргументах: ограничение автономии реципиентов в выборе поставщиков, подмена целей развития коммерческими интересами доноров.¹⁶⁵ Кроме того, выделяют также частично связанную помощь (*partially untied aid*), под которой понимается предоставление средств с ограничением на закупку товаров и услуг только в определенном перечне стран, включающем развивающиеся страны и зачастую страну-донора, что характерно в том числе и для некоторых стран КСР ОЭСР. «Связывание» помощи донором определяется преимущественно экономическими мотивами. «Связанная» помощь, по мнению Б. Джалана, бывшего председателя Резервного банка Индии, может содействовать увеличению экспорта, сокращению безработицы в стране-доноре и улучшению платежного баланса.¹⁶⁶ А для западных доноров, особенно Китая, согласно выводам исследовательского коллектива под руководством А. Дреера, «связывание» помощи служит важным инструментом стимулирования национального экспорта.¹⁶⁷

Следует также разграничивать «связанность» и «обусловленность» помощи. Если связанность характеризует ограничения на выбор поставщиков

¹⁶³ Мендагазиев А.Е. Создание китайского агентства сотрудничества в области международного развития: факты и интерпретации // Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития. Сборник статей. – 2020. – С. 344–352.

¹⁶⁴ Untied aid // OECD. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/oda-standards/untied-aid.html> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁶⁵ DAC Recommendation on Untying Official Development Assistance. – OECD/LEGAL/5015 – Paris: OECD, 2021. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/140/140.en.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁶⁶ 317. Jalan B. Gains to Donor Countries from Tied Aid // Finance & Development. – 1969. – Vol. 6, No. 3. – P. 18.

¹⁶⁷ Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A., Tierney M. Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset // American Economic Journal: Economic Policy. – 2021. – Vol. 13, No. 2. – P. 6.

товаров и услуг, то обусловленность касается требований, предъявляемых государству-получателю в связи с предоставлением ресурсов. Они могут иметь макроэкономический, институциональный, политический и иной характер. Степень и содержание подобных условий выступают самостоятельным параметром сопоставления различных моделей ОФР.

Наряду с характеристиками политики провайдера в литературе значительное внимание уделяется последствиям оказываемой помощи. Современные исследования в области международного развития убедительно демонстрируют, что мотивационная структура предоставления помощи оказывает существенное воздействие на ее эффективность (*aid effectiveness*), понимаемую как степень достижения декларируемых целей развития в странах-получателях помощи.¹⁶⁸ Среди ключевых факторов, опосредующих это влияние, О. Селасун, руководитель отдела мировых экономических исследований Исследовательского департамента МВФ, и Я. Уоллисер, вице-президент Всемирного банка по глобальной практике справедливого роста, финансам и институтам, выделяют в качестве особо значимых три взаимосвязанных параметра: волатильность помощи (*aid volatility*), предсказуемость помощи (*aid predictability*) и зависимость от помощи (*aid dependency*).¹⁶⁹ Эти характеристики определяют не только динамику, но и долгосрочные структурные последствия получения внешнего финансирования для стран-реципиентов.

Проблема волатильности (непостоянства) потоков официальной помощи подробно анализируется в работах экономистов МВФ А. Булира и А. Хавьера Хаммана. Их исследования показывают, что резкие колебания объемов финансирования создают существенные препятствия для среднесрочного бюджетного планирования в странах-реципиентах, что особенно критично для социальных секторов.¹⁷⁰ Вопрос волатильности помощи тесно связан с ее предсказуемостью и способностью стран-реципиентов достоверно прогнозировать

¹⁶⁸ OECD. Aid Effectiveness 2011: Progress in Implementing the Paris Declaration. – Paris: OECD Publishing, 2012. – 204 p. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264125780-en> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁶⁹ Celasun O., Walliser J. Predictability of Aid: Do Fickle Donors Undermine Aid Effectiveness? // Economic Policy. – 2008. – Vol. 23, No. 55. – P. 545–594.

¹⁷⁰ Bulir A., Hamann A. Aid Volatility: An Empirical Assessment // IMF Staff Papers. – 2003. – Vol. 50, No. 1. – P. 64–89.

объемы и сроки поступления внешнего финансирования. Низкий уровень предсказуемости финансирования создает значительные сложности для осуществления эффективного фискального управления, вынуждая правительства либо накапливать избыточные резервы, либо прибегать к дорогостоящим заимствованиям для покрытия бюджетного дефицита.¹⁷¹

Феномен зависимости от помощи, в свою очередь, характеризует ситуацию чрезмерной ориентации национальной экономики на получение внешнего льготного финансирования. Исследования Д. Бротигам, директора Китайско-африканской исследовательской инициативы в Школе перспективных международных исследований Университета Джона Хопкинса, и С. Нэка, ведущего экономиста Группы исследований в области развития Всемирного банка, свидетельствуют о том, что длительная зависимость от помощи способна вызывать целый комплекс негативных институциональных эффектов, включая снижение показателей собираемости налогов, деградацию государственного управления и создание благоприятной среды для коррупции.¹⁷²

Сравнительные исследования также охватывают вопросы распределения помощи по странам-реципиентам¹⁷³ и секторальным направлениям, эффективности помощи¹⁷⁴, восприятия помощи реципиентами¹⁷⁵, применения отдельных инструментов помощи (в частности, облегчения задолженности¹⁷⁶) и др.

Проблематика применения инструментов официального финансирования развития в политике различных доноров получает широкое освещение в

¹⁷¹ Bulir A., Hamann A. Volatility of Development Aid: From the Frying Pan into the Fire? // *World Development*. – 2008. – Vol. 36, No. 10 – P. 2048–2066.

¹⁷² Brautigam D. *Aid Dependence and Governance*. – Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2000. – 96 p.; Knack S. *Aid Dependence and the Quality of Governance. A Cross-Country Empirical Analysis*. – Policy Research Working Paper – 2000. – No. 2396. – 40 p.

¹⁷³ См., например: Kilama E. The Influence of China and Emerging Donors Aid Allocation: a Recipient Perspective // *China Economic Review*. – 2016. – Vol. 38. – P. 76–91.

¹⁷⁴ Marson M., Savin I. Complementary or Adverse? Comparing Development Results of Official Funding from China and Traditional Donors in Africa // *Structural Change and Economic Dynamics*. – 2022. – Vol. 62. – P. 189–206.

¹⁷⁵ Foreign Borrowing, Sovereignty, and Public Opinion in the Global South: Traditional Lenders or China? – AidData. Working Paper 134. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2025. – 35 p. URL: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/WPS134_Foreign_Borrowing_Sovereignty_and_Public_Opinion_in_the_Global_South_Traditional_Lenders_or_China.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁷⁶ Brown K. Why Hide? Africa's Unreported Debt to China. – AidData Working Paper 120 – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2022. – 45 p.

современной научной литературе, но отличается асимметрией в изученности различных аспектов.

Западные исследователи традиционно фокусируются на анализе политики стран-членов КСР ОЭСР, уделяя особое внимание вопросам эффективности помощи, координации доноров, мотивам предоставления помощи и др. В последнее десятилетие возросло количество исследований, посвященных незападным донорам, особенно Китаю. Однако многие аспекты политики незападных доноров остаются недостаточно изученными из-за фрагментарности и отсутствия статистических данных и методологических сложностей сравнительного анализа.

Сравнительные исследования подходов западных и незападных доноров выявили существенные различия в принципах, инструментах, формах и приоритетах предоставления помощи. Тем не менее, в анализе применения инструментов ОФР для достижения политических и, особенно, внешнеэкономических интересов западных и незападных доноров в условиях трансформации мирового порядка имеются серьезные лакуны. Особенно слабо изученной остается специфика применения инструментов ОФР в отдельных региональных контекстах, в частности, в контексте Центральной Азии. Существующие работы чаще фокусируются на отдельных донорах или конкретных сюжетах, не предлагая комплексной сравнительной аналитической рамки.

Учет определенных в ходе исследования параметров позволяет проводить сравнение моделей помощи, используемых как западными, так и незападными донорами, выявляя общие черты и специфические особенности их подходов. Однако для определения механизмов применения ОФР для достижения внешнеэкономических или иных стратегических целей необходимо углубленное теоретическое изучение конкретных практик и инструментов, используемых для их достижения. В следующем параграфе будут рассмотрены ключевые теоретические и прикладные аспекты применения инструментов ОФР в качестве средства обеспечения внешнеэкономических интересов.

1.3 Внешнеэкономическое измерение политики предоставления ОФР в условиях изменения глобального ландшафта рисков ¹⁷⁷

Как уже было сказано, применение инструментов официального финансирования развития подчиняется логике продвижения как политических, так и экономических интересов доноров. Они служат катализатором укрепления торгового, инвестиционного, научно-технического сотрудничества между страной-донором и страной-реципиентом. Особенно заметен этот эффект при направлении ресурсов на создание или модернизацию объектов экономической инфраструктуры – транспортных узлов, энергетических сетей, логистических центров, использовании «связанной» помощи, преимущественном предоставлении кредитов и др. ¹⁷⁸

Коммерческая мотивация государств-доноров имеет амбивалентный характер. Во-первых, расширение зарубежной инвестиционной активности и содействие участию национальных компаний в международной торговле увеличивает налоговые и иные поступления в бюджет. ¹⁷⁹ Во-вторых, поддержка экспансии национального бизнеса на рынки стран-реципиентов позволяет влиять на политику получателей помощи, продвигая собственные стратегические интересы. Реализация этой задачи может осуществляться как через двусторонние каналы, так и через многосторонние механизмы ¹⁸⁰.

Центральным элементом коммерческой мотивации стран-доноров является защита торговых интересов, инвестиций и формирование устойчивого бизнес-

¹⁷⁷ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора в соавторстве, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Бартенев В.И., Мендагазиев А.Е. Константы и переменные в восприятии политических рисков международным бизнесом в 2010–2020-е годы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 55–84.

¹⁷⁸ См. подробнее: Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – Т. 23, № 2. – С. 47–58.

¹⁷⁹ Максимова А.В. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10, № 1. – С. 56–79.

¹⁸⁰ См., например: Mclean E.V. Multilateral Aid and Domestic Economic Interests // International Organization. – 2015. – Vol. 69, No. 1. – P. 97–130.

климата для национальных компаний в странах-реципиентах. Однако провайдеры ОФР могут преследовать не только коммерческие интересы, но и ориентироваться на соблюдение современных глобальных норм в сфере развития, которые включают обеспечение благоприятной среды для мобилизации частных инвестиций. Эти принципы отражены в ключевых международных программных документах, таких как Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., Аддис-Абебская программа действий 2015 г. и Севильское обязательство 2025 г.¹⁸¹

Ключевым ограничителем для инвестиционной деятельности международного бизнеса (особенно в странах Глобального Юга) являются разнообразные риски. Среди них наиболее существенное воздействие на бизнес и принятие решений по вопросам инвестирования оказывают политические риски, которые принято делить на несколько категорий. По происхождению их делят на эндогенные и экзогенные. По институциональному источнику выделяются «легально-правительственные» и «экстра-легальные» риски. К первой категории относятся меры, предпринимаемые правительственными учреждениями государства-реципиента помощи: от радикальных шагов (национализация, экспроприация, введение эмбарго) до инструментов «ползучей» экспроприации через регуляторные изменения, дискриминацию иностранного капитала или налоговые реформы.¹⁸² «Экстра-легальные» риски, в свою очередь, генерируются негосударственными акторами – от террористических групп до протестных движений.

Таким образом, политические риски представляют собой сложный многоуровневый вызов для интересов международного бизнеса. Однако их восприятие самими компаниями зачастую отличается системными искажениями. Анализ ежегодных опросов делового сообщества позволяет выявить устойчивые паттерны этого восприятия, которые сохраняются даже в условиях растущей

¹⁸¹ Севильское обязательство: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 79/323 от 25 августа 2025 г. – A/RES/79/323. – Нью-Йорк: ООН, 2025. – 55 с. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4087700/files/A_RES_79_323-RU.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

¹⁸² См. подробнее: Бордовских А.Н. Экспроприация в XXI в. – новый вызов для исследований политического риска // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 298–313.

глобальной нестабильности. Эти паттерны были выявлены на основе анализа серийных докладов, обобщающих результаты ежегодных опросов представителей бизнес-сообщества – докладов «Барометр рисков» от страховой компании Allianz и докладов «Как ведущие компании управляют актуальными политическими рисками», которые консалтинговое агентство Oxford Analytica готовит по заказу страховой компании Willis Tower & Watson (WTW), за 2010 – 2020-е гг.

Первый паттерн – объективная недооценка политических рисков в сравнении с другими категориями. Второй – деприоритизация рисков «экстра-легального» происхождения и рисков эскалации межгосударственных конфликтов по отношению к «легально-правительственным» рискам невоенного характера. Третий – низкая способность бизнеса предугадывать политические риски любого типа, из-за которой его представители фиксируют «регуляторные» шоки или эскалацию конфликтного потенциала внутри государств или между ними постфактум и несут серьезные (иногда многомиллиардные) потери.

Ни пандемия COVID-19, ни заметное ускорение глобальной турбулентности на фоне специальной военной операции (СВО) России на Украине не привели к радикальному слоому указанных паттернов, хотя оба явления были восприняты деловыми кругами как катализаторы глубинных изменений. Так, согласно докладу «Барометр рисков» от Allianz (одной из ведущих глобальных компаний в области страхования), позволяющему определить место политических рисков в общей иерархии рисков, значимых для бизнеса, в 2020 г. представители бизнеса ожидали, что всплеск протестной активности на фоне локдаунов в западных странах, а также сепаратизма и национализма предопределил ужесточение подходов к приему беженцев, деприоритизацию политики СМР, а также усиление угрозы долговых кризисов, которые, в свою очередь, могли спровоцировать рост сепаратизма, национализма, религиозного экстремизма и ксенофобии.¹⁸³ В 2021 г., по мере адаптации к пандемическим реалиям, международный бизнес, по сути, стал сводить геополитические риски к усилению

¹⁸³ Allianz Risk Barometer. Identifying the Major Business Risks for 2021 // AGCS. – 2021. URL: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2021.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

американо-китайского соперничества, «отравляющего все виды экономической активности, от торговли до технологического сотрудничества и инвестиций».¹⁸⁴

Согласно же докладам, концентрирующимся исключительно на политических рисках, выпускаемых консалтинговым агентством Oxford Analytica по заказу одной из ведущих страховых компаний WTW, эксперты отмечали возникновение во время пандемии коронавируса новых, специфических рисков, таких как «политические афтершоки пандемии COVID-19» (опросы 2021 и 2022 гг.) и «пандемические долги» (опрос 2022 г.).¹⁸⁵ Кроме того, они выделяли в качестве трендов, оказывающих наибольшее влияние на ландшафт политических рисков, «интенсификацию геостратегического соперничества (например, между США, Китаем и Россией)», «усиление экономического декаплинга между Китаем и Западом» и «усиление экономического национализма и деглобализацию».

Еще более значимым фактором усиления политических рисков стала эскалация украинского конфликта. По данным опроса представителей бизнеса, проведенного Allianz при подготовке «Барометра рисков» сразу после начала Россией СВО на Украине, среди политических рисков первое место заняла война, обойдя все другие риски – кроме «смены правительства и регуляторных изменений», которые доминировали все годы ранее. Удержание невоенными «легально-правительственными» рисками такой высокой позиции можно легко объяснить наращиванием санкционного давления на Россию и КНР со стороны стран Запада, повышением вероятности введения новых регуляторных требований и сохранением возможности резких изменений политики в случае смены партийно-политической конфигурации (и в развитых, и в развивающихся странах).¹⁸⁶

По данным «Барометра рисков», сочетание эскалации конфликта вокруг Украины и последствий пандемии COVID-19 стало катализатором сразу нескольких значимых изменений в восприятии рисков представителями бизнеса:

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Oxford Analytica. How are Global Businesses Managing Today's Political Risks? 2022 Survey and Report. A report produced for WTW // WTW. – 2022 – P. 8. URL: <https://www.wtwco.com/-/media/wtw/insights/2022/03/2022-wtw-political-risk-survey-report.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁸⁶ Allianz Risk Barometer 2023. Identifying the Major Business Risks for 2023 // AGCS. – 2023. URL: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2023.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

повышения значимости классических рисков «экстра-легального» происхождения, в том числе протестов, и усиления обеспокоенности перспективой обострения конфликтов между другими государствами.¹⁸⁷ Согласно же опросам Oxford Analytica, произошел драматический всплеск внимания к политическим рискам как таковым. Многие представители бизнеса назвали конфликт вокруг Украины «парадигмальным сдвигом», «водоразделом», а один из респондентов выразил ту же мысль следующим образом: «Бизнес и политика ранее существовали в двух параллельных реальностях, но события прошлого года положили этому конец». По данным опроса, девять из десяти компаний сообщили о потерях, обусловленных именно политическими рисками (несколько лет назад о таких потерях сообщала только каждая третья компания).¹⁸⁸

Однако эскалация конфликта вокруг Украины отнюдь не всеми представителями бизнеса была воспринята однозначно в негативном ключе, что предопределялось характером воздействия кризиса на финансовое положение конкретной компании. При преобладании отрицательных оценок (60%) нельзя не отметить, что каждый пятый представитель частного сектора в целом по миру отмечал получение финансовых выгод, что объясняется существенной реструктуризацией торговых и инвестиционных потоков на фоне СВО и введения странами Запада масштабных санкций в отношении России. Еще больший интерес представляют данные по компаниям с головным офисом в Северной Америке (всего их было шесть), среди которых и вовсе оказалось больше бенефициаров, чем фирм, которые понесли потери. В числе выгодоприобретателей – представители энергетического сектора, в том числе компании, специализирующиеся на поставках сжиженного природного газа, и сельского хозяйства, выигравшие от роста цен на соответствующих сегментах рынка. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что главным бенефициаром эскалации на Украине стали именно США – они смогли воспользоваться ситуацией для укрепления своих позиций в Западной

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Oxford Analytica. How are Global Businesses Managing Today's Political Risks? 2023 Survey and Report // WTW. – 2023. URL: <https://www.wtwco.com/en-sg/insights/2023/04/2023-political-risk-survey-report> (дата обращения: 08.08.2025).

Европе, которая, напротив, проиграла от почти полного разрыва экономических связей с Россией¹⁸⁹.

Кроме того, бизнес продемонстрировал осознание того, что конфликт на Украине уже оказал и будет продолжать оказывать системное воздействие на другие политические риски. Это касается рисков глобального охвата, таких как усиление экономической фрагментации мира, которая во все большей степени воспринимается как неизбежность, а также того, что косвенные последствия конфликта в лице повышения цен на нефть способствовали усугублению «долгового кризиса в развивающихся странах».

Важным наблюдением является и то, что повышение озабоченности усилением соперничества между США и Китаем является долговременным паттерном. Впервые войдя в верхнюю часть рейтинга политических рисков от Oxford Analytica еще до пандемии, оно оставалось там все последующие годы.¹⁹⁰ Еще большее значение этот фактор приобрел в 2025 г. после прихода к власти в США новой администрации Д. Трампа, чья политика в отношении Китая отличается особой непредсказуемостью.¹⁹¹

Процессы трансформации мирового порядка и нарастание межгосударственной конкуренции порождают нестабильность, усиливают санкционную политику и подрывают цепочки поставок и доверие частных инвесторов. Однако в условиях обострения межгосударственного соперничества одновременно наблюдается повышение склонности бизнеса из конкурирующих держав к инвестициям в высокорисковые юрисдикции. Есть основания полагать, что это будет создавать дополнительные узлы напряженности в странах

¹⁸⁹ Бартенев В.И., Мендагазиев А.Е. Константы и переменные в восприятии политических рисков международным бизнесом в 2010–2020-е гг. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 55–84.

¹⁹⁰ Oxford Analytica. How are Global Businesses Managing Today's Political Risks? 2024 Survey and Report. // WTW. – 2024. URL: <https://www.wtwco.com/en-sg/insights/2024/05/political-risk-survey-report-2024> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁹¹ Allianz Risk Barometer 2025. Identifying the Major Business Risks for 2025 // AGCS. – 2025. URL: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/Allianz-Risk-Barometer-2025.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

Глобального Юга¹⁹², в минимизации которых важную роль могут сыграть и инструменты ОФР.

Проблема влияния официального финансирования развития на параметры политических рисков наиболее полно была раскрыта в рамках проекта РНФ «Влияние новых трендов в оказании содействия международному развитию на параметры политических рисков для внешнеэкономической деятельности» под руководством В.И. Бартенева, в реализации которого принимал участие автор диссертации.¹⁹³ Логика влияния ОФР на митигацию политических рисков также подробно изучена В.И. Бартеневым. По его мнению, минимизация политических рисков сама по себе служит мотивом для использования ресурсов ОФР, а доноры и многосторонние институты направляют помощь на стабилизацию среды, косвенно защищая интересы инвесторов через укрепление институтов, диверсификацию экономик или снижение конфликтного потенциала в странах-партнерах.¹⁹⁴

В рамках содействия международному развитию реализуется несколько подходов к минимизации политических рисков для инвестиций. Первый предполагает прямое снижение воспринимаемых бизнесом угроз через применение финансовых механизмов, таких как гарантии и страхование политических рисков экспортно-кредитными агентствами (ЭКА) или институтами финансирования развития (ИФР). Согласно стандартам ОЭСР, гарантии подразумевают обязательство донора компенсировать часть или полную сумму финансовых потерь при дефолте заемщика или обесценивании активов вследствие реализации кредитных или политических рисков.¹⁹⁵ Эти инструменты позволяют перераспределить риски между государством и частным сектором, стимулируя инвестиции в проекты, которые в иных условиях считались бы слишком

¹⁹² Бартенев В. И., Мендагазиев А. Е. Константы и переменные в восприятии политических рисков международным бизнесом в 2010–2020-е годы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 72.

¹⁹³ Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом. РНФ. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01060/> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁹⁴ См. подробнее: Бартенев В. И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия XXV: Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 133–163.

¹⁹⁵ DAC Working Party on Development Finance Statistics. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. – DCD/DAC/STAT(2026)14/FINAL – Paris: OECD, 2026. – Par. 46. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2026\)14/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2026)14/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 30.07.2026).

рискованными. Кроме того, подобные инструменты создают «эффект ореола», заключающийся в сдержанности властей страны-реципиента при принятии решений, способных нанести ущерб инвесторам, ассоциированным с государством-гарантом, из-за опасений ухудшения двусторонних отношений.

Однако официальное финансирование развития может оказывать и негативное влияние на уровень рисков в странах-реципиентах. Так, повышение волатильности и снижение предсказуемости внешней помощи может создавать ряд рисков для политической и экономической стабильности. По мнению В.И. Бартенева, непредсказуемость потоков помощи может быть связана с изменениями международной конъюнктуры, пересмотром приоритетов доноров или внутренними кризисами в странах-провайдерах помощи. К ключевым рискам можно отнести нарушение долгосрочного планирования, ослабление бюджетной дисциплины, усиление коррупции и снижение подотчетности властей реципиента перед населением.¹⁹⁶

Гарантийные инструменты приобретают все большую значимость в международном финансировании развития, что подтверждается частотой их упоминаний в стратегических документах¹⁹⁷, реформами статистической отчетности в части учета гарантий¹⁹⁸ и заметным увеличением объемов привлеченного через них частного капитала. Так, с 2012 по 2022 г., согласно данным КСР ОЭСР, с помощью гарантий в общей сложности было привлечено более 180 млрд долл. США.¹⁹⁹ Однако анализ доступных данных, проведенный в рамках упомянутого проекта РНФ, подчеркивает существующие проблемы: неполное использование потенциала механизмов гарантий и выраженную

¹⁹⁶ См. подробнее: Бартенев В.И. Внешняя помощь и качество государственного управления: освобождение от иллюзий // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 67–79.

¹⁹⁷ Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development (Addis Ababa Action Agenda) [endorsed by UN GA resolution 69/313 of 27 July 2015]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares69d313_ru.pdf (дата обращения: 08.05.2025); Mirabile M., Benn J., Sangare C. Guarantees for Development. – OECD Development Co-operation Working Papers. – 2013. – No.11. – Paris: OECD Publishing. – 40 p.; Mirabile M., Halvorson-Quevedo R. Guarantees for development – OECD Development Co-operation Working Papers. – No. 11. – 2013. – Paris: OECD Publishing. – 24 p.

¹⁹⁸ OECD DAC High Level Meeting Communiqué. – 19.02.2016. – P. 8. URL: <https://web-archive.oecd.org/2016-02-19/388307-DAC-HLM-Communique-2016.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁹⁹ OECD Data Explorer. Mobilised Private Finance for Sustainable Development. // OECD. URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 08.05.2025).

диспропорцию в распределении ресурсов между провайдерами (государственными и многосторонними), регионами-получателями и отраслями.²⁰⁰

Одной из ярких иллюстраций роста значимости официальной поддержки инвестиций в развитие являются изменения в американской модели их страхования. Согласно В.И. Бартеневу, сегодня наблюдается секьюритизация практик применения соответствующих инструментов: на фоне ужесточения межгосударственной конкуренции, в первую очередь, с Китаем США все более фокусируются на страховании политических рисков в регионах наиболее интенсивного соперничества с КНР – Латинской Америке и Африке южнее Сахары.²⁰¹

Китайская модель ОФР также предполагает предоставление прямой страховой защиты по линии Китайской корпорации по страхованию экспорта и кредитов (Sinosure). Согласно Юньань Чен, научному сотруднику Института зарубежного развития (ODI), и Зои Лю, старшему научному сотруднику по изучению Китая в Совете по международным отношениям, роль Sinosure в качестве гаранта проектов, профинансированных китайскими банками, имеет особое значение и фактически означает участие китайского правительства в соглашении.²⁰² Деятельность данной структуры началась еще до запуска инициативы «Один пояс – один путь», но после 2013 г. портфель Sinosure вырос очень значительно.²⁰³

Второй подход к защите инвестиций от политических рисков с помощью инструментов ОФР нацелен на трансформацию среды, порождающей риски, через системные изменения. В.И. Бартенев считает, что «механизмы влияния будут существенно различаться в зависимости как от вида/инструмента/канала/способа/секторального предназначения помощи, так и от

²⁰⁰ См. подробнее: Бартенев В. И. Гарантийные инструменты в международном финансировании развития: факторы, динамика и перспективы применения // Финансовый журнал. – 2025. – Т. 17, № 1. – С. 27–44.

²⁰¹ Бартенев В.И. Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – Т. 54, № 11. – С. 93–110.

²⁰² Chen Y., Liu Z.Z. Hedging Belts, De-Risking Roads: Sinosure in China's Overseas Finance and the Evolving International Response // ODI. – 2023. – P.11. URL: www.odi.org/en/publications/hedging-belts-de-risking-roads-sinosure-in-chinas-overseas-finance-and-theevolving-international-response/ (дата обращения: 08.05.2025).

²⁰³ China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: <https://www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0> (дата обращения: 18.11.2025).

ключевых параметров риска (происхождения, институционального источника и уровня воздействия)»²⁰⁴. Эффективность таких мер варьируется в зависимости от типа риска: эндогенные угрозы могут быть смягчены реформами государственного управления, тогда как экзогенные требуют многосторонних усилий. Однако универсальных решений не существует: увеличение помощи в одном секторе может снизить коррупционные риски, но спровоцировать социальное напряжение в другой сфере. Перераспределение ресурсов ОФР неизбежно влияет на «риск-ландшафт», даже если это воздействие не всегда очевидно.

Практика минимизации политических рисков посредством воздействия на факторы их возникновения в стране-реципиенте через программы помощи достаточно активно используется США и европейскими донорами, в том время как восточноазиатские доноры, в том числе Китай, не прибегают к подобным инструментам.²⁰⁵ Наибольшим потенциалом воздействия на факторы политического риска обладают следующие направления из утвержденного ОЭСР Классификатора²⁰⁶ помощи по кодам целевого назначения (purpose codes):²⁰⁷

- политика и администрирование в государственном секторе;
- управление государственными финансами;
- организации и институты по противодействию коррупции;
- развитие судебной-правовой системы;
- гражданское миростроительство, предотвращение и урегулирование конфликтов;
- социальная защита;
- обеспечение занятости;
- политика и администрирование в финансовом секторе;

²⁰⁴ Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 151.

²⁰⁵ См.: McDade T. China's Foreign Investments: Hedges Against Policy Uncertainty // AidData Working Paper. – 2024. – No. 132. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary. URL: <https://www.aiddata.org/publications/chinas-foreign-investments-hedges-against-policy-uncertainty> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁰⁶ Используется провайдером СМР при предоставлении детализированных данных по ОПР в КСР ОЭСР, в последующем размещаемых в базе «Система отчетности кредиторов» (Creditor Reporting System, CRS).

²⁰⁷ Development Finance Statistics: Resources for Reporting // OECD. URL: <http://www.oecd.org/dac/stats/purposecodessectorclassification.htm> (дата обращения: 01.03.2026).

- политика и администрирование в сфере бизнеса;
- политика и администрирование в сфере торговли;
- политика и администрирование в сфере защиты окружающей среды.

Оценка же степени реального влияния потоков ОФР на уровень политических рисков является крайне сложной аналитической задачей. В.И. Бартенев подчеркивает, что ее реализация возможна с помощью регрессионного анализа зависимости объемов помощи по ключевым целевым направлениям ОПР и числовых показателей из рейтингов политических рисков, соотнесенных с этими направлениями. Однако данному подходу препятствует ряд факторов – взаимозависимость переменных, а также наличие множества различных факторов, воздействующих как на объемы помощи, так и на параметры политических рисков, что ограничивает количественную оценку воздействия ОФР на параметры рисков.²⁰⁸

Превентивная стратегия по минимизации политических рисков посредством воздействия на факторы их возникновения в стране-реципиенте через программы помощи не используется Китаем, государственные корпорации которого имеют высокий уровень «толерантности» к политическим рискам. Особенностью китайской модели защиты инвестиций посредством ОФР является официальное финансирование определенной части коммерческого контракта, связанного со строительством социальной инфраструктуры.^{209 210} Как пишет З. Э. Гомбоин, также участвовавший в выполнении упомянутого проекта РНФ, «китайские компании при возрастании такого рода рисков могут содействовать принятию правительством КНР решения приостановить существующие проекты

²⁰⁸ Бартенев В.И. Вклад официальной помощи развитию в митигацию политических рисков для прямых иностранных инвестиций: пределы измеримости // Современная мировая экономика. – 2024. – Т. 2, № 4. – С. 6–23.

²⁰⁹ См.: Gelpern A. et al. How China Lends: A Rare Look into 100 Debt Contracts with Foreign Governments // Center for Global Development. – 2021. URL: <https://www.cgdev.org/publication/how-china-lends-rare-look-into-100-debt-contracts-foreign-governments> (дата обращения: 08.05.2025).

²¹⁰ 吕建中等 [Lu Jianzhong]. 在“一带一路”国际产能合作中建立企业主导与政府推动的协同机制 [Establish a collaborative mechanism between enterprise leadership and government promotion in the "Belt and Road" international capacity cooperation] // 国际石油经济 – 2017. – No. 218. – P. 1–6.

или просто перестать продвигать реализацию проектов помощи в стране-реципиенте»²¹¹.

К практикам защиты инвестиций и смягчения рисков для бизнеса можно отнести и «связывание» помощи, в рамках которого бизнес из страны-донора получает доступ на иностранный рынок без существенных вложений и с низким уровнем рисков. «Связанная» помощь, по большей части, ассоциируется в международном дискурсе именно с Китаем.²¹² Однако практика «связывания» помощи характерна и для многих «традиционных» доноров – в 2023 г. доля связанной американской помощи составляла 30%.²¹³ Кроме того, несмотря на рекомендации ОЭСР, доля формально «связанной» ОПР в общем объеме помощи доноров КСР ОЭСР выросла с 16,9 % в 2000 г. до 19,1 % в 2022 г. В действительности же только в 13% проектов задействованы поставщики из развивающихся стран, а компании из самой страны-реципиента – только в 9%.²¹⁴

Западные доноры также задействуют механизмы выставления реципиенту политических условий в рамках предоставления помощи для защиты инвестиций. В качестве условий для получения грантов и займов реципиентам предлагается устранить дискриминационные барьеры для зарубежного бизнеса и гарантировать стабильность правовой среды.²¹⁵ Китай же не «обуславливает» предоставляемую им помощь в отличие от западных доноров²¹⁶ необходимостью проведения тех или иных политических и экономических преобразований, но уделяет большое внимание условиям контрактов на льготные поставки товаров и услуг, «прописывая туда серьезные последствия для реципиентов в случае изменений регуляторного режима и наступления форс-мажорных обстоятельств,

²¹¹ Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 6. – С. 55.

²¹² См., например: Yang Y. Bring Your Own Workers: Chinese OFDI, Chinese Overseas Workers, and Collective Labor Rights in Africa // World Development. – 2022. – Vol. 152. – Art. 105808.

²¹³ Table 23. Tying Status of ODA by Individual DAC Member Countries. ODA Trends and Statistics // OECD. – 2023. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/oda-trends-and-statistics.html> (дата обращения: 08.08.2025).

²¹⁴ Report on the Implementation of the DAC Recommendation on Untying Official Development Assistance. – DCD/DAC(2022)34/FINAL. – Paris: OECD, 2022. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2022\)34/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2022)34/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 08.05.2025).

²¹⁵ См. подробнее: Asiedu E., Jin Y., Nandwa B. Does Foreign Aid Mitigate the Adverse Effect of Expropriation Risk on Foreign Direct Investment? // Journal of International Economics. – 2009. – No. 78(2) – P. 268–275.

²¹⁶ См. подробнее: Ping S.N., Wang Y.T., Chang W.Y. The Effects of China's Development Projects on Political Accountability // British Journal of Political Science. – 2022. – Vol. 52, No. 1. – P. 65–84.

неблагоприятных для китайских компаний». ²¹⁷ Как указывает заместитель начальника Управления экономического сотрудничества Россотрудничества М.О. Ермолов, речь идет о «применении в кредитных соглашениях комплекса обеспечительных мер, которые в случае нарушения заемщиком условий дают кредитору мощные рычаги для оказания влияния»²¹⁸.

Таким образом, официальное финансирование развития служит важным инструментом в механизме обеспечения внешнеэкономических интересов доноров в условиях растущей глобальной нестабильности. Ключевая роль ОФР в минимизации политических рисков и защите внешнеэкономических интересов провайдеров проявляется через два взаимодополняющих подхода: прямое перераспределение рисков и косвенное воздействие на среду их возникновения через укрепление институтов и поддержку реформ.

²¹⁷ Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 6. – С. 55.

²¹⁸ Ермолов М.О. Помощь Центральной Азии: Новая Большая игра // РСМД. – 2021. – № 36. – С. 11.

Выводы к Главе 1

Официальное финансирование развития является неотъемлемым элементом современных международных отношений и многоаспектным компонентом содействия международному развитию. Мониторинг потоков ОФР представляет собой важную составляющую деятельности ряда ключевых международных организаций, что подчеркивает его значимость в глобальной повестке развития. Проведенная систематизация научных подходов к изучению политики западных и незападных государств в сфере ОФР продемонстрировала, что при всей декларативной ориентации на достижение глобальных целей устойчивого развития ключевым драйвером предоставления ОФР остаются национальные интересы доноров – политические, экономические и т.п. В исследовании мы придерживаемся реалистского подхода к осмыслению целеполагания в предоставлении ОФР и согласны с тем, что страны-провайдеры используют его как инструмент в реализации собственных стратегических целей.

На основе стандартной матрицы ОЭСР по потокам финансирования развития в развивающиеся страны и производной от нее статистической метрики ТОССД, разработанной для мониторинга достижения Целей устойчивого развития, мы уточнили определение ОФР. Оно интегрирует как льготные, так и нелюбные финансовые потоки, номинально ориентированные на развитие, источником которых являются суверенные государства: западные и незападные доноры – провайдеры сотрудничества по линии Север – Юг и по линии Юг – Юг. Ключевым отличием предложенной дефиниции является признание амбивалентности целеполагания провайдеров ОФР. Подобный подход позволил не только расширить понимание мотивационной структуры доноров, но и выработать релевантные критерии анализа практики применения ОФР западными и

незападными провайдерами в условиях формирования полицентричного мирового порядка.

Один из важных «эгоистических» мотивов доноров – создание благоприятных условий для участия национального бизнеса в международном торгово-инвестиционном сотрудничестве – посредством как содействия экспорту, так и защиты зарубежных инвестиций национальных компаний. Программы ОФР выступают инструментом снижения политических рисков, что особенно важно для бизнеса, работающего в развивающихся странах. Механизмы защиты инвестиций можно подразделить на прямые, позволяющие перераспределить риски между государством и частным сектором, и косвенные, связанные с трансформацией институциональной среды в странах-реципиентах.

Были выявлены значимые изменения глобального ландшафта рисков для ведения бизнеса за 2010 – 2020-е гг., включая усиление внимания к комплексным рискам, связанным с обострением междержавной конкуренции и фрагментацией международной системы, а также управлению ими. Это формирует предпосылки для активизации применения инструментов ОФР в целях митигации релевантных уязвимостей – для оказания на них как прямого, так и опосредованного воздействия. Однако более заметная склонность бизнеса из конкурирующих держав (в первую очередь, США, КНР, России) к осуществлению инвестиций в одни и те же высокорисковые юрисдикции рискует создать новые узлы напряженности в разных точках земного шара, в том числе и в центре Евразии.

В связи с существующими различиями в подходах западных и незападных доноров их сравнительный анализ требует учета не только формальных критериев и показателей распределения объемов помощи, но и скрытых стратегических целей, а также институциональных особенностей предоставления официального финансирования. Кроме того, для нашего исследования важным будет и сравнение подходов к защите инвестиций посредством инструментов ОФР.

Однако сравнение подходов любых доноров (в том числе и США и Китая как двух крупнейших провайдеров финансирования в сфере развития) имеет свои ограничения. Рассмотрение специфики общенациональных программ помощи и

общих стратегий доноров в сфере ОФР не позволяет в полной мере раскрыть специфику их подходов к выстраиванию содействия международному развитию на конкретных направлениях. Значимые исключения из общих тенденций встречаются и на уровне отдельных стран и регионов, где частные интересы доноров, риски в странах-реципиентах, а также особенности межгосударственной конкуренции способствуют формированию весьма специфических моделей сотрудничества. Это обуславливает необходимость углубленного анализа регионального и страновых контекстов, без которого невозможно проверить устойчивость теоретических выводов и выявить отклонения от общих закономерностей.

ГЛАВА 2. ИНСТРУМЕНТЫ ОФР В ПОЛИТИКЕ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2013 – 2025 гг.)

Данная глава посвящена комплексному анализу механизмов применения инструментов официального финансирования развития Соединенными Штатами Америки в ЦА в выбранный нами хронологический период – с 2013 по 2025 г.

В первом параграфе главы раскрываются стратегические приоритеты политики США, их эволюция в рассматриваемый период и определяются детерминанты происходивших изменений. Прослеживается эволюция подходов США с учетом изменений ландшафта на глобальном, региональном уровнях и уровне ключевых стран ЦА, а также изменений в партийно-политических конфигурациях в самих США.

Во втором параграфе исследуется динамика и структура потоков ОФР из США в страны ЦА на основе данных платформы «ForeignAssistance.gov» во взаимосвязи с изменениями стратегических приоритетов Вашингтона. Потоки систематизируются по отдельным странам-получателям (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), секторальным направлениям, а также распорядителям бюджетных средств. Соотнесены изменения в объемах и структуре помощи со стратегическими установками США, сопоставлены объемы запрошенной помощи и фактических обязательств, принятых на основании утвержденных Конгрессом ассигнований, структура ОФР (в том числе соотношения невоенной и военной помощи) при разных партийно-политических конфигурациях.

Третий параграф главы раскрывает внешнеэкономическое измерение национальных интересов США в странах ЦА и характерные особенности американских подходов к применению инструментов ОФР для защиты торгово-инвестиционных интересов в условиях формирования полицентричного миропорядка.

2.1. Стратегические приоритеты политики США в Центральной Азии и особенности их эволюции

До 1991 г. все центральноазиатские республики входили в состав Советского Союза, и в момент обретения ими независимости США не имели наработанных механизмов двустороннего взаимодействия с внешними акторами. В условиях трансформации международной системы, когда внимание США было сосредоточено на постсоциалистической Европе, Ближнем Востоке и Азиатско-Тихоокеанском регионе, Центральная Азия занимала периферийное место во внешнеполитической повестке США.²¹⁹ Тем не менее сразу же после распада СССР Вашингтон начал активно выстраивать дипломатическое присутствие в регионе: уже в 1992 г. открылись американские посольства в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. В первой половине 1990-х также были подписаны инвестиционные соглашения с Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном.²²⁰

В начале 1990-х годов страны ЦА упоминались в американских документах стратегического планирования лишь эпизодически, преимущественно в контексте взаимодействия с Россией. Первостепенное внимание американской администрации было сосредоточено на вопросах «жесткой» безопасности, в частности на контроле над ядерными арсеналами и нераспространении оружия массового поражения (ОМП). В данном контексте Казахстан – как государство, унаследовавшее значительный ядерный потенциал после распада СССР, – приобрел особое значение в качестве стратегического партнера США в процессе

²¹⁹ См. подробнее: Николаев С. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991–2008 гг.) // Международная жизнь. – 2011. – № 2. – С. 27–44.

²²⁰ International Investment Agreements Navigator // UNCTAD Investment Policy Hub. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements> (дата обращения: 08.05.2025).

денуклеаризации постсоветского пространства и вывоза ядерных вооружений на территорию России.²²¹

Ситуация начала меняться в конце 1990-х годов, что было обусловлено сочетанием нескольких факторов: определенным усилением позиций России и активности Китая в регионе, возрастанием значения каспийских энергетических ресурсов и стабилизацией внутривнутриполитической ситуации в некоторых странах региона. В этом контексте демократическая администрация У. Клинтона расширила повестку сотрудничества с постсоветскими государствами. В тексте Стратегии национальной безопасности США 1999 г. впервые были четко обозначены конкретные интересы Вашингтона в регионе, включая поддержку вступления стран ЦА во Всемирную торговую организацию (ВТО) и развитие энергетических проектов на Каспии²²².

Такому расширению фокуса способствовало начало проникновения американского бизнеса в регион. Первоначально американский бизнес был сосредоточен на освоении углеводородных ресурсов Казахстана. Ключевыми игроками на этом этапе выступили американские транснациональные корпорации «Chevron» и «ExxonMobil», заключившие в середине 1990-х гг. стратегические соглашения о разработке Тенгизского и Кашаганского месторождений. Эти контракты заложили основу для масштабного присутствия американского капитала в регионе, а их чрезвычайно асимметричным условиям по распределению доходов в пользу корпораций суждено было стать предметом общественных дискуссий и судебных разбирательств на многие десятилетия.²²³

Однако подлинный перелом в политике США в регионе произошел после террористических атак 11 сентября 2001 г. и начала операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, в связи с которыми республиканская администрация Дж.

²²¹ National Security Strategy of the United States 1993. – Washington, D.C.: The White House, 1993. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1993.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

²²² National Security Strategy of the United States 1999. – Washington, D.C.: The White House, 1999. – P. 33. URL: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/media/pdf/nssr-1299.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

²²³ Токаев поручил добиться выгодных условий при продлении контрактов по Тенгизу и Кашагану // Курсив. – 28.01.2025. URL: https://kz.kursiv.media/2025-01-28/zhnb-srpktokayev/?utm_campaign=endless_feed (дата обращения: 08.05.2025).

Буша-младшего стала рассматривать Центральную Азию в первую очередь как стратегический плацдарм для проведения афганской кампании²²⁴.

В период с 2001 по 2008 г. политика США в отношении пяти центральноазиатских республик прошла несколько этапов, отражавших эволюцию приоритетов Вашингтона – от приоритизации военного сотрудничества к более сбалансированному, хотя и ограниченному по глубине, взаимодействию. На начальном этапе в 2001–2003 гг. доминировали императивы военно-политического характера. После начала афганской кампании США активизировали контакты с лидерами региона, добиваясь размещения военных объектов и доступа к воздушному пространству стран ЦА.²²⁵

Одним из ключевых источников для понимания эволюции американских интересов в регионе и мотивов применения инструментов ОФР (главным образом официальной помощи) служат ежегодные обоснования бюджета на финансирование Государственного департамента, международных операций и связанных программ перед Конгрессом на следующий финансовый год²²⁶, так как именно Конгресс, по словам Дж. Никола, специалиста по России и Евразии Исследовательской службы Конгресса США, во многом являлся движущей силой укрепления связей США с государствами ЦА.²²⁷ Если в обосновании бюджета на 2002 фин. г., составившегося в первой половине 2001 г., еще до терактов 11 сентября 2001 г., страны региона упоминались лишь вскользь, то уже на следующий год администрация Дж. Буша-младшего заявила о намерении содействовать миру и стабильности в регионе, а также предотвращать распространение влияния радикальных группировок.²²⁸ Приоритетными странами

²²⁴ См.: Cooley A. *Great Game, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. – Oxford University Press, 2012. – P. 6.

²²⁵ См. подробнее: Казанцев А.А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А. Казанцев. – М.: МГИМО–Университет, 2008. – 382 с.; Богатуров А. Д., Дундич А. С., Троицкий Е. Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. // *Очерки текущей политики*. Вып. № 4. – М.: НОФМО, 2010. – С. 37–39.

²²⁶ В США финансовый год начинается 1 октября и заканчивается 30 сентября.

²²⁷ Nichol J. *Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests* // Congressional Research Service. – 21.03.2014. – P.2. URL: <https://www.refworld.org/reference/research/uscrs/2014/en/98732> (дата обращения: 08.08.2025).

²²⁸ Congressional Budget Justification FY 2003. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. State Department. – 15.04.2002. – P. 311. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/rm/rls/cbj/2003/index.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

были обозначены Узбекистан и Кыргызстан, где располагались ключевые элементы военно-логистической инфраструктуры – авиабаза «Манас» в Кыргызстане, авиабаза «Ханабад» в Узбекистане, авиабаза «Куляб» в Таджикистане и другие объекты в Казахстане и Туркменистане, использовавшиеся для переброски воинских контингентов. Основной акцент в бюджетах на 2003 и 2004 фин. гг. делался на укреплении безопасности и программах нераспространения ОМП, тогда как содействие проведению экономических реформ и продвижение демократии оставались второстепенными задачами.²²⁹

К середине 2000-х гг. стратегия США начала постепенно меняться, что отражало растущие противоречия между целями борьбы с терроризмом и курсом на демократизацию, который постепенно стал выдвигаться на первый план в официальной риторике Белого дома.²³⁰ Именно тогда председателем Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса С.Ф. Старром была предложена концепция «Большой Центральной Азии»²³¹, которая, по мнению И.Д. Звягельской (ИМЭМО РАН), как и идея «Большого Ближнего Востока», стала очередным «региональным конструктом», который «служил для США проекцией влияния»²³².

В этот период началась постепенная диверсификация американских инвестиций. Помимо нефтегазовой отрасли американский бизнес активизировался в таких секторах, как горнодобывающая промышленность, агропромышленный комплекс и финансовые услуги. Институциональным отражением данной тенденции стало создание в 2004 г. Совета по торговле и инвестициям между США и ЦА (Trade and Investment Framework, TIFA). Однако, по словам известных французских специалистов по Центральной Азии М. Ларюэль и С. Пейруза,

²²⁹ Congressional Budget Justification FY 2004. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. State Department. – 13.02.2003. – P. 391. URL: <https://2001-2009.state.gov/s/d/rm/c8519.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

²³⁰ См. подробнее: Зиглер Ч. Э. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 4. – С. 13–22.

²³¹ См. подробнее: Starr S.F. “A Partnership for Central Asia” // Foreign Affairs. – 2005. – Vol. 84, No. 4. – P. 164–178; Starr S.F. The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2007.

²³² Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 8–9.

коммерческие интересы США в тот период оставались ограниченными.²³³ В бюджетном обосновании на 2005 фин. г., составившемся в феврале 2004 г., уже значительно большее внимание уделялось вопросам продвижения в регионе демократии, защиты прав человека и обусловливания помощи проведением реформ странами-реципиентами.²³⁴ Андижанские события 2005 г. (массовые беспорядки и последующий силовой разгон протестов в городе Андижан в Узбекистане 13 мая 2005 г.) и критика властей со стороны США стали переломным моментом в отношениях между Вашингтоном и Ташкентом, что привело к закрытию американской базы в Карши-Ханабаде. С другой стороны, поддержка США «тюльпановой революции» в Кыргызстане в 2005 г. продемонстрировала усиление акцента на демократизации в региональной политике США.

Тем не менее на протяжении второй администрации Дж. Буша-младшего внимание Вашингтона к странам Центральной Азии постепенно снижалось, что, в частности, нашло отражение в обосновании бюджета на 2008 фин. г., представленном в июле 2007 г. В целом, при Дж. Буше-младшем, по мнению Е.Ф. Троицкого, ведущего научного сотрудника Центра евразийских исследований ТГУ, американская политика в Центральной Азии отличалась неровной динамикой и приводила к неоднозначным последствиям.²³⁵ Уменьшение помощи странам ЦА аргументировалось авторитарным креном властей Узбекистана, а также снижением потребности Казахстана во внешней помощи на фоне роста национальной экономики. Тем не менее применительно к Кыргызстану, Таджикистану и Туркменистану США продолжали декларировать задачи укрепления стабильности и содействия демократизации.²³⁶ Однако на практике реализации целей американской стратегии в регионе мешал целый ряд факторов:

²³³ Laruelle M., Peyrouse S. The United States in Central Asia: Reassessing a Challenging Partnership // Strategic Analysis. – 2011. – Vol. 35, No. 3. – P. 436.

²³⁴ Congressional Budget Justification FY 2005. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. State Department. – 10.02.2004. – P. 369, 375, 402, 407, 410. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/rm/rls/cbj/2005/index.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

²³⁵ Троицкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.) // Сравнительная политика. – 2011. – № 6. – С. 74.

²³⁶ Congressional Budget Justification FY 2008. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. State Department. 13.07.2007. – P. 533–590. URL: <https://2009-2017.state.gov/f/releases/iab/c21508.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

рост сопротивления местных элит американскому военному присутствию, усиление позиций России и Китая в регионе (его количественные параметры приведены в приложениях 1 и 3), ограниченность ресурсов, связанная с ведением затратной войны в Ираке, и ухудшение внутриэкономической конъюнктуры, вылившееся в полномасштабный финансово-экономический кризис²³⁷, который разразился в последний год правления Дж. Буша-младшего, но последствия которого пришлось урегулировать и его преемнику – Б. Обаме.

Поначалу новая демократическая администрация демонстрировала определенную преемственность с подходами республиканцев в своей центральноазиатской политике, но многие установки подверглись концептуальной корректировке.²³⁸ Ключевым изменением стало представление госсекретарем Х. Клинтон в 2011 г. концепции «Нового Шелкового пути» (НШП)²³⁹, которая предполагала экономическую интеграцию Центральной и Южной Азии через развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. Данная инициатива, по мнению С.Ф. Старра, главы Института Центральной Азии и Кавказа, преследовала три взаимосвязанные цели: создание транспортно-энергетической инфраструктуры, интеграцию Афганистана в региональную экономику и формирование альтернативы российскому и китайскому влиянию.²⁴⁰ Однако уже тогда некоторые эксперты высказывали сомнения относительно перспектив реализации этой концепции²⁴¹. Практический эффект от ее выдвижения оказался ограниченным в силу недостаточного финансирования, политической напряженности в регионе и конкуренции с более привлекательными проектами со стороны Китая, что в конечном счете не позволило ей стать системообразующим элементом региональной политики США.

²³⁷ См. подробнее: Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 186 с.

²³⁸ Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 79.

²³⁹ Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting // U.S. Department of State. – 22.09.2011. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/09/173807.htm> (дата обращения: 08.08.2025)

²⁴⁰ Starr F. The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2007.

²⁴¹ См., например: Kucera J. The New Silk Road? // The Diplomat. – 11.11.2011. URL: <https://thediplomat.com/2011/11/the-new-silk-road/> (дата обращения: 08.08.2025).

Кардинальный пересмотр американской стратегии в регионе произошел после 2012 г., что было обусловлено двумя ключевыми факторами: подготовкой к сокращению американского военного присутствия в Афганистане и началом украинского кризиса в конце 2013 г. При этом, по мнению А.А. Казанцева, главного научного сотрудника Института международных исследований МГИМО, к 2013 г. только афганская проблема и вопросы борьбы с глобальным терроризмом являлись факторами, определявшими американские интересы в ЦА – в основном, в плане обеспечения северного маршрута снабжения американских войск в Афганистане, который приобрел новое значение на фоне тогдашнего осложнения отношений США с Пакистаном.²⁴² Весьма показательно, что в обосновании бюджета на 2013 фин. г. перед Конгрессом администрация Б. Обамы обосновывала помощь странам ЦА необходимостью реализации концепции НШП и выстраивания прочных связей между центральноазиатскими республиками и Афганистаном.²⁴³

Начало украинского кризиса в декабре 2013 г. и его резкая эскалация в первые месяцы 2014 г. заставили американские власти во вторую каденцию Б. Обамы (2013 – 2017) переосмыслить значение ЦА в контексте изменения геополитической обстановки. Это подчеркивает и Е.Г. Гарбузарова, доцент кафедры политологии Кыргызско-Российского Славянского Университета, которая считает, что возросшая турбулентность стала «катализатором роста внимания США к Центральной Азии и резкого усиления их региональной активности»²⁴⁴. Это, среди прочего, нашло отражение в создании новой платформы для диалога США и стран ЦА – C5+США, что продемонстрировало эволюцию американского подхода к региону – и перенос акцента с преимущественно двустороннего взаимодействия на многостороннее сотрудничество с вовлечением в него Афганистана.

²⁴² Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО–Университета. – 2012. – Т. 4, № 25. – С. 162.

²⁴³ Congressional Budget Justification FY 2013. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. State Department. – 13.02.2012. – Р. 257. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/rm/rls/statecbj/2013/index.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁴⁴ Гарбузарова Е.Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // Проблемы постсоветского пространства. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 29.

На первых двух министерских форумах в Самарканде в 2015 г. и Вашингтоне в 2016 г. были заложены основы для дальнейшего развития данного формата, подчеркивалась важность решения экологических проблем региона (что отражало глобальные приоритеты администрации Б. Обамы) и развития экономического сотрудничества, включая развитие транспортных коридоров и энергетической инфраструктуры²⁴⁵. Последние, в свою очередь, были нацелены на разрыв прочных экономических связей стран региона с Россией. Так, по мнению А.А. Давыдова, старшего научного сотрудника Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН, номинально формат С5+США «не был сформирован на антироссийской основе, но в документах стратегического планирования прямо оговаривалась необходимость поддержки суверенитета стран региона перед лицом китайских и российских угроз безопасности».²⁴⁶

В конце 2014 г. была разработана первая Региональная стратегия сотрудничества (РСС) Агентства США по международному развитию (АМР США) в Центральной Азии, которая формировала видение задач сотрудничества США со странами ЦА в сфере развития после вывода основного воинского контингента из Афганистана. Стратегия содержала три основные задачи, связанные с инициативой НШП: поощрение торговли и рыночной конкуренции, усиление регионального сотрудничества в сфере энергетики и водных ресурсов, а также повышение эффективности государственного управления. Более того, в документе уже прямо подчеркивалась необходимость противодействия «российской агрессии» и воспитания молодого поколения, не имеющего крепких связей с советским прошлым и «более восприимчивого к западным моделям развития»²⁴⁷.

²⁴⁵ Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America, Samarkand, Uzbekistan // U.S. State Department. – 01.11.2015. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/08/260803.htm> (дата обращения: 08.08.2025); Joint Statement for C5+1 Ministerial of August 3, 2016 // U.S. State Department. – 03.08.2016. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/08/260803.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁴⁶ Давыдов А. А. О стратегической значимости Центральной Азии для США // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № IV (LVII). – С. 62.

²⁴⁷ Central Asia Regional Development Cooperation Strategy 2015 – 2020 // USAID. – October 2014. URL: https://static1.squarespace.com/static/587fcaeb1b10e3086960b284/t/5fea7fef6b227530e7ef119e/1609203698173/Central+Asia_RDCS_2015-2020.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

В этом же году была принята единственная среди страновых стратегий в ЦА Стратегия сотрудничества АМР США с Кыргызстаном на 2015–2020 гг., которая, как декларировалось, была направлена на содействие демократическому развитию, экономическому росту и улучшению качества государственных услуг. Важными направлениями обозначались также повышение доступности медицинской помощи и модернизация системы образования, а также снижение зависимости экономики от денежных переводов трудовых мигрантов за счет создания новых рабочих мест внутри страны.²⁴⁸ В документе отсутствовали прямые указания на необходимость ослабления влияния России или Китая, но логично предположить, что этих целей предполагалось достичь косвенными средствами – за счет решения упомянутых в тексте задач диверсификации экономик, обеспечения энергетической и инфраструктурной независимости, а также реализации программ по развитию «медиаграмотности» населения в странах региона.

Усиление антироссийской направленности политики США в ЦА при второй администрации Б. Обамы шло параллельно с ухудшением отношений России и США, что выразилось во введении США масштабных санкций против РФ в связи с событиями на Украине, свертыванием большинства двусторонних программ, исключением России из «Группы восьми» и т.д. В итоге в текстах обоснований бюджета перед Конгрессом на 2016 и 2017 фин. гг. впервые прямо указывалась необходимость снижения зависимости стран ЦА от России.²⁴⁹ Ключевыми приоритетами при оказании помощи странам региона обозначались продвижение демократии, содействие экономическому росту, обеспечение продовольственной безопасности, решение экологических проблем и продвижение проекта Нового Шелкового пути, а основными получателями помощи – Кыргызстан и Таджикистан. Исключительная важность «Нового Шелкового пути» подчеркивалась, по словам Б.Х. Бахриева, доцента кафедры мировых политических

²⁴⁸ Kyrgyz Republic Country Development Cooperation Strategy 2015 – 2020 // USAID. – 2014. URL: https://static1.squarespace.com/static/587fcaeb1b10e3086960b284/t/5fea7f1befcc2977a8ce5686/1609203486209/Kyrgyz_Republic_CDSCS_2014-2020.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

²⁴⁹ Congressional Budget Justification FY 2016. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. State Department. – 02.02.2015. – P. 257–269. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/rm/rls/statecbj/2016/index.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

процессов МГИМО, всеми акторами публичной дипломатии США в лице посольств, НПО и медиа-ресурсов.²⁵⁰ Однако после ухода Б. Обамы с поста президента США проект более не упоминался официальными американскими лицами.

Китай же упоминался преимущественно в экономическом контексте, хотя растущая активность КНР в рамках инициативы «Один пояс – один путь» вызывала у США очевидную озабоченность. Так, на слушаниях в Конгрессе, посвященных обсуждению бюджета программ для Европы и Евразии на 2015 г., Д. Роллинз, исполняющая обязанности помощника администратора – главы Бюро по Азии АМР США, заявляла о растущем влиянии Китая как одном из самых главных вызовов для региона.²⁵¹ На слушаниях по развитию энергетических ресурсов в Центральной Азии Д. Меркель, бывший директор департамента Европы и Евразии аппарата Совета национальной безопасности, предлагал в целях снижения влияния России и Китая в энергетическом секторе в ЦА оказывать поддержку странам региона в развитии транскаспийских транспортных путей.²⁵²

Политика официального финансирования развития США в ЦА в период второй администрации Б. Обамы, характеризовавшаяся активным противодействием российскому влиянию через экономическую диверсификацию и институциональное реформирование, претерпела существенную корректировку с приходом к власти новой республиканской администрации.

Подход первой администрации Д. Трампа (2017–2021) к взаимодействию со странами ЦА первоначально в значительной степени определялся императивами безопасности в контексте обеспечения стабильности в Афганистане. Стратегия национальной безопасности США 2017 г. определила Центральную и Южную Азию как «одну из зон сосредоточения самых сложных вызовов и возможностей

²⁵⁰ Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей США в Центральной Азии // *Международная аналитика*. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 37.

²⁵¹ Subcommittee Hearing: Reviewing the Administration's FY 2015 Budget Request for Europe and Eurasia // House Foreign Affairs Committee. – 25.06.2014. – P. 24. URL: <https://www.congress.gov/event/113th-congress/house-event/LC23022/text/> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁵² Subcommittee Hearing: The Development of Energy Resources in Central Asia // House Foreign Affairs Committee. – 21.05.2014. – P.2. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA14/20140521/102248/HHRG-113-FA14-20140521-SD002.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

для национальной безопасности», а конкретно ЦА – как регион, требующий внимания в связи с угрозами радикального исламизма и усилением влияния «ревизионистских держав» – Китая и России²⁵³. Отдельное внимание в этот период уделялось укреплению экономических связей внутри региона и между ЦА и Южной Азией, в чем можно увидеть продолжение политики выстраивания «Нового Шелкового пути», инициированной администрацией Б. Обамы, хотя сам этот термин более не употреблялся. По словам В.А. Пономарева, администрация Д. Трампа предполагала переложить бремя афганских проблем на страны региона после своего ухода из Афганистана.²⁵⁴

В то же время в первую каденцию Д. Трампа регион не получал отдельного развернутого освещения в текстах обоснований бюджета на нужды Госдепартамента, международных операций и связанных программ на 2018 – 2020 фин. гг. перед Конгрессом, что указывало на его достаточно низкий статус в иерархии региональных приоритетов республиканской администрации. С 2019 г. в рамках формата C5+США стало происходить постепенное расширение фокуса сотрудничества за счет содействия институциональному развитию, гуманитарного сотрудничества, активизации взаимодействия в энергетическом секторе²⁵⁵.

В 2020 г. была принята Стратегия США в ЦА на 2019 – 2025 гг. с подзаголовком «Укрепление суверенитета и экономического процветания», которая определила целями американской политики в регионе поддержку суверенитета и независимости государств ЦА, снижение террористических угроз, поддержание стабильности в Афганистане и укрепление связей стран региона с ним, содействие реформам, направленным на укрепление верховенства права, уважение прав человека, стимулирование американских инвестиций в ЦА и

²⁵³ National Security Strategy of the United States 2017. – Washington, D.C.: The White House, 2017. – P.50. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁵⁴ Пономарев В.А. Об основных направлениях политики США в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – Т. 7, № 4 – С. 455.

²⁵⁵ Joint Statement on the Fourth C5+1 Ministerial // U.S. Department of State. – 24.09.2019. URL: <https://2017-2021.state.gov/joint-statement-on-the-fourth-c51-ministerial/index.html> (дата обращения: 25.07.2025).

содействие развитию стран региона.²⁵⁶ Однако, как утверждает С.Ф. Старр, стратегия не учитывала множество тактических шагов и форм взаимодействия.²⁵⁷ При этом, как отметила Л. Кертис, в тот момент занимавшая пост заместителя помощника президента и старшего директора по Южной и Центральной Азии аппарата Совета национальной безопасности, США не стремились способствовать снижению влияния России в регионе, признавали необходимость инфраструктурной помощи, предоставляемой Китаем, но хотели предоставить альтернативные пути развития странам региона.²⁵⁸

Подобные изменения, произошедшие на фоне смены руководства в конце 2016 г. в Узбекистане и перехода власти к Ш. Мирзиёеву и постепенного отхода Н. Назарбаева от непосредственного управления Казахстаном с 2019 г., отразили стратегический сдвиг от приоритизации задач безопасности к более комплексному подходу, сочетавшему политические, экономические и социально-гуманитарные аспекты сотрудничества. Это же подтверждают слова Е.Г. Гарбузаровой о том, что при Д. Трампе стратегические цели сместились в сторону реализации экономических интересов, включая импорт ресурсов и инвестиции.²⁵⁹

В обосновании бюджета на 2021 фин. г. впервые были обозначены конкретные цели финансирования: содействие урегулированию афганского конфликта через укрепление регионального сотрудничества в ЦА, поддержка в области безопасности, развитие человеческого капитала и противодействие пагубному внешнему влиянию [без уточнения, от кого оно исходит]. Особый акцент был сделан на развитии частного сектора, региональных экономических связей, устранение барьеров на пути торговли и инвестиций, а также укрепление верховенства закона, подотчетности правительства, гражданских институтов в

²⁵⁶ United States Strategy for Central Asia 2019-2025 Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // U.S. Department of State. – 2020. URL: <https://tj.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/143/United-States-Strategy-for-Central-Asia-2019-2025-1.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁵⁷ Starr F. U.S. Policy in Central Asia through Central Asian Eyes. Silk Road Paper – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, 2023. – 42 p. URL: <https://silkroadstudies.org/resources/230504-SRP-Fred-full.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁵⁸ Panel Discussion. United States Strategy for Central Asia: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // The Heritage Foundation. – 2020. – P. 5. URL: <https://www.heritage.org/china/event/united-states-strategy-central-asia-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁵⁹ Гарбузарова Е.Г. Приоритеты внешней политики д. Трампа в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 101.

целях улучшения инвестиционной среды для американского бизнеса.²⁶⁰ Данные приоритеты отразили более прагматичный подход республиканской администрации, которая стремилась сочетать обеспечение интересов в сфере «жесткой» безопасности с содействием экономической экспансии американского бизнеса. Отсутствие конкретизации источников «пагубного влияния» на страны региона не означало игнорирование вызовов, связанных с Россией и Китаем. Напротив, М. Помпео, госсекретарь США в 2018 – 2021 гг., на слушаниях в Конгрессе, посвященных защите бюджета на развитие международных связей в марте 2019 г., подчеркивал, что приоритетное внимание в нем уделяется противодействию пагубному влиянию России в Европе, Евразии и ЦА.²⁶¹

В самом конце первой каденции Д. Трампа – в декабре 2020 г. – была принята Региональная стратегия сотрудничества в сфере развития (РССР) со странами ЦА на 2020 – 2025 фин. гг. РССР, разработанная АМР США, обозначила ЦА как геостратегически важный для национальных интересов США регион, а основополагающей целью американской политики – содействие формированию «самодостаточной Центральной Азии, взаимосвязанной, независимой и устойчивой к враждебному влиянию»²⁶². Стратегия АМР США определила две ключевые задачи развития ЦА – усиление региональной связанности и повышение устойчивости к региональным факторам уязвимости (см. табл. 2).

Обозначенным в данной версии стратегии ориентирам суждено было подвергнуться заметным коррективам при преемнике Д. Трампа – Дж. Байдене на фоне кардинальных изменений геополитического ландшафта – вывода войск из Афганистана в 2021 г. в связи с победой движения «Талибан» над правительственными силами и эскалации украинского конфликта в 2022 г.

²⁶⁰ Congressional Budget Justification FY2021. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. Department of State. – 2020. – P. 74. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FY-2021-CBJ-Final-508compliant.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁶¹ The State Department's Foreign Policy Strategy and FY20 Budget Request. Hearing before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. Serial No. 116–16 // U.S. House of Representatives. – 2019. – P. 8. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA00/20190327/109185/HHRG-116-FA00-Transcript-20190327.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁶² Central Asia Regional Development Cooperation Strategy 2020 – 2025 // USAID. – 2020. – P. 6.

**Сопоставление приоритетов, обозначенных в разработанных АМР США
редакциях Региональных стратегий сотрудничества
в сфере развития (РССР) со странами Центральной Азии 2020 и 2024 гг.**

Приоритеты РССР 2020 г.	Приоритеты РССР 2024 г.
Расширение экономических возможностей женщин	Гендерное равенство, вовлечение молодежи и инклюзивное развитие
Гендерное равенство	Внутрирегиональная и межрегиональная связанность
Платформы регионального сотрудничества	Борьба с изменениями климата
Борьба с изменениями климата	Цифровизация
Связанность с Афганистаном	Борьба с коррупцией
Вовлечение молодежи	Содействие участию местных сообществ, доноров и частного сектора
Содействие инклюзивному участию гражданского общества и частного сектора	-

Источник: Central Asia RDCS 2020–2025 // USAID. – 2020. – Р. 6; Central Asia RDCS 2020–2025 // USAID. – January 2024. – Р. 7.

Демократическая администрация Дж. Байдена инициировала процесс адаптации Региональной стратегии сотрудничества в сфере развития к приоритетам новой Совместной региональной стратегии, разработанной Бюро Госдепартамента США по делам Южной и Центральной Азии и Бюро АМР США по Азии и утвержденной 10 февраля 2022 г.²⁶³ – на фоне многомесячной эскалации отношений между Западом и РФ вокруг Украины, январских событий в Казахстане 2022 г. и усиления позиций ОДКБ в регионе. Последовавшее вскоре начало СВО РФ на Украине оказало непосредственное влияние на перестройку американской политики в регионе. Согласно А.А. Давыдову, в документах внешнеполитического планирования США стали более детально излагаться интересы, цели и задачи в отношении стран субрегиона, чем за все предшествующие десятилетия²⁶⁴. Так, в 2022–2023 гг. были приняты интегрированные страновые стратегии Госдепартамента США, где, в частности, в документах, посвященных Казахстану

²⁶³ Department of State. Bureau of South and Central Asia & USAID Asia Bureau Joint Regional Strategy // U.S. Department of State. – 2022. – Р. 8. URL: https://2021-2025.state.gov/wp-content/uploads/2022/10/JRS_SCA-ASIA_7FEB2022_PUBLIC.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

²⁶⁴ Давыдов А. А. О стратегической значимости Центральной Азии для США // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № IV (LVII). – С. 66.

и Кыргызстану, еще более отчетливо зазвучали тезисы о чрезмерной зависимости стран от России и Китая в некоторых областях.²⁶⁵ Кроме того, эта тема была отражена и в Стратегии национальной безопасности 2022 г.²⁶⁶

В новой редакции РССР, представленной в 2024 г., ощущалась преемственность с предшествующей версией, хотя ее концептуальное наполнение претерпело существенную трансформацию в контексте изменившихся геополитических реалий, характеризующихся в документе как усиление деструктивного влияния на региональные дела так называемых «вредоносных акторов (*malign actors*)» – России, Китая и Ирана, чьи действия, по оценкам американских аналитиков, подрывают суверенный потенциал развития центральноазиатских государств.²⁶⁷ Этот нарратив нашел отражение и в заявлениях высокопоставленных представителей АМР США, в частности, в выступлении заместителя помощника администратора Агентства А. Каур на слушаниях в Конгрессе США в сентябре 2022 г. о необходимости снижения экономической зависимости региона от России и КНР.²⁶⁸

Понимание задач также подверглось изменениям: из формулировки задачи по усилению региональной связанности исчезло упоминание Афганистана, а фокус второй цели сместился с сокращения масштабов торговли людьми и снижения рисков вооруженного экстремизма на укрепление региональной безопасности, «повышение достоверности информации и общественной осведомленности для противодействия дезинформации», борьбу с инфекционными заболеваниями²⁶⁹. Корректировки демонстрировали изменение видения региона в политике США,

²⁶⁵ Integrated Country Strategies // U.S. Department of State. URL: <https://2021-2025.state.gov/office-of-foreign-assistance/integrated-country-strategies/#sca> (дата обращения: 25.06.2025).

²⁶⁶ National Security Strategy of the United States 2022. – Washington, D.C.: The White House, 2022. – P.25. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁶⁷ Regional Development Cooperation Strategy in Central Asia 2020 – 2025 // USAID. – 2024. – P.6. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2024-04/External-Amended%20RDCS-Central%20Asia_1.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

²⁶⁸ Written Testimony of Anjali Kaur “Strengthening U.S. Engagement in Central Asia” // House Foreign Affairs Subcommittee on Asia, the Pacific, Central Asia, and Nonproliferation. – 2022. – P.1. URL: <https://www.congress.gov/117/meeting/house/115121/witnesses/HMTG-117-FA05-Wstate-Kaur-20220914.pdf> (Дата обращения: 25.06.2025).

²⁶⁹ Regional Development Cooperation Strategy in Central Asia 2020 – 2025 // USAID. – 2024. – P. 7. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2024-04/External-Amended%20RDCS-Central%20Asia_1.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

дистанцирование от неудачного для США опыта в Афганистане, переход от приоритизации «жесткой» безопасности к противоборству «гибридным» и информационным угрозам, открытое и целенаправленное противодействие российскому и китайскому присутствию в регионе, существенно возросшему в последние годы (см. приложения 1 и 3). Так, по мнению А.А. Перминовой, научного сотрудника Института Китая и современной Азии РАН, основной задачей американского финансирования региональных СМИ в этот период стало как раз противодействие российскому информационному влиянию.²⁷⁰

Ревизия стратегических установок американского сотрудничества в сфере развития в регионе отразила диалектику преемственности и адаптации к новым реалиям во внешней политике администрации Дж. Байдена. Корректировка приоритетов в регионе осуществлялась в русле двух взаимосвязанных процессов: во-первых, в соответствии с концептуальными установками демократов в области глобального развития и, во-вторых, как реакция на трансформацию регионального контекста. Примечательно, что ядро приоритетов в целом сохранилось, что подчеркнуло устойчивость долгосрочных интересов США в регионе.

При рассмотрении вопросов обеспечения региональной связанности был исключен афганский фактор, но были включены проблемы цифровизации и противодействия коррупции (Табл. 2), которым в целом уделялось особое внимание в глобальной политике США в годы президентства Дж. Байдена. Последнее, в частности, нашло отражение в рамках реализации Стратегии США по противодействию коррупции 2021 г., где акцент делался, среди прочего, на укреплении потенциала организаций гражданского общества в Южной и Центральной Азии, что соответствовало характерному для администрации Дж. Байдена декларативному фокусу на продвижении демократических стандартов управления и прозрачности.²⁷¹

²⁷⁰ Перминова А.А. Политика США в Центральной Азии в контексте противостояния с Россией и КНР // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – Т. 53, № 10. – С. 31.

²⁷¹ U.S. Strategy on Countering Corruption. Implementation Plan. // U.S. Department of State. – 2023. – P. 27. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/09/U.S.-Strategy-on-Countering-Corruption-Implementation-Plan-9.5.2023-FINAL.pdf> (дата обращения: 25.06.2025).

Кроме того, задача укрепления региональной связанности приобрела новый смысл в контексте соперничества с Россией и Китаем. Этому же мнению придерживалась Н. Яу, старший научный сотрудник Академии ОБСЕ, которая на слушаниях Постоянной комиссии Конгресса США по взаимодействию с Китаем в сфере экономики и безопасности в мае 2022 г. давала рекомендации усилить поддержку интеграции стран ЦА для снижения влияния России и Китая в регионе.²⁷²

Обновленная редакция РССР АМР США 2024 г. отразила качественную трансформацию подходов США к ЦА в контексте обострения межгосударственной конкуренции. Сопоставление редакций данного документа стратегического планирования 2020 и 2024 г. выявляет существенную эскалацию риторики в отношении так называемых «вредоносных акторов»: если в первоначальной версии документа 2020 г. при описании вопросов региональной интеграции и обеспечения устойчивости использовались достаточно нейтральные формулировки, то обновленная стратегия эксплицитно связывала угрозы стабильности ЦА с действиями России, Китая и, в меньшей степени, Ирана.²⁷³ Количественный анализ частотности упоминаний достаточно ярко иллюстрирует произошедшие изменения: российское влияние, ранее упоминавшееся преимущественно в контексте экономического сотрудничества стран ЦА с РФ (5 упоминаний), в новой версии стало ассоциироваться с дестабилизирующим воздействием (12 упоминаний). Присутствие Китая в регионе в 2024 г. стало описываться через призму «зависимости» (32 упоминания в 2024 г. против 1 в 2020 г.), что отразило стратегическую цель Вашингтона по дискредитации китайских экономических проектов, включая критику инициативы «Пояс и путь» и преувеличение масштабов антикитайских настроений в регионе. Этому же мнению придерживается ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований ИСКРАН Н.А.

²⁷² Witness Testimony of Niva Yau. Hearing on China's Activities and Influence in South and Central Asia // U.S.–China Economic and Security Review Commission. – 2022. – P. 105. URL: <https://www.uscc.gov/hearings/chinas-activities-and-influence-south-and-central-asia> (дата обращения: 25.06.2025).

²⁷³ Regional Development Cooperation Strategy in Central Asia 2020 – 2025 // USAID. – 2024. – P. 6. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2024-04/External-Amended%20RDCS-Central%20Asia_1.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

Гегелашвили, которая считает, что самой главной задачей для Вашингтона на центральноазиатском направлении к этому моменту стало усиление своего присутствия и снижение влияния Китая.²⁷⁴

Эскалация конфронтационной риторики США в отношении России и Китая в центральноазиатском регионе в период демократической администрации Дж. Байдена прослеживается и при анализе ежегодных обоснований соответствующего раздела бюджета перед Конгрессом. Так, бюджетный запрос на 2022 фин. г. демонстрировал концептуальную преемственность с общей стратегией США в регионе, фокусируясь на необходимости достижения независимости региона от «вредоносных акторов», в том числе через развитие механизмов С5+США. Примечательно, что дифференцированный подход к странам региона проявлялся в особом внимании к узбекскому направлению, где приоритет отдавался поддержке структурных реформ, модернизации образовательного сектора и ослаблению экономических связей Узбекистана с Россией.²⁷⁵ Общерегionalные инициативы фокусировались на создании альтернативных торговых механизмов, трансграничном водопользовании и продвижении демократических ценностей. Особого внимания заслуживает явно выраженный в документах 2021 г. тезис о необходимости укрепления устойчивости стран региона к российскому давлению, что свидетельствовало о переходе от общей риторики о «деструктивных акторах» к более целенаправленному сдерживанию конкретных геополитических конкурентов и отражало поступательное выстраивание более конфронтационного подхода администрации Дж. Байдена в центральноазиатском регионе.

Администрация Дж. Байдена ставила в регионе цели поддержки укрепления демократических институтов, реформирования государственного управления, реализации климатической повестки, модернизации аграрного и образовательного

²⁷⁴ Гегелашвили Н.А. Политика Вашингтона в условиях роста конкуренции между США и КНР в Центральной Азии // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – Т. 53, № 6. – С. 63.

²⁷⁵ Congressional Budget Justification FY 2022. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. Department of State. – 2021. – P. 93–94. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/05/FY-2022-State_USAID-Congressional-Budget-Justification.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

секторов, а также продвижения гендерного равенства.²⁷⁶ Это же видение было отражено и в выступлении помощника госсекретаря США по делам Центральной и Южной Азии Д. Лу на слушаниях в Конгрессе, посвященных расширению участия США в ЦА, в сентябре 2022 г., на которых он обозначил ключевые приоритеты американской политики в регионе: поддержка независимости государств ЦА [в контексте ослабления влияния России], противодействие КНР в регионе, экономическая стабилизация, обеспечение безопасности, защита прав человека и поддержка демократии.²⁷⁷

Анализ бюджетных запросов на 2024 и 2025 фин. гг. свидетельствует об отсутствии кардинальных изменений в части целеполагания американской политики помощи в регионе во второй половине президентского срока Дж. Байдена. На 2024 фин. г. в качестве задачи было добавлено «устранение долгосрочных последствий конфликта России и Украины для региона, включая последствия антироссийских санкций».²⁷⁸ Кроме того, на слушаниях, посвященных рассмотрению бюджета, первый заместитель помощника госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии Э. Хорст отмечала, что через помощь США стремятся расширять альтернативные торговые маршруты для снижения зависимости от российской транспортной инфраструктуры и обучать население английскому языку.²⁷⁹ В запросе на 2025 фин. г. среди целей обозначались «укрепление независимых СМИ и противодействие вооруженному экстремизму».²⁸⁰ Кроме того, Д. Лу на заседании комитета Конгресса по рассмотрению бюджета на 2025 фин. г.

²⁷⁶ Congressional Budget Justification FY 2023. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. Department of State. – 2022. – P. 97. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/FY-2023-Congressional-Budget-Justification_Final_508comp.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

²⁷⁷ Testimony of Donald Lu. U.S. Engagement in Central Asia. // House Foreign Affairs Subcommittee on Asia, Pacific, Central Asia, And Nonproliferation. – 2022. – P. 2. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA05/20220914/115121/HMTG-117-FA05-Wstate-LuD-20220914.pdf> (дата обращения: 25.06.2025).

²⁷⁸ Congressional Budget Justification FY 2024. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. Department of State. – 2023. – P.131. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/06/508-compliant-FY-2024-CBJ_FINAL_4.26.2023.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

²⁷⁹ Examining FY 2024 Budget for South and Central Asian Affairs. Hearing before the Subcommittee on the Middle East, North Africa and Central Asia joint with Subcommittee on the Indo-Pacific of the Committee on Foreign Affairs. // House of Representatives. – 2023. – P. 9. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-118hhrg56740/pdf/CHRG-118hhrg56740.pdf> (дата обращения: 25.06.2025).

²⁸⁰ Congressional Budget Justification FY 2025. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. Department of State. – 2024. – P. 140. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/FY25-Congressional-Budget-Justification-FINAL_03052024.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

сообщил о поддержке создания рабочих мест внутри стран ЦА для снижения потоков трудовой миграции в Россию.²⁸¹

Дополнительное подтверждение трансформации целеполагания в политике сотрудничества США со странами ЦА прослеживается и при анализе стратегий сотрудничества АМР США с отдельными странами региона. Рамочная стратегия взаимодействия АМР США с Таджикистаном, принятая в начале февраля 2022 г., формально сохраняя риторику обеспечения экономического суверенитета, одновременно подчеркивала сохраняющуюся зависимость страны от российских механизмов безопасности и китайских инвестиционных потоков.²⁸² Не менее показательной является стратегия взаимодействия АМР США с Узбекистаном, принятая уже после начала СВО РФ в феврале 2022 г. и содержащая прямые указания на необходимость снижения «чрезмерной зависимости» от России и КНР.²⁸³ Данная динамика отразила общую тенденцию перехода от проблемно-ориентированного подхода к более идеологизированной, ценностно-ориентированной модели, где вопросы развития напрямую увязывались с задачами ослабления геополитических конкурентов США в регионе, придерживающихся иных идеологических установок.

Возвращение Д. Трампа на пост президента США в 2025 г. ознаменовало радикальный пересмотр подходов американского руководства к внешней политике. Подход новой республиканской администрации предполагает фундаментальное изменение концепции американского участия в регионе, характеризующееся отходом от реализации традиционных программ помощи в пользу «транзакционной» модели, ориентированной на более явное обеспечение национальных интересов и получение дивидендов от сотрудничества.

Представленный в мае 2025 г. бюджетный запрос на 2026 фин. г. демонстрирует четкую приверженность второй администрации Д. Трампа доктрине «Америка прежде всего». Наиболее существенным изменением стало

²⁸¹ FY 2025 Budget Request for South and Central Asian Affairs. Subcommittee on the Middle East, North Africa, and Central Asia of Committee on Foreign Affairs // House of Representatives. – 2024. URL: <https://democrats-foreignaffairs.house.gov/hearings?ID=0700E196-250C-40B7-81D0-AFEC987695E7> (дата обращения: 25.06.2025).

²⁸² Tajikistan Country Strategic Framework 2022–2025 // USAID. – 2022. – P. 6–7.

²⁸³ Uzbekistan Country Strategic Framework 2022–2025 // USAID. – 2022. – P. 16.

предложение ликвидировать отдельную программу помощи странам Европы, Евразии и Центральной Азии («Assistance to Europe, Eurasia, and Central Asia» (АЕЕСА)), которая исторически являлась основным каналом поддержки стран ЦА и «растворить» ее в фонде, названном в честь указанной доктрины (America First Opportunity Fund) и объединяющем несколько бюджетных статей. Столь радикальный пересмотр политики помощи в регионе отражает установку республиканской администрации на приоритет национальных экономических интересов над целями глобальной повестки развития. По мнению А. Комилова, руководителя проекта по проблемам международного политического развития в Центре прогрессивных реформ, с возвращением Д. Трампа складываются предпосылки к росту участия США в регионе.²⁸⁴ Н.А. Гегелашвили, в свою очередь, считает, что новая администрация будет рассматривать регион прежде всего через призму экономических интересов США.²⁸⁵

В этом контексте следует отметить вышедший в апреле 2025 г. совместный доклад Американского совета по внешней политике и Института Центральной Азии и Кавказа «Стратегия для Большой Центральной Азии», в число авторов которого вошел и упомянутый выше С.Ф. Старр, глава Института Центральной Азии и Кавказа. В нем предложен радикально новый подход к региону, расширяющий его географические рамки. Так, в ядро региона, по мнению подготовивших его экспертов, должен войти и Азербайджан. Документ содержит конкретные рекомендации по обновлению американской политики в регионе для формирования прочных транспортных связей ЦА с Европой, обеспечению экономических интересов США (в том числе доступа к критическим ресурсам), укреплению сотрудничества в области противодействия терроризму, а также созданию новых координационных механизмов для преодоления ведомственной

²⁸⁴ Komilov A. Trump's Second Term: Opportunity or Obstacle for Central Asia? // The Diplomat. – 11.06.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/06/trumps-second-term-opportunity-or-obstacle-for-central-asia/> (дата обращения: 25.06.2025).

²⁸⁵ Гегелашвили Н.А. Политика новой администрации Д. Трампа в Центральной Азии // РСМД. – 2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-novoy-administratsii-d-trampa-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 25.06.2025).

раздробленности в американском госаппарате.²⁸⁶ Ранее Э. Руденшольд, директор по исследованиям и старший научный сотрудник аналитического института «Центр каспийской политики», возглавлявший в первую каденцию Д. Трампа и при Дж. Байдене департамент по Центральной Азии аппарата Совета национальной безопасности США, предлагал администрации Д. Трампа вернуть надзор за ЦА обратно в Бюро по вопросам Европы и Евразии из Бюро по Южной и Центральной Азии Госдепартамента.²⁸⁷ Стоит подчеркнуть, что предлагаемые инициативы представляют собой очевидную адаптацию к новым условиям геополитического соперничества и региональной ситуации. Приход «Талибана» к власти в Афганистане и обусловленный им крах американской концепции интеграции Центральной и Южной Азии в единое пространство обусловили необходимость выработки новой парадигмы регионального взаимодействия. В данном контексте американские стратеги видят перспективу в укреплении связей ЦА с Азербайджаном как тюркоязычным государством. Подобная конфигурация позволит – в их понимании – снизить степень экономической связанности региона с Россией и Китаем.

В сентябре 2025 г. Госдепартаментом был опубликован доклад для Конгресса о Стратегии США в Центральной Азии. Основным интересом США в нем по-прежнему обозначено укрепление независимости, суверенитета и территориальной целостности государств Центральной Азии и сделан акцент на обострении конкуренции в регионе. Новая Стратегия приоритизирует задачи по снижению влияния России и Китая в части обеспечения безопасности, содействия развитию бизнеса и торговли, развития энергетической инфраструктуры, прекращения поставок товаров двойного назначения в Россию, а также создания более благоприятной среды для американских инвестиций и облегчения доступа к

²⁸⁶ Linderman L. et al. A Strategy for Greater Central Asia // American Foreign Policy Council, The Central Asia-Caucasus Institute. – 2025. – P. 19. URL: https://www.afpc.org/uploads/documents/CORRECTED_An_american_strategy_for_greater_central_Asia.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

²⁸⁷ Rudenshiold E. Trans Caspian Trajectory: A New U.S. Strategy for Central Asia and Caucasus // Caspian Policy Center. – 2025. URL: <https://caspianpolicy.org/research/south-caucasus/trans-caspian-trajectory-a-new-us-strategy-for-central-asia-and-caucasus> (дата обращения: 25.06.2025).

критическим минералам региона.²⁸⁸ Уточненная иерархия приоритетов нашла подтверждение и на юбилейном саммите, посвященном десятилетию формата ЦА5+США в Вашингтоне, состоявшемся в ноябре 2025 г. Среди приоритетных тем для обсуждений значились расширение доступа к критически важным минералам, развитие бизнес-среды, строительство транскаспийского коридора и укрепление транспортной взаимосвязанности в регионе, а также координация усилий США со странами региона в сфере безопасности.²⁸⁹

Комментируя итоги данного саммита, Н.А. Гегелашвили подчеркивала, что политика Д. Трампа направлена, прежде всего, на снижение зависимости от Китая и России²⁹⁰ и будет определяться в том числе динамикой развития отношений между США и РФ и процессов урегулирования украинского кризиса.²⁹¹ В свою очередь, Е.В. Махмутова, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, делает акцент на том, что Китай является катализатором экономической активности Д. Трампа в регионе, так как «растущая конкуренция с Китаем, ставка на поддержание и развитие ВПК побуждают администрацию Д. Трампа искать доступную ресурсную базу для поддержания производства и снижения зависимости от КНР в сфере редкоземельных металлов».²⁹² Согласно Я.В. Лексютиной, заинтересованность США в обеспечении надежных поставок редкоземельных металлов может стать ключевым фактором в более активном участии Вашингтона в делах Центральной Азии.²⁹³

С нашей точки зрения, содержание упомянутого доклада и договоренностей, достигнутых на саммите, отражают ориентацию политики США

²⁸⁸ Report to Congress on A Strategy Regarding United States Interests in Central Asia // U.S. Department of State. – September 2025. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2025/09/Strategy-on-United-States-Interests-in-Central-Asia-Accessible-9.26.2025.pdf> (дата обращения: 25.10.2025).

²⁸⁹ Joint Statement of Intent on Economic Cooperation // U.S. Department of State. – November 2025. URL: <https://www.state.gov/releases/2025/11/joint-statement-of-intent-on-economic-cooperation/> (дата обращения: 07.12.2025)

²⁹⁰ Гегелашвили Н.А. Вашингтонский саммит «С5+1» определил ключевые направления политики США в регионе // РСМД. 13.11.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vashingtonskiy-sammit-s5-1-opredelil-klyuchevye-napravleniya-politiki-ssha-v-regione/> (дата обращения: 07.12.2025).

²⁹¹ Гегелашвили Н.А. Центральная Азия – потенциальный фокус политики администрации Трампа // Россия и новые государства Евразии. – 2025. – № 3. – С. 67.

²⁹² Махмутова Е.В. США возвращают Центральную Азию в орбиту своих экономических интересов. // РСМД. – 25.12.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-vozvrashchayut-tsentrlnuyu-aziyu-v-orbitu-svoikh-ekonomicheskikh-interesov/> (дата обращения: 05.01.2026).

²⁹³ Лексютина Я.В. Современная политика США в Центральной Азии: от первой до второй каденции Д. Трампа. // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2025. – Т. 55, № 12. – С. 26.

при Д. Трампе на обеспечение преимущественно экономических интересов, что в конечном счете должно содействовать и реализации комплекса актуальных геополитических задач.

Трансформация внешней политики США при Д. Трампе, вписывающаяся в общую логику продвигаемой им концепции «Америка прежде всего», уже меняет подход Белого дома в отношении ЦА. В связи с этим масштабы практического применения инструментария официального финансирования развития в американской политике в регионе в ближайшее время могут значительно возрасти, в том числе и с использованием инструментов АКФМР.

2.2. Динамика и структура потоков ОФР из США в страны Центральной Азии в меняющемся геополитическом контексте

США на протяжении многих лет были одним из крупнейших провайдеров ОФР в странах ЦА. Согласно данным ОЭСР, с 2013 по 2024 г. Соединенные Штаты предоставили странам региона официальную помощь развитию на сумму 2,07 млрд долл., заняв второе место (без учета Китая, России и др.) после Японии в списке провайдеров такой помощи (более рельефно место США в структуре трансграничных финансовых потоков, направляемых в ЦА показано в Приложении 1). Однако М.О. Ермолов, заместитель начальника Управления экономического сотрудничества Россотрудничества, считает, что реально контролируемые США потоки финансирования развития значительно выше, если принять во внимание их лидирующие позиции в многосторонних банках (Азиатский банк развития, Международный банк реконструкции и развития, Европейский банк реконструкции и развития и др.), по линии которых в регион также направляются большие средства.²⁹⁴ Инструменты прочего официального финансирования США, впрочем, не задействуют в регионе сколько-нибудь активно. Единственным эпизодом выделяется предоставление займа Корпорацией зарубежных частных инвестиций (Overseas Private Investment Corporation, OPIC) на реализацию проекта в области образования в 2015 г. в Таджикистане.

Перед анализом самих финансовых потоков необходимо более подробно раскрыть особенности статистического учета потоков ОФР в США. США, помимо отчетности по стандартам КСР ОЭСР, согласно которым данные по соответствующим финансовым потокам предоставляются в привязке к *календарному* году, ведут собственную национальную отчетность по потокам «международной помощи» в привязке к финансовому году (в США он продолжается с 1 октября по 30 сентября).²⁹⁵ Принципы данной отчетности

²⁹⁴ Ермолов М.О. Помощь Центральной Азии: Новая Большая игра. // Российский совет по международным делам. – 2021. – Аналитическая записка № 36. – С. 13.

²⁹⁵ ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/about#tab-faq> (дата обращения: 08.08.2025).

предопределяются законом «О международной помощи» 1961 г., который определяет международную помощь следующим образом: «материальные и нематериальные ресурсы, предоставляемые правительством США зарубежному государству или международной организации в соответствии с данным законом или любым другим нормативно-правовым актом, включая проведение тренингов, предоставление услуг или технических консультаций, собственности (государственной, частной или смешанной), сельскохозяйственных товаров или наличных денег (американских долларов или любой другой национальной валюты, находящейся в собственности правительства США)»²⁹⁶. В это понятие включаются такие финансовые инструменты, как гранты, займы, поставки товаров по льготным ценам, кредиты (экспортные или инвестиционные), а также государственные гарантии.

Американская отчетность по «международной помощи» в большей степени, чем данные баз КСР ОЭСР, отражает специфику подходов США к оказанию помощи. Международная помощь разделяется в ней на две основные категории: военную и экономическую, но категория «экономическая помощь» не полностью равнозначна ОПР, поскольку включает в себя ряд программ, в которых главными (согласно законодательству) являются политико-стратегические цели, а отнюдь не императивы содействия *развитию*.²⁹⁷

Классификация же проектов помощи по направлениям также происходит с применением собственного классификатора (отличающегося от классификатора ОЭСР), в который входят следующие секторальные направления: «Мир и безопасность», «Демократия, права человека и государственное управление», «Здравоохранение», «Образование и социальные услуги», «Экономическое

²⁹⁶ Foreign Assistance Act. Article 634. // U.S. Government Publishing Office. – 1961. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1071/pdf/COMPS-1071.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁹⁷ Foreign Assistance Act // U.S. Government Publishing Office. – 1961. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1071/pdf/COMPS-1071.pdf> (дата обращения: 08.08.2025); В состав экономической помощи включены бюджетные статьи: Global Health Programs, Development Assistance, International Disaster Assistance, Transition Initiatives, Complex Crises Fund, Economic Support Fund, Democracy Fund, Assistance for Europe, Eurasia, and Central Asia, Migration and Refugee Assistance, Emergency Refugee and Migration Assistance.

развитие», «Гуманитарная помощь», «Программная помощь», «Окружающая среда» и «Межотраслевые проекты».²⁹⁸

Для понимания эволюции предоставления помощи странам Центральной Азии важно также понимать американскую институциональную модель оказания помощи, которая характеризуется множественностью государственных структур – министерств и ведомств, вовлеченных в администрирование потоков помощи, с концентрацией ресурсов в нескольких ведомствах. Ключевые роли в этой системе принадлежат президенту США и его администрации (в первую очередь, аппарату СНБ и Административно-бюджетному управлению), а также Конгрессу, профильным комитетам Сената и Палаты представителей.²⁹⁹

В связи с тем, что в США распределение средств на международную помощь не является исключительно прерогативой исполнительной власти, любые инициативы администрации по корректировке объемов или направлений финансирования требуют обязательного одобрения Конгресса. Сопоставление бюджетных запросов и фактических ассигнований и взятых США обязательств по оказанию помощи странам Центральной Азии выявляет сложную динамику, отражающую ключевую роль внутренних детерминант, и, в частности, модели политической системы, в вопросах оказания международной помощи.

Анализ данных официального финансирования развития США в регионе позволяет проследить эволюцию приоритетов различных администраций и влияние меняющейся внешнеполитической конъюнктуры. Ключевыми направлениями для анализа являются рассмотрение общих объемов запрашиваемых администрацией и ассигнуемых Конгрессом средств вместе со страновым распределением потоков экономической помощи. Затем исследуется распределение по секторальным направлениям и категориям помощи, после чего рассматривается распределение финансирования, направляемого в ЦА, между отдельными министерствами и ведомствами.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ См. подробнее: Галищева Н.В., Капица Л.М., Карлусов В.В. Содействие международному развитию: учебник / под ред. Н.В. Галищевой, Л.М. Капицы. – М.: МГИМО–Университет, 2022. – С. 386.

В период первой администрации Б. Обамы (2009 – 2013 гг.) наблюдалось снижение запрашиваемых исполнительной властью объемов экономической помощи для ЦА с 134,2 млн долл. на 2010 фин.г. до 108,5 млн долл. на 2013 фин.г. Оно происходило на фоне сохранения последствий глобального экономического кризиса 2008 – 2009 гг., когда администрация Б. Обамы вынуждена была вводить режим бюджетной экономии. Важно отметить, что сокращения бюджетных запросов в этот период касались не только программ помощи ЦА, а носили системный характер и касались почти всех региональных направлений.

Ввиду особенностей бюджетного процесса в США, решение о перспективном выводе войск из Афганистана, объявленное 22 июня 2011 г. Б. Обамой, стало учитываться только в проекте бюджета на 2013 фин.г. Так, на экономическую помощь ЦА на 2011 и 2012 фин. гг. администрация запрашивала 127,5 млн и 126,5 млн долл. соответственно, тогда как объем на 2013 фин.г. – уже на 17% меньше (108,5 млн долл.). Однако фактические объемы обязательств, утвержденные Конгрессом США для стран ЦА, существенно отличались от запросов администрации Б. Обамы. В 2010 фин.г. объем обязательств экономической помощи для стран ЦА достиг максимальных 546,8 млн долл., что более чем в 4 раза превышало запрошенный бюджет.

Подобные различия в позициях администрации и Конгресса сохранились и в последующие годы правления Б. Обамы. Конгресс в этот период демонстрировал более заметную заинтересованность в поддержке стран региона (особенно Казахстана и Узбекистана) на фоне изменения ситуации на афганском направлении.

Примечательным является то, что начало украинского кризиса в конце 2013 г. и его эскалация в 2014 г. не оказали существенного влияния на объемы запрашиваемого финансирования для стран ЦА на 2015 фин. г., которые составили минимальные за весь период правления администрации Б. Обамы 91,8 млн долл. Объемы запросов экономической помощи на 2016 и 2017 фин.гг. увеличивались, но в относительном выражении (относительно совокупного портфеля американской помощи) не превышали показатели предыдущих лет. Подобные

флуктуации представляются вполне закономерными на фоне реализации Региональной стратегии сотрудничества АМР США, впервые принятой в 2014 г., усиления внимания США к региону и обострения соперничества с Россией.

Объемы ассигнований экономической помощи для государств ЦА, в свою очередь, демонстрировали снижение как в абсолютных, так и в относительных показателях, что указывало на смещение приоритетов в пользу других стран и регионов – Украины, Ближнего Востока и др. Так, в 2015 г. объемы помощи снизились на 46% до 146 млн долл., но все еще превышали объемы, запрашиваемые администрацией.

Таблица 3.

**Динамика изменений объемов экономической помощи США
странам ЦА в период второй администрации Б. Обамы
(запрашиваемое финансирование vs фактически принятые* обязательства,
2013 – 2017 фин. гг., долл. США, в текущих ценах)**

Получатели помощи	Фин. г.									
	2013		2014		2015		2016		2017	
	Запрос	Обяз.	Запрос	Обяз.	Запрос	Обяз.	Запрос	Обяз.	Запрос	Обяз.
Казахстан	12,4	108,4	10,0	121,6	8,2	28,5	7,8	21,1	8,1	18,6
Кыргызстан	44,2	39,5	49,3	72,7	40,9	61,1	49,4	41,6	50,8	61,2
Таджикистан	35,4	37,4	34,4	43,1	28,6	36,3	36,1	24,3	41,0	31,3
Туркменистан	5,7	8,0	5,5	7,9	4,9	5,3	4,5	3,0	4,5	3,6
Узбекистан	10,8	34,4	9,8	27,4	9,2	15,1	9,5	7,9	11,3	11,5
Страны ЦА	108,5	227,7	109,0	272,8	91,8	146,3	107,4	97,9	115,8	126,2
Доля ЦА в совокупных объемах помощи	0,34%	0,71%	0,40%	0,84%	0,26%	0,42%	0,30%	0,28%	0,31%	0,36%

Источник: ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 01.09.2025)

Примечание: * на основе выделенных Конгрессом ассигнований.

Решение об обязательствах помощи на 2016 фин.г. принимал 114-й состав Конгресса США, в котором большинство и в Сенате, и в Палате представителей контролировала республиканская партия. Это повлияло на сокращение объемов

помощи на 10% от запроса до 97,9 млн долл. В 2017 фин.г., в свою очередь, по этим же причинам одобренные обязательства лишь незначительно превышали объемы запрашиваемой помощи. Наибольшее снижение обязательств помощи было заметно на примере Казахстана – на 77% с 121,6 млн долл. в 2014 г. до 28,5 млн долл. в 2015 г., что было связано не только со смещением приоритетов, но и, на наш взгляд, вероятно, с его активной ролью в евразийской интеграции и созданием ЕАЭС в 2015 г. (Договор о создании ЕАЭС подписан 29.05.2014 г.), а также укреплением связей с Китаем в контексте проекта «Один пояс – один путь».

В начале первого президентства Д. Трампа (2017 – 2021) Госдепартамент и АМР США запрашивали на цели оказания экономической помощи странам Центральной Азии существенно меньшие объемы средств по сравнению с периодом правления Б. Обамы как в абсолютных значениях, так и по доле от совокупного бюджета международной помощи (Табл. 4). По сравнению с последним запросом, поданным в Конгресс при Б. Обаме в календарном 2016 г., объемы запрашиваемых средств для стран региона снизились более чем на половину с 115,8 млн долл. в запросе на 2017 фин.г. до 48,9 млн на 2018 фин. г. и 36,4 млн на 2019 фин. г., что подтверждало достаточно маргинальное положение региона в общей иерархии внешнеполитических приоритетов республиканской администрации. Пандемия COVID-19 и общий рост внимания администрации Д. Трампа к региону в 2019 – 2020 гг. в связи со сменой руководства в экономически привлекательных Узбекистане и Казахстане в 2016 и 2019 гг. соответственно, в свою очередь, спровоцировали временное увеличение запрашиваемых объемов практически в 2 раза до 83 млн долл. для стран ЦА в проекте бюджета на 2021 фин.г.

В период первой администрации Д. Трампа объемы запрашиваемой помощи для Казахстана снизились до минимума и не менялись на протяжении всех четырех лет, даже несмотря на вспышку пандемии. Минимальных уровней достигла и запрашиваемая помощь для Туркменистана. Узбекистану, напротив, администрация Д. Трампа предлагала направить большие объемы средств (рекордное значение – 34,7 млн долл. в 2021 фин. г.), что объяснялось его ключевой

ролью в афганском урегулировании и восприятием реформ в Узбекистане как успешного примера управляемой трансформации. Объемы запрашиваемой исполнительной властью помощи для Кыргызстана и Таджикистана снижались с 2018 по 2020 фин. гг., и резкий всплеск произошел только на фоне пандемии в бюджете на 2021 фин. г., когда возникла необходимость оказания поддержки систем здравоохранения и бюджетов этих стран.

Несмотря на снижение запрашиваемых исполнительной властью объемов помощи странам ЦА в период первого президентства Д. Трампа, на деле имела место обратная тенденция – доля стран ЦА в общем объеме американских обязательств в рассматриваемый период увеличилась с 0,36% в 2017 фин.г. до 0,47% в 2020 фин. г., что во многом было связано с позицией Конгресса, который в 2017 – 2019 гг., несмотря на большинство республиканцев в Сенате и Палате представителей, старался смягчать резкие предложения администрации Д. Трампа по сокращению международной помощи в целом, а в Центральной Азии даже увеличивал объемы финансирования для стран региона год от года. По словам В.И. Бартенева, первая администрация Д. Трампа и Капитолийский холм в тот момент находились в состоянии открытого противостояния по вопросам помощи, и Конгресс шел наперекор Белому дому, сохраняя помощь почти в полном объеме³⁰⁰. Так, на слушаниях по рассмотрению запроса бюджета на 2018 фин.г. для Европы и Евразии в подкомитете по Европе, Евразии и новым угрозам Комитета по иностранным делам Палаты представителей Г. Микс, представитель демократической партии, открыто критиковал радикальное сокращение помощи странам региона и высказал сомнения в возможностях обеспечения интересов США, исходя из представленного администрацией бюджета.³⁰¹ Позднее на слушаниях по рассмотрению запроса бюджета на 2019 фин.г. Р. Келли, также член демократической партии, выражала «разочарование» 28%-ным снижением

³⁰⁰ См. подробнее: Бартенев В.И. Особенности финансирования программ международной помощи при администрации Д. Трампа: от инаугурации до «Украинагейта» // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 80.

³⁰¹ Examining the President's FY 2018 Budget Proposal for Europe and Eurasia. Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and Emerging Threats // The Committee on Foreign Affairs House of Representatives. – 2017. – P. 55. URL: <https://Docs.House.Gov/Meetings/Fa/Fa14/20170725/106317/Hhrg-115-Fa14-Transcript-20170725.Pdf> (дата обращения: 08.08.2025)

финансирования в условиях, когда «многие страны Европы и Центральной Азии переживают решающий момент – либо открыть путь к демократии, либо вернуться к авторитарным тенденциям».³⁰²

Отдельных высказываний членов Конгресса по теме объемов помощи для Центральной Азии при обсуждении бюджета на 2020 г. нами обнаружено не было – вероятно, это связано с тем, что отдельные слушания проводились по Южной Азии отдельно и в подкомитете по АТР и нераспространению, сосредоточенном принципиально на иных вопросах.³⁰³ Однако в 2020 фин. г. объемы обязательств увеличились по отношению к 2019 фин. г. на 15% до 195,5 млн долл. В 2021 фин.г. на фоне пандемии коронавируса, несмотря на увеличение объема запрашиваемого администрацией финансирования более чем в 2 раза, объемы обязательств, напротив, выросли всего на 3% до 201,7 млн долл. (Табл. 4)

Кроме того, фокус исполнительной власти на Узбекистане и Таджикистане не нашел понимания у Конгресса. Страновое распределение совокупных объемов обязательств с 2018 по 2021 г. значительно отличалось – в запросах на Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан приходилось 35%, 34%, 26% и 2% от общего объема запрашиваемых средств, тогда как в объеме фактически взятых США обязательств – 29%, 24%, 29% и 15% соответственно. Другими словами, законодатели стремились обеспечить существенно более сбалансированное распределение средств экономической помощи.

Усиление внимания к центральноазиатскому региону и более политизированный характер региональных стратегий Госдепартамента и АМР США в период президентства Дж. Байдена нашли отражение и в проектах бюджета помощи для стран ЦА. Приход демократической администрации и отголоски пандемии коронавируса способствовали увеличению объемов запрашиваемого

³⁰² Europe and Eurasia: Ensuring Resources Match Objectives. Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and Emerging Threats // The Committee on Foreign Affairs House of Representatives. – 2018. – P. 4. URL: <https://www.congress.gov/115/meeting/house/108728/documents/HHRG-115-FA14-Transcript-20180927.pdf> (дата обращения: 08.08.2025)

³⁰³ U.S. Interests in South Asia and the FY 2020 Budget. Hearing before the Subcommittee on Asia, the Pacific and Nonproliferation of the Committee on Foreign Affairs // House of Representatives. – 13.06.2019. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA05/20190613/109647/HHRG-116-FA05-Transcript-20190613.pdf> (дата обращения: 08.08.2025)

финансирования для стран ЦА на 2022 фин.г. на 63% – до 135,6 млн долл. Но максимальных значений цифры достигли уже после эскалации украинского конфликта: на 2023 фин.г. было запрошено 159,9 млн долл., 164,6 млн долл. в 2024 фин.г. и 167,7 млн долл. в 2025 фин. г. соответственно. Кроме того, ежегодно росла доля ЦА в общем объеме средств, запрашиваемых у Конгресса на оказание международной помощи (Табл. 5).

Таблица 4.

**Динамика изменений объемов экономической помощи США
странам ЦА в период первой администрации Д. Трампа
(запрашиваемое финансирование vs фактически принятые* обязательства,
2018 – 2021 фин. гг., долл. США, в текущих ценах)**

Получатели помощи	Фин. г.							
	2018		2019		2020		2021	
	Запрос	Обяз.	Запрос	Обяз.	Запрос	Обяз.	Запрос	Обяз.
Казахстан	1,0	28,3	1,0	32,0	0,8	36,1	0,8	13,3
Кыргызстан	16,8	58,8	9,8	50,5	8,1	47,7	19,5	53,0
Таджикистан	20,6	39,5	15,1	37,6	13,8	56,9	28,0	77,3
Туркменистан	0,2	3,8	0,2	3,6	0,0	5,6	0,0	5,0
Узбекистан	10,3	25,6	10,3	46,5	13,9	49,2	34,7	53,1
Страны ЦА	48,9	156,0	36,4	170,2	36,6	195,5	83,0	201,7
Доля ЦА в совокупных объемах помощи	0,21%	0,47%	0,15%	0,50%	0,15%	0,49%	0,32%	0,44%

Источник: ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 01.08.2025)

Примечание: * на основе выделенных Конгрессом ассигнований.

В страновом распределении финансирования, однако, наблюдалась определенная преемственность с подходами администрации Д. Трампа, которая стремилась отдавать наибольший приоритет Таджикистану и Узбекистану. При этом администрация Дж. Байдена увеличивала объемы помощи, запрашиваемой для всех стран ЦА (за исключением Таджикистана в запросах на 2024 и 2025 фин. гг.). Кроме того, за время президентства Дж. Байдена вдвое вырос запрашиваемый

объем финансирования для Казахстана, а также его доля от общего объема экономической помощи для стран региона – с 7% на 2021 фин. г. до 13% на 2025 фин. г., что говорит о повышении внимания США к РК после январских событий 2022 г. и эскалации украинского конфликта в связи с важной ролью Астаны в обходе западных санкций Москвой.

С 2022 по 2025 гг. наблюдалась любопытная тенденция: по сравнению с предыдущей администрацией при Дж. Байдене США усилили свое внимание к ЦА и запрашивали значительно большие объемы средств, при этом Конгресс систематически выделял ассигнования, превышавшие запросы исполнительной власти (в 2022 – на 45%, в 2023 – на 40%, в 2024 – на 44%), чему способствовал фактический контроль демократической партии над 117-м составом Конгресса в 2021-2023 гг.

Первоначальное снижение помощи региону в 2022 фин.г. по сравнению с 2021 фин.г. было незначительным (-1%), что свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь значимого влияния фактора вывода американских войск из Афганистана. В 2023 фин.г. совокупный объем обязательств достиг 224,6 млн долл., а в 2024 фин.г. – рекордные для всего рассматриваемого периода 231,1 млн долл., что вполне однозначно связано с эскалацией украинского кризиса и стремлением администрации Д. Байдена усилить поддержку стратегически важных регионов, включая ЦА.

На слушаниях, посвященных обсуждению соответствующего раздела проекта бюджета, чаще всего именно республиканцы критиковали демократическую администрацию Дж. Байдена за недостаточное внимание к Азиатско-Тихоокеанскому региону и Центральной Азии. Еще в 2022 г. С. Чабот, заместитель председателя подкомитета по Азии, Тихоокеанскому региону, Центральной Азии и нераспространению Комитета Палаты представителей по международным делам, выразил недоумение по поводу скромных объемов запрашиваемого финансирования, особенно на фоне растущего влияния Китая.³⁰⁴

³⁰⁴ Resourcing U.S. Priorities in the Indo-Pacific Fiscal Year 2023 Budget // House of Representatives, Subcommittee on Asia, the Pacific, Central Asia, and Nonproliferation, Committee on Foreign Affairs. – 8.06.2022. – P. 5. URL:

**Динамика изменений объемов экономической помощи США
странам ЦА в период администрации Дж. Байдена
(запрашиваемое финансирование vs фактически принятые* обязательства,
2022–2025 фин. гг., долл. США, в текущих ценах)**

Получатели помощи	Фин. г.							
	2022		2023		2024		2025	
	Запрос	Об-ва	Запрос	Об-ва	Запрос	Об-ва	Запрос	Об-ва
Казахстан	9,8	17,0	18,0	31,1	18,4	23	21,2	н/д
Кыргызстан	30,9	44,4	34,9	52,5	38,4	52,5	39,7	н/д
Таджикистан	48,0	70,4	55,0	86,7	53,9	95	52,3	н/д
Туркменистан	3,9	4,3	3,9	4,4	5,2	4,9	5,3	н/д
Узбекистан	43,0	62,7	48,1	49,9	48,7	55,5	49,2	н/д
Страны ЦА	135,6	198,9	159,9	224,6	164,6	231,1	167,7	н/д
Доля ЦА в совокупных объемах помощи	0,34%	0,33%	0,36%	0,38%	0,38%	0,43%	0,39%	н/д

Источник: ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 01.08.2025); Congressional Budget Justification. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs Supplementary Tables. Fiscal Year 2024–2025 // U.S. Department of State. – 2023–2024.

Примечание: * на основе выделенных Конгрессом ассигнований.

В том же духе высказывался и Дж. Уилсон, председатель подкомитета по Ближнему Востоку, Северной Африке и Центральной Азии того же комитета, который на слушаниях по обсуждению проекта бюджета на 2024 фин. г. также подчеркивал необходимость более активного участия США в региональных делах. Таким образом, несмотря на увеличение объемов запрашиваемой помощи ЦА администрацией Дж. Байдена, межпартийного консенсуса по вопросам оказания помощи в регионе не наблюдалось. Это отражало более широкую дискуссию о приоритетах американской внешней политики в условиях растущего соперничества с Россией и Китаем и множеством новых угроз. По мнению А.А. Кокошина, академика РАН, директора ИПСИ НИУ ВШЭ, и З.А. Кокошиной, научного сотрудника Института социологии ФСНИЦ РАН, в 2022 г. после

эскалации украинского кризиса основной целью США в ЦА остается противодействие России, тогда как Китай пока воспринимается как менее приоритетный соперник.³⁰⁵

В период администрации Дж. Байдена страновое распределение фактически взятых на основании утвержденных Конгрессом ассигнований обязательств по оказанию помощи в целом повторяло структуру запросов администрации, за исключением 2023 фин.г., когда Кыргызстан единственный раз получил чуть больше средств, чем Узбекистан. Этот год также ознаменовался увеличением помощи Таджикистану до 89 млн долл., что, вероятно, связано не только с ростом соперничества с Россией, Китаем и Ираном, но и серией инцидентов на таджикско-кыргызской границе, антитеррористической операцией в Горном Бадахшане и ростом давления властей на СМИ в 2022 г. – по крайней мере, в официальном обосновании выделения соответствующих ассигнований акцент делался на противодействии обостряющимся вызовам в сфере безопасности, укреплении структур гражданского общества и независимых СМИ.³⁰⁶ В свою очередь, в Казахстане в 2022 и 2023 гг. фактически взятые США обязательства по оказанию помощи были выше на 73% по сравнению с запросом, однако за весь период правления администрации Дж. Байдена не превысили годовых потоков помощи, направлявшихся в регион с 2018 по 2020 фин.гг., что выглядит парадоксальным на фоне усиления соперничества с Россией и Китаем в регионе и январских событий в 2022 г. Так, в действительности мы наблюдали в последние годы декларативное усиление американского внимания без готовности подкреплять вовлеченность повышением объемов официального финансирования развития.

Сравнительный анализ двух периодов (2018–2021 фин. гг. и 2022–2024 фин.гг.) позволяет выявить разнонаправленную динамику по странам региона. Если помощь Казахстану, Кыргызстану и Туркменистану в среднем сократилась, то поддержка Узбекистана и Таджикистана, напротив, увеличилась. При этом

³⁰⁵ См. подробнее: Кокошин А.А., Кокошина З.А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии // Современная Европа. – 2022. – № 6. – С. 126–139.

³⁰⁶ Congressional Budget Justification FY 2023. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // U.S. Department of State. – 2022. – P. 103. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/FY-2023-Congressional-Budget-Justification_Final_508comp.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

особенности американской политики помощи, проявляющиеся в постоянной корректировке Конгрессом запросов администрации, дополнительно усложняют анализ и прогнозирование объемов помощи для стран региона.

Вторая каденция Д. Трампа, как и первая, ознаменовалась очередным пересмотром традиционных американских подходов к оказанию помощи и снижению ее общего объема. По данным Дж. Сандерфура и Ч. Кенни, старших научных сотрудников Центра глобального развития, администрация планировала сокращение страновых программ АМР США на 38%, при этом в Центральной Азии предполагалось практически полное прекращение оказания помощи Казахстану, Узбекистану, Туркменистану и весьма радикальные сокращения финансирования для Кыргызстана (на 78%) и Таджикистана (на 69%).³⁰⁷

Представленный в мае 2025 г. Госдепартаментом бюджетный запрос на 2026 фин. г. продемонстрировал приверженность доктрине «Америка прежде всего» и установкам периода первой администрации. Наиболее существенным изменением стало предложение о полной ликвидации программы помощи странам Европы, Евразии и Центральной Азии («Assistance to Europe, Eurasia, and Central Asia» (АЕЕСА)), которая исторически являлась основным каналом поддержки стран ЦА. Параллельно было предложено сократить на 28 млн долл. и финансирование дипломатических программ по линии Бюро по делам Южной и Центральной Азии Госдепартамента США.³⁰⁸ Столь радикальный пересмотр политики помощи в регионе отражает установку новой республиканской администрации на приоритет национальных экономических интересов над императивами глобальной повестки развития. Кроме того, сокращение помощи ЦА, на наш взгляд, связано с переоценкой эффективности программ в условиях ограниченности политического влияния США в регионе и отсутствия значимой экономической отдачи от вложений.

³⁰⁷ Sandefur J., Kenny Ch. USAID Cuts: New Estimates at the Country Level // Center for Global Development. – 26.03.2025. URL: <https://www.cgdev.org/blog/usaid-cuts-new-estimates-country-level> (дата обращения: 08.08.2025).

³⁰⁸ Congressional Budget Justification. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. Fiscal Year 2026 // The State Department. – 2025. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2025/05/FY-2026-State-CBJ-.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

В бюджете на 2026 фин.г. также предложено создание Фонда «Америка прежде всего» с бюджетом 2,9 млрд долл., ориентированного на стратегические инвестиции, включая «противодействие Китаю и другим близким к нему соперникам»³⁰⁹. Подобный акцент на противодействие Китаю гипотетически может способствовать повышению интереса Белого дома к региону. Кроме того, сдвиг в логике применения инструментов ОФР может отразиться и в расширении масштабов применения кредитов вместо грантов и задействовании ресурсов и инструментов, предлагаемых АКФМР. Согласно В.И. Бартеневу, деятельность АКФМР, прежде всего, определяется политическими приоритетами, нежели целями в области содействия развитию,³¹⁰ и поэтому инструментарий Корпорации может оказаться востребован в большей мере, чем ранее, и на центральноазиатском направлении.

Важным для понимания американской политики помощи в регионе является также анализ секторального распределения средств. В начале рассматриваемого периода доминирующим направлением оставалась поддержка мира и безопасности в ЦА, на которую в 2013 г. приходилось 49% общего объема экономической помощи (Табл. 6).

При этом объем военной помощи в этот год также был значительным – 128,9 млн долл. или 36% от всего объема помощи (Табл. 7).

Вывод основного контингента войск из Афганистана и пересмотр стратегических задач в регионе кардинально повлияли на снижение доли финансирования данного сектора до 5% в 2015 г. Параллельно в соответствии с принятой РСС в 2014 г. наблюдался рост поддержки экономического развития, доля которого увеличилась с 13% в 2013 г. до 37% в 2017 г. (табл. 6). Доля сектора «Демократия, права человека и управление» достигла пика в 35% в 2015 г., после чего после закрытия крупных антинаркотических программ снизилась вдвое до 18%. В целом, согласно результатам диссертационного исследования Н.Ю.

³⁰⁹ President's Fiscal Year 2026 Budget Request // The White House. – May 2025. – P. 1. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/05/Fiscal-Year-2026-Discretionary-Budget-Request.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

³¹⁰ См. подробнее: Бартенев В.И. Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – Т. 54, № 11. – С. 93–110.

Силакова, «динамика изменения объемов финансирования деятельности американских фондов и НПО на постсоветском пространстве и их распределения по направлениям носит волнообразный характер, соотносясь с целями Соединенных Штатов в регионе и внешнеполитической ориентацией действующих правительств в фокусных странах»³¹¹.

Таблица 6

**Распределение американской экономической помощи странам ЦА
по секторальным направлениям в 2013 – 2017 фин. гг.
(фактически принятые* обязательства, в % от общего объема помощи,
в текущих ценах)**

Секторальное направление	Фин.г.				
	2013	2014	2015	2016	2017
Здравоохранение	9%	12%	11%	21%	16%
Экономическое развитие	13%	12%	24%	21%	37%
Демократия, права человека и управление	13%	16%	35%	18%	18%
Программная поддержка	12%	10%	17%	17%	13%
Мир и безопасность	49%	46%	5%	6%	4%
Образование и соцслужбы	4%	3%	6%	9%	7%
Гуманитарная помощь	0%	0%	0%	1%	0%
Окружающая среда	0%	1%	1%	2%	2%
Межотраслевая помощь	0%	0%	2%	4%	3%

Источник: ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 01.08.2025)

Примечание: * на основе выделенных Конгрессом ассигнований.

При этом сектор здравоохранения финансировался достаточно стабильно (особенно в Таджикистане и Кыргызстане), где США поддерживали ряд программ по борьбе с такими заболеваниями, как туберкулез, ВИЧ/СПИД и др.

Первая администрация Д. Трампа, за исключением военной помощи, запрашивала большие объемы финансирования по направлениям «Здравоохранение», «Демократия, права человека и управление» и «Межотраслевая помощь». Конгресс же увеличил обязательства финансирования

³¹¹ Силаков Н.Ю. Фонды и неправительственные организации во внешней политике США на постсоветском пространстве в 2000-е – 2020-е годы / Автореф. дисс. на соискание уч.ст. канд. полит. наук. – 2025. – С. 14.

практически всех секторов за исключением гуманитарной помощи, помощи в области окружающей среды и межотраслевой помощи.

Таблица 7

**Распределение средств американской помощи
странам Центральной Азии по основным видам в 2013 – 2024 фин. гг.
(фактически принятые* обязательства, долл. США, %)**

Вид помощи	Фин.г.											
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Эконом. помощь (млн долл.)	227,7	272,8	146,3	97,9	126,2	156,0	170,2	195,5	201,7	198,9	224,6	236,7
Военная помощь (млн долл.)	128,9	128,1	159,6	53,4	54,4	30,9	27,6	46,2	12,1	1,6	7,1	33,9
Эконом. помощь (% от всей помощи)	64%	68%	48%	65%	70%	83%	86%	81%	94%	99%	97%	87%
Военная помощь (% от всей помощи)	36%	32%	52%	35%	30%	17%	14%	19%	6%	1%	3%	13%

Источник: ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 01.08.2025)

Примечание: * на основе выделенных Конгрессом ассигнований.

В годы первого президентства Д. Трампа помощь в области здравоохранения стабильно составляла около четверти всего финансирования, при этом достаточно парадоксальным является небольшое снижение помощи на фоне пандемии коронавируса в 2021 г., направляемой в данный сектор в целом и по категории «Пандемии и другие возникающие угрозы» отдельно (Табл. 8).

Доля средств, поступающих в сектора «Демократия, права человека и управление», «Окружающая среда» и «Программная поддержка» оставалась при Д. Трампе на стабильном уровне все 4 года. Незначительный рост доли помощи, в свою очередь, наблюдался по направлению «Образование и социальные услуги»,

тогда как доля сектора «Экономическое развитие» в общем портфеле снизилась с 23% до 15% в 2021 г. На первый взгляд, секторальное распределение объемов помощи во время администрации Трампа было устойчивым и не подвергалось значительной коррекции, однако погружение в распределение средств по отдельным категориям (субсекторам) помощи рисует более нюансированную картину.

Таблица 8

**Распределение американской экономической помощи странам ЦА
по секторальным направлениям в 2018 – 2024 фин. гг.
(фактически принятые * обязательства, в % от общего объема помощи)**

Секторальное направление	Фин.г.						
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Здравоохранение	24%	24%	28%	24%	21%	24%	24%
Экономическое развитие	23%	18%	13%	15%	15%	19%	16%
Демократия, права человека и управление	20%	19%	21%	19%	17%	15%	17%
Программная поддержка	10%	10%	8%	14%	20%	17%	20%
Мир и безопасность	14%	11%	12%	14%	8%	14%	12%
Образование и соцуслуги	9%	8%	8%	15%	18%	12%	11%
Гуманитарная помощь	0,3%	0,2%	0,3%	0,2%	0,0%	0,1%	0,7%
Окружающая среда	0%	0,3%	0,3%	0,4%	0,3%	0,1%	0,1%
Межотраслевая помощь	0%	10,0%	10,2%	0%	0%	0%	0%

Источник: ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 01.08.2025)

Примечание: * на основе выделенных Конгрессом ассигнований.

В период первой администрации Д. Трампа наблюдалась выраженная концентрация ресурсов на целях борьбы с распространением ОМП, при этом около 90% средств предназначалось для Казахстана, тогда как с 2021 фин. г. финансирование по данной категории было полностью прекращено. Также значительные ресурсы направлялись на операции по стабилизации обстановки и реформу сектора безопасности, что прежде всего было связано с фактором Афганистана.

Анализ структуры экономической помощи при Д. Трампе выявляет рост финансирования программ в области начального образования, укрепления

гражданского общества и развития сельского хозяйства, тогда как доля финансирования, направляемого в секторы «Питание», «Торговля и инвестиции», снизилась. Необходимо отметить также то, что объемы помощи в сфере борьбы с терроризмом оставались на низких уровнях как при администрации Д. Трампа, так и Дж. Байдена. Объемы финансирования, направляемого на укрепление конкурентоспособности в частном секторе, постепенно снижались.

Таблица 9.

**Распределение американской экономической помощи странам ЦА
по секторальным направлениям в 2018 – 2024 фин. гг.
(фактически принятые обязательства, млн долл. США)**

Категория	Фин.г.						
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Административные расходы	15,3	17,0	15,1	27,2	39,5	37,5	45,9
Базовое образование	11,1	11,0	13,2	24,0	27,1	17,9	16,2
Верховенство права и права человека	14,1	18,4	25,1	14,9	19,2	12,1	14,1
Борьба с туберкулезом	11,3	11,6	14,1	17,0	16,8	16,7	15,7
Питание	17,4	22,1	2,8	3,0	3,1	6,7	5,0
Противодействие пандемиям и другим угрозам	0,4	0,0	21,0	15,1	9,9	16,9	23,2
Гражданское общество	8,5	6,1	7,9	12,0	7,5	7,6	10,4
Сельское хозяйство	6,8	7,9	7,9	9,7	14,0	19,5	20,8
Эффективное управление	8,4	6,6	7,4	8,6	6,2	10,8	12,1
Торговля и инвестиции	1,7	0,3	0,7	0,9	0,2	3,6	4,4
Высшее образование	0,8	0,0	0,7	1,9	7,0	4,9	5,3
Борьба с терроризмом	0,0	1,6	1,3	0,2	1,7	12,8	1,7

Источник: ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 01.08.2025).

Примечание: * на основе выделенных Конгрессом ассигнований.

При администрации Дж. Байдена наибольшие объемы помощи запрашивались для секторов «Здравоохранение», «Демократия, права человека и управление», «Образование и соцслужбы», что является традиционным подходом для демократов. Однако и здесь Конгресс играл корректирующую роль,

распределяя объемы помощи более равномерно между различными секторами по сравнению с запросами исполнительной власти. Примечательны тенденции в секторах «Образование и социальные услуги», «Программная поддержка», где объемы помощи при Дж. Байдене выросли значительно по сравнению с периодом правления предыдущей администрации. В то же время по таким направлениям, как «Здравоохранение», «Окружающая среда», «Гуманитарная помощь» в регион направлялись относительно стабильные объемы помощи. При администрации Дж. Байдена в регионе также был замечен общий для всей американской помощи тренд – рост административных расходов, что стало в последующем одним из элементов критики политики демократов со стороны Д. Трампа. Кроме того, пандемия коронавируса продолжала оказывать влияние на помощь в области борьбы с пандемией, а вследствие санкций против РФ и давления на страны ЦА увеличилось финансирование программ в области совершенствования экспортного контроля (Табл. 9).

Во время правления Дж. Байдена имело место также заметное повышение объемов финансирования программ в области сельского хозяйства, эффективного управления и поддержки гражданского общества, что соответствовало традиционным приоритетам демократов. Примечателен также заметный рост административных расходов, достигших 45,9 млн долл. в 2024 г. Кроме того, доля обязательств экономической помощи резко сократилась для сектора «Мир и безопасность» до 8% в 2022 фин. г. в связи с выводом войск США из Афганистана, но затем выросла до 14% в 2023 г. в связи с необходимостью укрепления безопасности и борьбы с терроризмом в приграничных странах ЦА – Узбекистане и Таджикистане.

Во время второй администрации Д. Трампа следует также ожидать поддержания объемов финансирования в области безопасности на высоком уровне. Так, Л. Кертис, старший научный сотрудник и директор Программы по безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе Центра за новый американский курс, предлагает усилить контртеррористический потенциал стран региона, особенно Таджикистана, через механизмы сотрудничества в области обмена разведданными

и предотвратить усиление влияния экстремистских группировок посредством реализации образовательных и социальных программ.³¹²

Таблица 10

**Распределение американской помощи странам ЦА в 2018 – 2024 фин. гг.
между основными министерствами и ведомствами
(фактически принятые обязательства, %)**

Канал финансирования	Фин. г.						
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
АМР США	7	22	23	27	28	27	30
Государственный департамент	69	57	65	70	67	69	67
Министерство обороны	10	7	9	0	0	0	0
Другие	14	14	3	3	5	4	3

Источник: ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 01.08.2025)

Примечание: * на основе выделенных Конгрессом ассигнований.

Таким образом, для американской политики помощи в ЦА в рассматриваемый период была характерна достаточно большая преемственность в области распределения помощи по основным секторальным направлениям, ключевую роль в сохранении которой играл Конгресс, не допуская превалирования идеологических установок отдельных администраций и резкой коррекции помощи в связи с изменениями глобального или регионального геополитического контекста.

Интерес представляет также распределение оказания помощи странам ЦА между различными министерствами и ведомствами. В первые годы администрации Д. Трампа наблюдалась выраженная диверсификация каналов финансирования, где наряду с традиционно доминирующим Госдепартаментом, который является главным распорядителем средств по статье АЕЕСА, значительную роль играли и другие ведомства. Однако в период администрации Дж. Байдена картина

³¹² Curtis L. Assessing the Terror Threat Landscape in South and Central Asia and Examining Opportunities for Cooperation // The House Committee on Foreign Affairs South and Central Asia Subcommittee. – May 22, 2025. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/committee-activity/hearings/assessing-the-terror-threat-landscape-in-south-and-central-asia-and-examining-opportunities-for-cooperation> (дата обращения: 08.08.2025).

изменилась. Ключевые внешние факторы оказали заметное, но дифференцированное воздействие на соответствующее распределение. Вывод войск из Афганистана в 2021 г. привел к полному прекращению финансирования через Министерство обороны. Пандемия коронавируса, в свою очередь, способствовала росту доли АМР США как основного оператора программ в области здравоохранения и гуманитарного реагирования (Табл.10).

2.3. Внешнеэкономическое измерение американской политики предоставления ОФР в Центральной Азии³¹³

Экономические интересы Соединенных Штатов в Центральной Азии формируются во взаимосвязи с их геополитической стратегией. Хотя регион географически удален от США, Вашингтон рассматривает его как критически важную зону для своих интересов на евразийском континенте в целом.

Торговые отношения между США и странами Центральной Азии имеют свою специфику. Так, ежегодные объемы экспорта товаров США в страны ЦА с 2013 по 2024 г. не превышали 2 млрд долл., а основными категориями экспорта являлись высокотехнологичные товары и продукция машиностроения. Импорт в это же время составлял от 800 млн до 2,9 млрд долл. с фокусом на минеральные ресурсы, металлы и сталь, при этом в 2021-2024 гг. импорт существенно возрос по сравнению с показателями 2010-х годов.³¹⁴ Это указывает на то, что торговые интересы Вашингтона связаны с импортом стратегических ресурсов, таких как казахстанский уран и редкоземельные металлы, необходимых для высокотехнологичных отраслей и оборонно-промышленного комплекса³¹⁵. Кроме того, значимое место занимает торговля услугами, объемы которой превышают объемы торговли товарами (Табл. 11).

Ключевым экономическим интересом США в регионе является поддержка инвестиций американских компаний. Так, в Казахстане объем американских инвестиций, сконцентрированных в нефтегазовом и горно-металлургическом комплексе, по данным на начало 2025 г., составил порядка 40 млрд долл. (28% от

³¹³ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Мендагазиев А.Е. Политика ведущих западных стран как доноров инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии: логика восприятия и митигации рисков // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 177–207.

³¹⁴ Trade Map. Bilateral Trade between United States of America and Central Asian Republics. // International Trade Center. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 08.08.2025).

³¹⁵ Подробнее см.: Жильцов С.С. Политика Запада в Центральной Азии: роль редкоземельных металлов // Проблемы постсоветского пространства. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 8–19.

общего объема входящих ПИИ в Казахстане, 2-е место среди стран-доноров инвестиций после Нидерландов)³¹⁶. Значительная часть ресурсов, добываемых американскими компаниями, экспортируется на европейские рынки и в страны Ближнего Востока, в частности, Израиль, что усиливает интеграцию региона в глобальные цепочки создания стоимости, альтернативные китайским.

Однако в последние годы наблюдается отток американского капитала, и с 2023 г. фиксируется снижение активности американских компаний – особенно заметное на фоне параллельного укрепления России на карте иностранных инвестиций Казахстана после начала специальной военной операции (см. приложение 1).³¹⁷

Таблица 11

**Торговля товарами и услугами США
со странами Центральной Азии в 2024 г. (млн долл.)**

	Экспорт товаров США	Импорт товаров в США	Торговый оборот товаров	Экспорт услуг США	Импорт услуг в США	Торговый оборот услуг	Общий торговый оборот
Казахстан	1100	2300	3400	1400	702	2100	5500
Кыргызстан	133	17	133	164	60	244	374
Таджикистан	57	5	61	43	34	111	172
Туркменистан	64	15	79	118	7	125	219
Узбекистан	381	42	423	278	325	603	1000

Источник: South and Central Asia Trade Summary // The Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia> (дата обращения: 04.09.2025).

Противоречивые тенденции наблюдаются и в Узбекистане, где до недавнего времени активность американского бизнеса была ограничена. С одной стороны, ситуация объективно начала меняться после прихода к власти Ш.М. Мирзиёева и проведения экономических реформ, направленных на либерализацию инвестиционного климата. Так, в 2021 г. в ходе первого заседания Диалога стратегического партнерства между Узбекистаном и США в Ташкенте было объявлено о запуске переговорного процесса по заключению соглашений о

³¹⁶ 2025 Investment Climate Statements: Kazakhstan // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/reports/2025-investment-climate-statements/kazakhstan/> (дата обращения: 08.08.2025).

³¹⁷ Прямые инвестиции по направлению вложения // Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/pryamyie-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya> (дата обращения: 08.08.2025).

взаимной защите инвестиций и предотвращении двойного налогообложения вместо подписанного, но не ратифицированного договора 1994 г.³¹⁸ Важным шагом стало проведение в 2023 г. Узбекско-американского бизнес-форума в Вашингтоне, в ходе которого был отмечен рост числа американских компаний в Узбекистане в более чем два раза с 2017 г.³¹⁹ Тем не менее, несмотря на декларируемую активность, фактический объем инвестиций остается невысоким. Если в 2018 г. США занимали первое место по объему инвестиций в Узбекистан (28% от всего притока за год)³²⁰, то в 2023 г. доля США сократилась до 2,3%, что значительно ниже показателей по России и Китаю (см. приложение 1). Символическим шагом в укреплении сотрудничества стало привлечение американской компании «Franklin Templeton» в 2024 г. к управлению активами Национального инвестиционного фонда Узбекистана, который объединяет 18 государственных компаний из ключевых секторов экономики с объемом активов 1,7 млрд долл.³²¹

В Кыргызской Республике наблюдается устойчиво низкий уровень присутствия американского капитала. По данным за 2024 г., накопленный объем ПИИ из США составил лишь 94 млн долл., что существенно уступает показателям других стран-инвесторов.³²² Аналогичная ситуация характерна для Таджикистана, где объем накопленных ПИИ из США в 2022 г. достиг 122 млн долл.³²³, а валовый поток в 2024 г. – 143 млн долл.³²⁴ В Туркменистане, в свою очередь, американское

³¹⁸ Узбекистан и США запустят переговоры по соглашению об избежании двойного налогообложения // *Gazeta.uz*. – 13.12.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/12/13/agreement/> (дата обращения: 08.08.2025).

³¹⁹ Uzbekistan and the United States are expanding the horizons of multifaceted cooperation // *Invest in Uzbekistan*. – 13.09.2023. URL: <https://invest-in-uzbekistan.org/en/novosti-uzbekistana/uzbekistan-i-ssha-rasshiryayut-gorizonty-mnogoplanovogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 08.08.2025).

³²⁰ США стали основным инвестором Узбекистана // *KUN.UZ*. – 27.06.2018. URL: <https://kun.uz/ru/74063866#!> (дата обращения: 08.08.2025).

³²¹ Steiner C. US Investment Firm to Beat Path for 2026 IPO of Uzbek State Assets // *The Diplomat*. – 30.05.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/05/us-investment-firm-to-beat-path-for-2026-ipo-of-uzbek-state-assets/> (дата обращения: 08.08.2025).

³²² 2025 Investment Climate Statements: Kyrgyz Republic // U.S. Department of State. – 2025. URL: <https://www.state.gov/reports/2025-investment-climate-statements/kyrgyz-republic/> (дата обращения: 08.08.2025).

³²³ Tajikistan - International Trade and Investment Country Facts // BEA. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#342> (дата обращения: 08.08.2025).

³²⁴ Прямые иностранные инвестиции в Республику Таджикистан по странам. // Национальный банк Таджикистана. URL: <https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-oi-mustakimi-khorii/index.php> (дата обращения: 08.08.2025).

присутствие также носит ограниченный характер, а объем ПИИ из США составлял 16 млн долл. в 2024 г.³²⁵

Таким образом, стратегия США по содействию реализации экономических интересов в регионе состоит в импорте ограниченного объема ресурсов из ЦА и продвижении и защите инвестиционных проектов американских корпораций. Неотъемлемой составляющей этой стратегии выступает активное использование инструментов ОФР, которое служит основным механизмом защиты интересов американского бизнеса в эпоху острой межгосударственной конкуренции.

Истоки применения Соединенными Штатами инструментов ОФР в целях защиты экономических интересов в регионе прослеживаются с 2004 фин. г., когда в рамках исполнения закона «О поддержке свободы» (Freedom Support Act)³²⁶ была запущена инициатива «Хьюстон», которая включала техническую помощь, обучение, кредитование малого и среднего бизнеса, вложения в акционерный капитал, направленные на устранение барьеров для инвестиций и расширение возможностей для ведения бизнеса американскими инвесторами в Казахстане.³²⁷ Так, в обосновании бюджета на 2005 фин. г. четко прослеживалась взаимосвязь между программами помощи и задачами по улучшению инвестиционного климата для американских компаний, где особый акцент делался на реформировании управления стратегическими ресурсами, укреплении правоохранительных органов и интеграции Казахстана в мировую торговую систему.³²⁸

Особую роль в стратегии США по защите экономических интересов играла Корпорация зарубежных частных инвестиций (КЗЧИ), чья деятельность направлена на минимизацию политических рисков через систему финансовых гарантий, страхование рисков и кредитование проектов в развивающихся странах, реализуемых американскими компаниями. Анализ обоснований соответствующих

³²⁵ Turkmenistan International Trade and Investment Country Facts // BEA. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#343> (дата обращения: 08.08.2025).

³²⁶ Freedom Support Act. H.R.4547 // U.S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/4547> (дата обращения: 08.08.2025).

³²⁷ Congressional Budget Justification FY 2004. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // The State Department. – 13.02.2003. – P. 348. URL: <https://2001-2009.state.gov/s/d/rm/c8519.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

³²⁸ Congressional Budget Justification FY 2005. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. // The State Department. – 10.02.2004. – P. 369. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/rm/rls/cbj/2005/index.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

разделов бюджета перед Конгрессом, относящихся ко времени правления администрации Дж. Буша-младшего, демонстрирует, что ЦА рассматривалась как перспективный, но рискованный регион, требующий задействования специальных механизмов поддержки американского бизнеса.³²⁹

Смена администрации в январе 2009 г. привела к некоторому сдвигу в восприятии инвестиционных рисков в регионе. Как отмечал в своем докладе для членов Конгресса специалист ИСК Дж. Никол, такие проблемы, как коррупция, неразвитая транспортная инфраструктура, высокие таможенные тарифы, приграничные конфликты и ненадежная защита контрактных обязательств и предпринимательской деятельности препятствовали иностранным инвестициям в регион (за исключением отдельных капиталовложений в энергетический сектор), несмотря на большой потенциал его развития.³³⁰ В более поздней версии данного доклада, актуализированной в 2014 г., тот же эксперт называл ключевым риском непредсказуемость регуляторной среды, приводя в качестве примера кейс консорциума Карачаганак в Казахстане, где власти в 2009 – 2011 гг. использовали систему налоговых, экологических и трудовых штрафов для перераспределения собственности. В докладе также отмечались и риски, связанные с ужесточением мер против иностранного бизнеса в Узбекистане, протестами вокруг ситуации золотого рудника Кумтор в Кыргызстане, валютными и дискриминационными барьерами, а также геополитическими трениями между США и Россией.³³¹

Принятая в 2014 г. региональная стратегия АМР США по сотрудничеству в сфере развития на 2015–2020 гг. обозначила новый этап в эволюции американских подходов, сместив акцент на развитие несырьевых секторов экономики через совершенствование нормативно-правовой базы, налогового кодекса и создание

³²⁹ См., например: Congressional Budget Justification FY 2006. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // The State Department. – 10.02.2004. – P.10. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/42258.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

³³⁰ Nichol J. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests // Congressional Research Service. – 28.05.2010. – P. 29. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20100528_RL33458_e9e90d541727cc4465526f46ebd8df10af36ea68.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

³³¹ Nichol J. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests // Congressional Research Service. – 21.03.2014. – P. 42. URL: <https://www.refworld.org/reference/research/uscrs/2014/en/98732> (дата обращения: 08.08.2025).

институциональных условий для привлечения инвестиций. Особенностью данной стратегии стало введение количественных показателей эффективности содействия, включая объем привлеченного с помощью гарантий частного финансирования и количество принятых «в соответствии с международными стандартами» нормативных актов, приток инвестиций в сельскохозяйственный сектор и количество частных компаний, улучшивших методы управления.³³² Отдельная страновая стратегия для Кыргызстана, принятая в том же 2014 г., также содержала важную оговорку о зависимости успеха инвестиционных программ от сохранения политической стабильности, что подчеркивало осознание высокой степени неопределенности в регионе и необходимость митигации соответствующих политических рисков.³³³

Необходимость защиты экономических интересов нашла отражение и в текстах обоснований бюджета перед Конгрессом на 2016 и 2017 фин.гг. В рамках концепции «Новый шелковый путь» предусматривалось, в частности, оказание помощи в расширении доступа стран ЦА к новым рынкам, снижении торговых барьеров и улучшении управления транспортными коридорами в целях переориентации экономических связей и снижения традиционного российского влияния.³³⁴ В Кыргызстане реализация данной стратегии осуществлялась в том числе через комплекс мер по поддержке частного сектора, улучшению делового климата, развитию предпринимательства, модернизации энергетической политики и укреплению верховенства права.³³⁵

С приходом к власти первой администрации Д. Трампа в 2017 г. произошла существенная трансформация подходов американских властей к защите своих

³³² Central Asia Regional Development Cooperation Strategy 2015 – 2020 // USAID. – October 2014. – P. 25. URL: https://static1.squarespace.com/static/587fcaeb1b10e3086960b284/t/5fea7fef6b227530e7ef119e/1609203698173/Central+Asia_RDCS_2015-2020.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

³³³ Kyrgyz Republic Country Development Cooperation Strategy 2015 – 2020 // USAID. – 2014. – P. 49. URL: https://static1.squarespace.com/static/587fcaeb1b10e3086960b284/t/5fea7f1befcc2977a8ce5686/1609203486209/Kyrgyz_Republic_CDSCS_2014-2020.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

³³⁴ Congressional Budget Justification FY 2016. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // The State Department. – 02.02.2015. – P. 90. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/236395.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

³³⁵ Congressional Budget Justification FY 2017. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs // The State Department. – 09.02.2016. – P. 92. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/rm/rls/ebs/2017/index.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

экономических интересов в регионе, нашедшая отражение в тексте Стратегии США в Центральной Азии на 2019 – 2025 гг. Документ акцентировал особое внимание на реформаторском потенциале новых властей Казахстана и Узбекистана, рассматривая системные преобразования как ключевой фактор улучшения инвестиционного климата. Особое значение придавалось реформированию судебной системы как необходимому условию для обеспечения правовой защиты иностранных инвесторов и интересов американского бизнеса. Примечательно, что стратегия сохраняла преемственность в оценке традиционных вызовов безопасности, признавая сохраняющиеся риски терроризма и экстремизма в качестве значимых факторов экономической дестабилизации.³³⁶

Обозначенные цели нашли место и в РССР 2020 г., в которой АМР США обещало стимулировать инвестиции США в развитие ЦА посредством сотрудничества в области гармонизации торговой политики, законодательства и снижения барьеров. Отдельно ставились задачи по снижению зависимости стран ЦА от иностранной помощи, формированию устойчивого экономического роста, что должно было улучшить инвестиционную среду для американского и международного бизнеса.³³⁷

Реализация стратегических задач осуществлялась посредством ряда целевых программ в странах региона. Так, в Казахстане АМР США с 2020 г. запустило новую программу укрепления верховенства закона, направленную на «создание благоприятного правового климата для бизнеса, который будет способствовать повышению доверия и расширению международных инвестиций в Казахстан», на совершенствование правовой базы и судебной системы.³³⁸ В Узбекистане в целях улучшения инвестиционного климата АМР США также финансировало программу реформирования судебно-правовой системы, в рамках которой, в частности, узбекской стороне была предоставлена экспертная помощь в

³³⁶ United States Strategy for Central Asia 2019-2025 Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // U.S. Department of State. – 2020. – P. 2. URL: <https://tj.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/143/United-States-Strategy-for-Central-Asia-2019-2025-1.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

³³⁷ Regional Development Cooperation Strategy in Central Asia 2020–2025 // USAID. – 2020 – P. 7.

³³⁸ Kazakhstan Rule of Law Fact Sheet. Program Overview. // USAID. URL: https://2017-2020.usaid.gov/sites/default/files/documents/10292020_Kazakhstan_Rule_of_Law_Fact_Sheet.pdf (дата обращения: 29.09.2024).

подготовке проекта типового инвестиционного соглашения. Документ использовался правительством Узбекистана для заключения 22 инвестиционных соглашений, которые привлекли около 2 млрд долл. инвестиций – впрочем, отнюдь не только из США и других западных стран (Канады, Германии, Франции), но и из Турции, ОАЭ и других незападных государств.³³⁹ Кыргызстану, в свою очередь, было предоставлено порядка 20 млн долл. для укрепления потенциала средних и малых предприятий и расширения их возможностей по привлечению иностранного капитала.³⁴⁰

Важным институциональным нововведением периода первой администрации Д. Трампа стало создание Американской корпорации финансирования международного развития (АКФМР), которая объединила КЗЧИ и кредитные программы АМР США. Корпорация, согласно закону «Об оптимизации инвестиций в развитие» 2018 г., ориентировалась на предоставление «надежной альтернативы инвестициям авторитарных правительств и стратегических соперников США через использование лучших практик по обеспечению прозрачности и соблюдению экологических и социальных стандартов и учет фактора долговой устойчивости стран-партнеров».³⁴¹ По мнению В.И. Бартенева, «в этой формулировке содержался недвусмысленный намек на Китай, противодействие которому было провозглашено администрацией Д. Трампа одним из приоритетов»³⁴².

Центральная Азия представлялась одним из ключевых регионов для проектной активности АКФМР. Так, в конце первого срока Д. Трампа во время визита А. Белера, исполнительного директора АКФМР, в ЦА в январе 2021 г. был опубликован меморандум США, Казахстана и Узбекистана о запуске Центральноазиатского инвестиционного партнерства, направленного на

³³⁹ Uzbekistan Legal Reform Program. Fact Sheet // USAID. – 2021. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID_LRP_factsheet_October_2021.pdf (дата обращения: 08.01.2025).

³⁴⁰ USAID Enterprise Competitiveness Project in the Kyrgyz Republic // ACDI VOCA. URL: <https://www.acdivoca.org/projects/usaid-enterprise-competitiveness-project/> (дата обращения: 08.08.2025).

³⁴¹ Better Utilization of Investments Leading to Development Act of 2018. FAA Reauthorization Act of 2018. // U.S. Congress – 05.10.2018. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ254/PLAW-115publ254.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

³⁴² Бартенев В.И. Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – Т. 54, № 11. – С. 96.

привлечение не менее 1 млрд долл. от частного сектора в течение пяти лет.³⁴³ Однако потенциал партнерства не был реализован в полной мере, что во многом было связано со сменой администрации и приходом к власти Дж. Байдена в начале 2021 г.

Политика администрации Дж. Байдена, как было сказано ранее, характеризовалась усилением антироссийской и антикитайской направленности при сохранении преемственности в вопросах поддержки системных и правовых реформ в государствах ЦА и укрепления их правоохранительных и судебных систем. В обоснованиях запросов на предоставление финансирования странам региона на 2022–2024 фин. гг. особо отмечалось, что помощь будет способствовать улучшению бизнес-климата в странах и притоку ПИИ, что должно было способствовать снижению экономической зависимости от России.³⁴⁴ Отдельным приоритетом Вашингтона в этот период, прослеживаемым в документах, стало противодействие коррупции и поддержка преобразований в Узбекистане.

Обновленная в январе 2024 г. стратегия регионального сотрудничества АМР США в сфере развития в Центральной Азии на 2020 – 2025 гг. сохранила прежние ключевые цели по улучшению инвестиционной среды для американских компаний, но особое внимание было уделено снижению *геополитических* рисков – устойчивости стран ЦА к воздействию «злонамеренных акторов» – России, КНР и Ирана.³⁴⁵ Россия рассматривалась в стратегии как актер, который сохраняет существенное политическое и экономическое влияние в регионе и несет угрозу интересам США. АМР США обозначало стремление ослабить зависимость отдельных стран ЦА от трудовой миграции в РФ и связанных с ней финансовых поступлений из России. Значимые риски, по мнению составителей документа, возникали и из-за центральной роли РФ в процессах евразийской интеграции, что

³⁴³ DFC, Uzbekistan, and Kazakhstan Announce Central Asia Investment Partnership to Bolster Investment in the Region // DFC. – 07.01.2021. URL: <https://www.dfc.gov/media/press-releases/dfc-uzbekistan-and-kazakhstan-announce-central-asia-investment-partnership> (дата обращения: 08.08.2025).

³⁴⁴ Congressional Budget Justification FY 2022–2024. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. // U.S. Department of State. – 2021–2023. URL: <https://www.state.gov/plans-performance-budget/international-affairs-budgets/> (дата обращения: 25.06.2025).

³⁴⁵ Regional Development Cooperation Strategy in Central Asia 2020 – 2025 // USAID. – 2024. – P.6. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2024-04/External-Amended%20RDCS-Central%20Asia_1.pdf (дата обращения: 08.01.2025).

«подрывало углубление партнерства стран ЦА с США»³⁴⁶ и сотрудничество в рамках международных инициатив. Отмечалось также, что уязвимость стран ЦА усугубляют методы борьбы с насильственным экстремизмом, которые предлагаются Россией и Китаем и которые якобы «усиливают социальную напряженность и радикализируют уязвимых членов общества»³⁴⁷. Связанные с деятельностью России политические риски для ведения бизнеса американскими компаниями, в документе не обозначались прямо, но подразумевались.

Не меньшее внимание в указанном документе уделялось растущему влиянию Китая в регионе и его инициативе «Один пояс – один путь», которая, по мнению составителей, сопряжена с применением непрозрачных методов экономического сотрудничества, навязыванием китайской рабочей силы, материалов и технологий, которые воспринимались как фактор усиления ряда рисков, таких как формирование долговой зависимости у кредитруемых стран, усиление коррупции, терпимость к которой демонстрировал китайский бизнес. Показательным образом в документе упоминались также антикитайские протесты – в качестве иллюстрации неприятия населением региона такого рода китайских практик.³⁴⁸

Схожие формулировки были зафиксированы и в программных документах, посвященных политике США в отдельных странах. Так, применительно к Казахстану Госдепартамент США в 2022 г. признавал значимое влияние в стране России и Китая, которые продвигают цели и ценности, «противоположные американским», и подчеркивал важность оказания поддержки многовекторной политике Казахстана.³⁴⁹ В программных документах АМР США, посвященных политике в Узбекистане, открыто заявлялось об усилиях, направленных на формирование квалифицированной рабочей силы, укрепление связей Узбекистана с мировой экономикой, а также на ослабление «чрезмерной зависимости» страны

³⁴⁶ Ibid. P. 26.

³⁴⁷ Ibid. P. 28.

³⁴⁸ Ibid. P. 12.

³⁴⁹ Kazakhstan Integrated Country Strategy // US Department of State. – 25.03.2022. – P. 1. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_SCA_Kazakhstan_Public.pdf (дата обращения: 29.09.2024).

от России и КНР.³⁵⁰ Кроме того, одна из целей в стратегии Госдепартамента США формулировалась как «расширение возможностей США в Узбекистане и продвижение США в качестве предпочтительного партнера для государственного и частного секторов Узбекистана».³⁵¹

В Кыргызстане Госдепартамент видел риски для укрепления влияния США в российском присутствии в области безопасности, росте китайских инвестиций и товарооборота с КНР, слабости политических институтов, коррупции, периодических конфликтах с Таджикистаном.³⁵² Применительно к Таджикистану АМР США отмечало значительное геополитическое и экономическое влияние соседних держав и направляло усилия на продвижение «собственных» приоритетов и целей Таджикистана, попутно подчеркивая преимущества американской модели развития и необходимость повышения стрессоустойчивости страны к существующим и новым угрозам.³⁵³

Во время правления администрации Дж. Байдена важным инструментом реализации американской стратегии продвижения экономических интересов в регионе стал формат В5+1, учрежденный в 2024 г. как деловая платформа формата ЦА5+США³⁵⁴, которая объединяет представителей бизнеса стран ЦА и США и направлена, по словам посла США в Казахстане Д. Розенблюма, на создание «более благоприятной бизнес-среды».³⁵⁵ Участниками форума В5+1, проведенного в марте 2024 г., были определены приоритетные секторы для торговли и инвестиций – транспорт и логистика, электронная коммерция, сельское хозяйство, туризм, зеленая энергетика и возобновляемые источники энергии, а также даны

³⁵⁰ Uzbekistan's 2022 – 2025 Strategic Framework // USAID. – 07.2022. – P. 16. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-07/SF-Uzbekistan-April-2025.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

³⁵¹ Uzbekistan Integrated Country Strategy // US Department of State. – 12.04.2022. – P.5. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_SCA_Uzbekistan_Public.pdf (дата обращения: 29.09.2024).

³⁵² Kyrgyz Republic Integrated Country Strategy // US Department of State. – 25.03.2022. – P. 6. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_SCA_Kyrgyz-Rep_Public.pdf (дата обращения: 29.09.2024).

³⁵³ Tajikistan's 2022 – 2025 Strategic Framework // USAID. – 2022. – P. 7. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/SF-USAIDTajikistan-02-2025.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

³⁵⁴ Формат многостороннего взаимодействия со странами ЦА для различных внерегиональных акторов

³⁵⁵ США запускают инициативу по стимулированию связей в Центральной Азии // Eurasianet.*** – 18.03.2024. URL: <https://inlnk.ru/68Log5> (дата обращения: 29.09.2024). (Деятельность Eurasianet признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 485-р от 14.04.2026).

рекомендации по усилению региональной интеграции, гармонизации законодательства, улучшению бизнес-среды.³⁵⁶

Подготовленный Госдепартаментом и АМР США запрос финансирования на 2025 фин. г. демонстрировал усиление акцента на снижении последствий конфликта на Украине для Узбекистана и Таджикистана, борьбе с коррупцией посредством оказания помощи в развитии рынков капитала, совершенствовании налогового администрирования и управления критически важными ресурсами в Узбекистане, а также оказании технической помощи Таджикистану в области реформ, способствующих развитию отношений с западными банками.³⁵⁷

В период администрации Дж. Байдена задействование механизмов ОФР в целях защиты экономических интересов происходило по нескольким направлениям. Активнее всего в рамках политики СМР решались задачи митигации рисков «легально-правительственного» характера, источником которых выступали действия (или бездействие) властей принимающих стран. В сентябре 2022 г. – менее чем через полгода после начала СВО РФ на Украине администрация Дж. Байдена запустила Инициативу по обеспечению экономической устойчивости в Центральной Азии (ERICEN – Economic Resilience in Central Asia Initiative) стоимостью 50 млн долл., которая была направлена на диверсификацию торговых путей и поощрение инвестиций в регион.³⁵⁸ Участие ЦА в Программе Партнерства для глобальной инфраструктуры и инвестиций, совместной инициативе «Группы семи» (G7) по финансированию инфраструктурных проектов в развивающихся странах, потенциально открыло доступ стран региона к масштабному финансированию объемом до 200 млрд долл., что должно было стать противовесом китайской инициативе «Пояс и путь». ³⁵⁹ Особого внимания заслуживает

³⁵⁶ Final Communiqué B5+1 Forum: Advancing Business Partnership for Regional Prosperity. Almaty, Kazakhstan. 13-14 March 2024 // CIPE. – 2024. URL: https://www.cipe.org/wp-content/uploads/2024/03/B51-Forum_Final-Communiqué_2024_EN.pdf (дата обращения: 29.09.2024).

³⁵⁷ Congressional Budget Justification. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs Supplementary Tables. Fiscal Year 2025 // U.S. State Department. – 2024. – P.140. URL: <https://www.state.gov/plans-performance-budget/international-affairs-budgets/> (дата обращения: 29.09.2024).

³⁵⁸ Fanger S., Nifti E. U.S. Supports Trans-Caspian Trade and Transport Diversification // Caspian Policy Center. – 03.02.2023. URL: <https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/us-supports-trans-caspian-trade-and-transport-diversification> (дата обращения: 29.09.2024).

³⁵⁹ Страны G7 готовы инвестировать в проекты в Центральной Азии до \$200 млрд // ТАСС. – 22.07.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21417911> (дата обращения: 29.09.2024).

энергетическая составляющая американской стратегии. Внедрение цифровых технологий в управление энергетическим сектором в ЦА³⁶⁰, а также наращивание потенциала возобновляемой энергетики в регионе, основанной на американских стандартах и технологиях, направлено на переориентацию энергетической инфраструктуры региона на западные страны. Техническая помощь в совершенствовании инвестиционного законодательства, как в случае с проектами в Казахстане, реализуемыми Американской ассоциацией юристов (ABA ROLI – The American Bar Association Rule of Law Initiative), дополняет комплекс мер по защите инвестиционных интересов.³⁶¹

Тем не менее администрация Дж. Байдена ограниченно задействовала иные инструменты защиты интересов бизнеса. В частности, с момента создания партнерства по 2024 г. – в период правления администрации Дж. Байдена – США не прибегали к инструментам страхования инвестиций национальных компаний от политических рисков в ЦА, несмотря на активное расширение масштабов применения этих инструментов в целом. В портфеле профильной АКФМР нами не было обнаружено ни одного поддержанного ей инвестиционного проекта в странах ЦА³⁶². Это представляется особенно парадоксальным на фоне достаточно неблагоприятной динамики американских ПИИ в регион, которая наблюдалась в этот период почти во всех странах.

На фоне скромных цифр низкий уровень активности АКФМР в регионе не кажется настолько уж удивительным, но это не мешало республиканцам сделать его объектом своей критики. Так, на слушаниях, посвященных обсуждению проекта бюджета на 2024 фин. г., конгрессмен Э. Барр открыто задавался вопросом: как администрация планирует противостоять китайской инициативе «Пояс и путь» с такими незначительными объемами финансирования, а также настаивал на более

³⁶⁰ USAID Hands over \$1.4M in Equipment to Strengthen Central Asia's Regional Power Sector // U.S. Embassy in Uzbekistan. – 10.01.2024. URL: <https://uz.usembassy.gov/usaaid-energy-equipment-handover/> (дата обращения: 29.09.2024).

³⁶¹ USAID Improves the Investment Legislation in Kazakhstan // U.S. Embassy & Consulate in Kazakhstan. – 02.02.2024. URL: <https://kz.usembassy.gov/usaaid-improves-the-investment-legislation-in-kazakhstan/> (дата обращения: 08.08.2025)

³⁶² Annual Reports // U.S. Development Finance Corporation (DFC). URL: <https://www.dfc.gov/our-impact/reports> (дата обращения: 29.09.2024).

активном задействовании ресурсов АКФМР.³⁶³ Справедливости ради, следует отметить, что руководство Корпорации предпринимало определенные усилия в данном направлении: в начале 2024 г. во время встречи министра промышленности и строительства Казахстана К. Шарлапаева с заместителем генерального директора АКФМР Н.Д. Бисвалом; последняя выразила намерение посетить Казахстан для дальнейших обсуждений реализации крупномасштабных проектов, в том числе в области редких и редкоземельных металлов, зеленой энергетики и транспортной инфраструктуры.³⁶⁴

Возвращение Д. Трампа в Белый дом может изменить конфигурацию американских подходов к защите инвестиций в регионе. Как считает Э. Руденшольд, это проявится в увеличении финансирования деятельности АКФМР в регионе и реализации ранее подписанных меморандумов с Казахстаном и Узбекистаном.³⁶⁵ В числе приоритетов администрации уже обозначаются освоение редкоземельных ресурсов и развитие транскаспийских транспортных коридоров, что, согласно Н.А. Гегелашвили, будет способствовать привлечению инвестиций американского бизнеса.³⁶⁶ Так, в докладе Госдепартамента о стратегии США в ЦА в качестве ключевых задач в регионе обозначались обеспечение благоприятной бизнес и регуляторной среды для американского бизнеса и инвестиций, а также обеспечение доступа к критическим ресурсам.³⁶⁷

Дальнейший подход США к применению инструментов ОФР в целях защиты экономических интересов в Центральной Азии будет зависеть от

³⁶³ Examining Fiscal Year 2024 Budget for South and Central Asian Affairs. Hearing before the Subcommittee on the Middle East, North Africa and Central Asia Joint with Subcommittee on the Indo-Pacific of The Committee on Foreign Affairs // House of Representatives. – 13.07.2023. – P. 25. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-118hhrg56740/pdf/CHRG-118hhrg56740.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

³⁶⁴ Kazakhstan and US Bolster Cooperation in Energy and Mining Sectors // The Astana Times. – 01.03.2024. URL: <https://astanatimes.com/2024/03/kazakhstan-and-us-bolster-cooperation-in-energy-and-mining-sectors/> (дата обращения: 08.08.2025).

³⁶⁵ Rudenshiold E. C5+Trump: Getting the US Down to Business in Central Asia // The Diplomat. – 12.11.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/11/c5trump-getting-the-us-down-to-business-in-central-asia/> (дата обращения: 08.08.2025).

³⁶⁶ Гегелашвили Н.А. Политика новой администрации Д. Трампа в Центральной Азии // РСМД. – 17.04.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-novoy-administratsii-d-trampa-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 08.08.2025).

³⁶⁷ Report to Congress on a Strategy Regarding United States Interests in Central Asia // U.S. Department of State. – September 2025. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2025/09/Strategy-on-United-States-Interests-in-Central-Asia-Accessible-9.26.2025.pdf> (дата обращения: 25.10.2025).

регионального контекста и ситуации в странах ЦА, но большее влияние будет иметь динамика соперничества между США и РФ, США и Китаем на глобальном уровне.

Выводы к Главе 2

Стратегическое видение властями США приоритетов применения инструментов ОФР в ЦА адаптируется под изменения регионального и глобального контекстов, а также под идеологические установки лидеров республиканской и демократической партий и их ближайшего окружения. Ключевыми целями политики США в регионе являются расширение сферы влияния и укрепление своего положения в системе международных отношений с целью противодействия России и Китаю, получение доступа к энергетическим ресурсам, различным минералам (в том числе редкоземельным), продвижение коммерческих интересов США и транснационального бизнеса американского происхождения. Противодействие России и Китаю реализуется через следующие меры: сдерживание процессов евразийской интеграции и ослабление влияния институтов СНГ, ШОС и БРИКС+, разрыв существующих транспортно-логистических цепочек, перенаправление торговых и финансовых потоков, блокирование совместных проектов кооперации.

При администрации Б. Обамы произошла определенная деприоритизация региона из-за вывода основного контингента войск из Афганистана в 2014 г. и смещения фокуса на западную часть пространства СНГ на фоне начала украинского кризиса в 2013 г. При первой администрации Д. Трампа имела место достаточно прагматичная калибровка приоритетов сотрудничества и повышение статуса ЦА в иерархии региональных приоритетов республиканской администрации с

постепенной приоритизацией вопросов экономического взаимодействия и продвижения интересов американского бизнеса.

Эскалация украинского конфликта при Дж. Байдене предопределила существенное ужесточение формулировок в вопросах противодействия влиянию России и Китая и более выраженный акцент на продвижении характерной для демократической партии повестки. Начало СВО РФ послужило катализатором дальнейшего переосмысления США своих стратегических приоритетов, где комплексное противодействие российскому влиянию стало доминирующим элементом политики США в Евразии, сочетающим мониторинг исполнения антироссийских санкций с продвижением ценностно-ориентированных инициатив.

Важную роль в политике США в регионе играют инструменты официального финансирования развития. Процесс оказания экономической помощи зависит от множества факторов: изменений глобального и регионального контекстов, смены власти и событий в странах ЦА, правящей партии в США, партийной конфигурации Конгресса США и политики внешних держав в регионе. При этом официальное финансирование развития остается одним из важных инструментов обеспечения национальных интересов США в регионе наряду с дипломатическими инструментами, военной помощью, взаимодействием в формате C5+1 и др.

В страновом распределении помощи прослеживается четкая тенденция: Таджикистан и Узбекистан получали наибольшие объемы финансирования, что долгое время объяснялось их ключевой ролью в решении афганской проблемы, а в 2020-е гг., после смены режима в Кабуле – прежде всего более отчетливым стремлением Вашингтона противодействовать влиянию России и КНР в регионе, потребовавшим и более равномерного секторального распределения средств. Экономическая помощь Казахстану, напротив, демонстрировала наибольшую волатильность и подверженность влиянию внешних факторов на протяжении всего рассматриваемого периода.

Значительно трансформировалась и секторальная структура американской экономической помощи. Если в 2013 г. почти половина экономической помощи

направлялась на цели мира и безопасности, то после вывода американских войск из Афганистана эта доля сократилась до 4% в 2017 г. Параллельно наблюдался рост финансирования экономического развития. Пандемия COVID-19 незначительно увеличила долю помощи в области здравоохранения, а при администрации Дж. Байдена сохранялась тенденция к более сбалансированному распределению средств между различными секторами, что кажется парадоксальным на фоне усиления антироссийского и антикитайского компонентов в общей стратегии США в ЦА.

Несмотря на некоторую изменчивость политических интересов США в регионе, их ключевые экономические интересы остаются стабильными: поддержка импорта важных минеральных ресурсов и торговых интересов американских компаний, защита инвестиций американских корпораций от рисков, экономическая переориентация стран региона. Основную нагрузку по митигации (гео-) политических рисков для бизнеса среди инструментов ОФР выполняли именно «классические» инструменты официальной помощи развитию. К ним относятся, в первую очередь, программы совершенствования судебно-правовых систем, противодействие коррупции, помощь в улучшении бизнес-климата, а также в реформировании энергетической инфраструктуры региона с целью ее замыкания на западные страны. При этом подходы США отличаются по отношению к интенсивно развивающимся – богатым ресурсами и традиционно привлекающим большие объемы инвестиций – и наименее развитым странам региона. Создание АКФМР на базе КЗЧИ и кредитных программ АМР США стало важным элементом совершенствования стратегии защиты инвестиций американского бизнеса в мире. Однако, как показало наше исследование, несмотря на амбициозные заявления, реальная проектная активность данной Корпорации в регионе оставалась при администрации Дж. Байдена крайне ограниченной.

Возвращение Д. Трампа в Белый дом пока не вывело сотрудничество США со странами Центральной Азии в сфере развития на показатели интенсивности, сопоставимые с теми, которые наблюдались в начале 2000-х или 2010-х гг. Однако оно уже привело к новому радикальному пересмотру подходов США к применению

инструментов ОФР в регионе в русле общих приоритетов внешней и внешнеэкономической политики новой республиканской администрации. Традиционные гуманитарные программы, в том числе программы поддержки демократии в регионе, реализовывавшиеся ранее через АМР США, вероятно, будут свернуты или значительно сокращены, а вместо них ставка будет, по всей видимости, делаться на предоставление кредитов и инвестиционных гарантий через АКФМР. Приоритетными направлениями могут стать развитие транскаспийских транспортных коридоров, освоение редкоземельных ресурсов в целях укрепления конкурентных позиций США в глобальном соперничестве с КНР.

ГЛАВА 3. ИНСТРУМЕНТЫ ОФР В ПОЛИТИКЕ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2013 – 2025 гг.)

Третья глава диссертации посвящена комплексному анализу механизмов применения инструментов официального финансирования Китайской Народной Республикой в Центральной Азии в период с 2013 по 2025 г.

В первом параграфе рассматриваются изменения в стратегических приоритетах политики КНР в Центральной Азии и их детерминанты, а также определяется роль инструментов ОФР в реализации внешнеполитического курса Китая.

Во втором параграфе проводится детальный анализ динамики и структуры потоков ОФР из Китая, направляемых в страны ЦА, на основе данных AidData. Исследуются данные по кредитам и грантам, предоставляемым КНР через государственные банки развития и иные институты, а также потоки ОФР по секторальным направлениям. Раскрывается связь между запуском инициативы «Пояс и путь» и динамикой объемов официального финансирования.

Третий параграф раскрывает внешнеэкономическое измерение национальных интересов КНР в странах Центральной Азии. В параграфе рассматриваются политические риски для китайского бизнеса, а также инструменты ОФР, используемые для их митигации и защиты интересов государственных и частных компаний из КНР в условиях формирования полицентричного миропорядка.

3.1 Стратегические приоритеты политики КНР в Центральной Азии и особенности их эволюции

Китай и Центральная Азия имеют многовековую историю взаимодействия, восходящую к эпохе Великого шелкового пути, когда через регион проходили ключевые торговые маршруты, связывавшие Восток и Запад. В период с XVI по XX в. китайское влияние в регионе ослабло из-за упадка Шелкового пути и вхождения территорий данного региона в состав Российской империи, а затем – после победы советской власти – в состав СССР. Однако после распада Советского Союза в 1991 г. обретшие независимость центральноазиатские республики, имеющие протяженную границу с Китаем, сразу же оказались в зоне стратегических интересов Пекина.

Начальный этап отношений КНР и стран ЦА, продлившийся до начала XXI века, характеризовался стремлением китайского руководства установить добрососедские отношения с новыми независимыми государствами и решить вопросы делимитации границы. В этот период был заложен фундамент политического сотрудничества, на котором впоследствии строился дальнейший курс Китая в регионе.

Китайская стратегия в Центральной Азии формируется в соответствии с принципами и идеями руководства, которые закрепляются на съездах Коммунистической партии Китая (далее – КПК) и в Белых книгах. Так, 15-й съезд КПК в 1997 г., пришедшийся на годы председательства Цзян Цзэминя (1993 – 2003), закрепил принципы взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий в отношениях с соседними странами, сформулированные

Чжоу Эньлаем в 1964 г., которые стали ключевыми принципами и в области сотрудничества в сфере развития.³⁶⁸

Начало военной операции США в Афганистане и создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2001 г. обозначили новый этап в реализации китайской политики в регионе и стратегии сотрудничества в сфере развития. ШОС возникла на базе «Шанхайской пятерки» (Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан)³⁶⁹ с подключением Узбекистана. Первоначально организация фокусировалась на противодействии «трем силам зла»³⁷⁰ – терроризму, сепаратизму и экстремизму. Китай стремился, в первую очередь, обеспечить безопасность границ Синьцзян-Уйгурского автономного района в условиях роста террористических угроз и предотвратить возможную поддержку тюркскими странами ЦА уйгурского национализма – согласно Д.Б. Малышевой, эта задача остается первостепенной для Китая и сейчас.³⁷¹ К тому же, по мнению В.И. Никитенко, старшего научного сотрудника Военного института Военной академии Генерального штаба ВС РФ, складывающаяся международная и внутренняя ситуация, «понимание государствами региона невозможности противостояния таким глобальным вызовам и угрозам в одиночку послужило основанием для интеграционных процессов и объединения усилий, выразившихся в образовании ШОС».³⁷² Кроме того, усиление взаимодействия в рамках ШОС стало ответом на военное присутствие США в странах региона, что вызывало обеспокоенность со стороны Китая. Со временем, как отмечает Чжао Хуашен, профессор Института международных исследований Фуданьского университета, данная организация

³⁶⁸ 全国代表大会上的报告. 江泽民在中国共产党第十五次 [Report at the National Congress. the Fifteenth Session of the Communist Party of China] // 新 华 网 [Xinhua]. – 1997. URL: https://fuwu.12371.cn/2012/09/27/ARTI1348726215537612_all.shtml (дата обращения: 15.07.2025).

³⁶⁹ Шанхайская пятерка – неформальное объединение, созданное в 1996 г. Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном для решения пограничных вопросов и укрепления доверия в военной сфере после распада СССР.

³⁷⁰ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Президент РФ. – 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 08.08.2025).

³⁷¹ Малышева Д.Б. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 5. – С. 103.

³⁷² Никитенко В.И. Евразийские векторы сотрудничества стран – участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и региональной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2018. – № 1. – С. 26.

стала реализовывать более широкую экономическую и политическую повестку, превратившись в важный инструмент распространения китайского влияния в Центральной Азии.³⁷³

В 2000-е годы активное развитие получило и экономическое сотрудничество Китая со странами региона. Растущая потребность китайской экономики в углеводородном сырье, как подчеркивают С.В. Жуков, главный научный сотрудник Центра энергетических исследований, и О.Б. Резникова, научный сотрудник ИМЭМО РАН, стимулировала активность китайских компаний в нефтегазовом секторе Центральной Азии.³⁷⁴ Особое значение приобрела диверсификация поставок нефтегазового сырья, что выразилось, в первую очередь, в строительстве нефтепровода Казахстан – Китай с 2004 по 2006 г. и газопровода Туркменистан – Китай с 2007 по 2009 г. По оценке Д.С. Попова, старшего эксперта РИСИ, для Китая было «крайне важно диверсифицировать каналы снабжения сырьем за счет континентальных маршрутов и снизить тем самым свою критическую зависимость от уязвимых морских поставок»³⁷⁵. По мнению же казахстанского ученого-китаевода К.Л. Сыроежкина, энергетическая политика КНР в Центральной Азии отвечала интересам самих центральноазиатских государств, стремившихся диверсифицировать источники инвестиций и маршруты экспорта углеводородов.³⁷⁶ Схожей позиции придерживается Чжан Нин, руководитель отдела Центральной Азии и Кавказа ИРВЕЦА КАОН: центральноазиатские государства используют «энергетический фактор» для балансирования между внешними центрами силы.³⁷⁷ Данные факторы, а также поддержание стабильной политической ситуации и реализация стратегии развития западного Китая, выступали, с точки зрения В.Б. Кашина и А.С. Королева из

³⁷³ Huasheng Zh. Modern Approaches of China to the Shanghai Cooperation Organization // Valdai. – 12.04.2022. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/modern-approaches-of-china-to-the-sco/> (дата обращения: 29.08.2025).

³⁷⁴ Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 86.

³⁷⁵ Попов Д.С. Центральная Азия в китайской концепции экономического пояса Шелкового пути и стратегические интересы России // РИСИ. – 29.04.2016. URL: <https://riss.ru/analitics/30016/> (дата обращения: 06.08.2025).

³⁷⁶ Сыроежкин К.Л. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – № 1. – С. 42.

³⁷⁷ 张宁 [Zhang Ning]. 中亚能源与大国博弈 [Central Asian Energy and the Game of Great Powers]. – Changchun Publishing House, 2009. – 226 p.

Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, ключевыми детерминантами наращивания китайской помощи странам Центральной Азии в 2000-е гг.³⁷⁸ С этим согласна и Цю Ш., аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН, которая утверждает, что «после создания ШОС в 2001 году, Пекин значительно активизировал свои усилия в гуманитарной сфере».³⁷⁹

На этом этапе сформировалась и более прочная доктринальная основа применения инструментов ОФР в политике Китая, в том числе в отношении стран Центральной Азии. Так, в 2011 г. была опубликована Белая книга «Мирное развитие Китая»³⁸⁰, где фиксировались основополагающие принципы внешней политики КНР, такие как уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела. Данные идеи, на наш взгляд, находили отклик у правящих элит стран ЦА, которые практиковали, по большей части, авторитарные методы управления и опасались осуществления странами Запада попыток насильственной демократизации. Кроме того, в 2011 г. была опубликована Белая книга «Иностранная помощь КНР». Она подтверждала принципы оказания помощи, сформулированные Чжоу Эньлаем в 1964 г., ключевыми из которых являлись оказание помощи на условиях равенства и взаимной выгоды, отказ от политических условий и уважение суверенитета стран-получателей помощи.³⁸¹ Как отмечает Син Гуанчэн, ведущий научный сотрудник Китайской академии общественных наук, специалист по пограничным регионам и китайско-российским отношениям, развитие отношений КНР со странами ЦА носит «выраженный

³⁷⁸ Кашин В., Королев А. Помощь КНР странам Центральной Азии // *Мировая экономика и международные отношения* – 2018. – Т. 62, № 3. – С. 81.

³⁷⁹ Цю Ш. Международная гуманитарная помощь Китая: этапы, направления, особенности (1978–2025 гг.) / Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – М.: РУДН, 2026. – С. 188.

³⁸⁰ China's Peaceful Development // The People's Republic of China. Information Office of the State Council. – September 2011. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения: 29.03.2025).

³⁸¹ China's Foreign Aid // Information Office of the State Council the People's Republic of China. – April 2011. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284620.htm (дата обращения: 29.03.2025).

характер экономической дипломатии», при этом Пекин не намерен вмешиваться в их внутренний выбор и навязывать собственную модель развития.³⁸²

В Белой книге по иностранной помощи 2014 г., обобщившей результаты применения КНР данных инструментов за период с 2010 по 2012 г., Центральная Азия не выделялась как отдельный приоритетный регион в общей структуре китайской иностранной помощи. Основные усилия были направлены на другие географические направления – Африку и страны АСЕАН. Страны ЦА фигурировали в тексте этого документа лишь в качестве стран – членов ШОС, которая упоминалась также как платформа для регионального сотрудничества в сфере развития.³⁸³ По мнению Сунь Чжуанчжи, директора ИРВЕЦА КАОН, Китай выступал одним из главных поставщиков идей и принципов развития экономического сотрудничества в рамках ШОС с фокусом на страны ЦА.³⁸⁴

Другим важным документом этого периода стала Белая книга «Энергетическая политика Китая»³⁸⁵ 2012 г., в которой обозначалась важность укрепления тесных связей в сфере энергетики с Казахстаном, Туркменистаном, Узбекистаном, в том числе в рамках ШОС. В документе содержался призыв увеличить иностранные инвестиции китайских предприятий в энергетический сектор указанных стран, сделав акцент на необходимости уважения местных законов и культурных традиций.

Выдвижение Си Цзиньпина на пост Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая на 18-м съезде КПК в ноябре 2012 г. и его избрание Председателем КНР в 2013 г. ознаменовали новый этап не только в политике Китая в регионе, но и в китайской политике сотрудничества в сфере развития в целом. Как отмечает Ли Янь, научный сотрудник Института мировой

³⁸² 邢广程 [Xing Guangcheng]. 中国与中亚国家的关系 [China's relations with Central Asian countries] // SRC Occasional Papers. – 2002. – No. 85. – P. 16.

³⁸³ 中国的对外援助. 白皮书 [China's Foreign Aid. White paper]. // Information Office of the State Council the People's Republic of China. – 2014. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2014n/202207/t20220704_130101_4.html (дата обращения: 29.03.2025).

³⁸⁴ См. подробнее: Sun Zh. The Shanghai Cooperation Organization and China's Multilateral Diplomacy in the New Era // China International Studies. – 2021. – No. 89. – P. 36–60.

³⁸⁵ China's Energy Policy // Information Office of the State Council. The People's Republic of China. – October 2012. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284499.htm (дата обращения: 29.06.2025).

экономики и политики Китайской академии общественных наук, Си Цзиньпин в рамках курса на построение социализма с китайской спецификой сформулировал комплексную теоретическую основу политики оказания международной помощи, которая не только опирается на исторические принципы китайской дипломатии, но и адаптирует их к современным вызовам мирового порядка.³⁸⁶ Центральным элементом стала концепция «Сообщество единой судьбы человечества», основанная на идее ответственности великих держав за устойчивое глобальное развитие и неразрывной связанности интересов китайского народа с общим благополучием мирового сообщества и особенно развивающихся стран под названием. Принцип взаимовыгодного сотрудничества был дополнен принципом правильного соотношения справедливости и выгоды, в котором моральные императивы должны были ставиться выше экономических и политических интересов. Особенно важным элементом новой концепции стало внимание к долгосрочной эффективности, исходя из принципа «Научи человека ловить рыбу – и ты накормишь его на всю жизнь». Его суть, по мнению Ли Янь, заключается в том, что внешняя помощь должна была стать катализатором собственного развития страны-реципиента, а не постоянной его опорой.³⁸⁷

В Белой книге «Международное сотрудничество Китая в сфере развития в новую эру»³⁸⁸ 2021 г. было подтверждено, что стремление развивать взаимовыгодное сотрудничество выступает одним из важнейших принципов китайской помощи – в том числе и в ЦА. Такой акцент резко контрастирует с ярко выраженным конфронтационным мышлением, признаки которого наблюдаются в доктринальных документах западных доноров, посвященных ЦА. Это отличие всячески подчеркивается официальными властями КНР³⁸⁹.

³⁸⁶ Ли Янь. Теория международной помощи Си Цзиньпина и практика Китая по ее предоставлению / Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации: коллективная монография / под ред. Д. А. Дегтерева, Ли Янь. – М.: РУДН, 2023. – С. 39.

³⁸⁷ Там же. – С. 43.

³⁸⁸ 新时代的中国国际发展合作 [China's international development cooperation in the new era] // 中华人民共和国. 国务院新闻办公室. [Information Office of the State Council. The People's Republic of China]. – January 2021. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-01/10/content_5578617.htm (дата обращения: 29.03.2025).

³⁸⁹ The Hypocrisy and Facts of the United States Foreign Aid // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – April 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/mfa_eng/xw/wjbxw/202405/t20240530_11344003.html (дата обращения: 25.06.2025).

Основным элементом, определившим содержание китайской политики по отношению к Центральной Азии при Си Цзиньпине, стало выдвижение им инициативы «Один пояс – один путь». Объявление Председателем КНР в Астане в 2013 г. о необходимости совместного создания Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), простирающегося от тихоокеанских портов до Европы, придало новое системное качество сотрудничеству Китая с регионом и обусловило переход от единичных инфраструктурных проектов к реализации комплексной модели регионального сотрудничества.³⁹⁰ В 2015 г. инициатива ЭПШП и «Морской Шелковый путь XXI века» были официально объединены под брендом «Пояс и путь» (一帶一路, Belt and Road). По словам руководителя Центра изучения современного Китая Института востоковедения РАН А.В. Виноградова, инициатива означала «расставание со стратегией Дэн Сяопина»³⁹¹ и «возвращение к традиционной китайской концепции внешней политики, характерной чертой которой является собственное геополитическое и геоэкономическое пространство».³⁹² Запуск инициативы стал мощным фактором, потребовавшим повышения эффективности управления в вопросах предоставления внешней помощи. В Китае вопросы предоставления внешней помощи традиционно входили в компетенцию большого числа министерств и учреждений. Главную роль играют Министерство иностранных дел, Министерство финансов, Министерство коммерции, Народный банк Китая и Эксимбанк КНР. Сложная и достаточно фрагментированная система в определенный момент перестала в полной мере удовлетворять потребностям внешней политики КНР. После запуска инициативы в КНР были учреждены новые институты развития: Фонд содействия сотрудничеству Юг – Юг (уставный капитал – 2 млрд долл.³⁹³) и Фонд Шелкового

³⁹⁰ President Xi Proposes Silk Road Economic Belt // Xinhua. – 07.09.2013. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2013xivisitcenterasia/2013-09/07/content_16951811.htm (дата обращения: 29.05.2025).

³⁹¹ Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 3. – С. 29.

³⁹² Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 14.

³⁹³ 新时代的中国国际发展合作 [China's International Development Cooperation in the New Era] // 中华人民共和国. 国务院新闻办公室. [Information Office of the State Council. The People's Republic of China]. – January 2021. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-01/10/content_5578617.htm (дата обращения: 29.03.2025).

пути (уставный капитал – 40 млрд долл.). Кроме того, было создано Китайское агентство по международному сотрудничеству в сфере развития (КАСМР – CIDCA – China International Development Cooperation Agency), призванное выполнять функции балансира и координатора в рамках сложной системы³⁹⁴. Именно оно и стало играть важную роль в обновленном подходе КНР к предоставлению ОФР.

Центральная Азия, в силу географического положения и большого транзитного потенциала, заняла особое место в новой китайской внешнеполитической концепции как ключевой коридор, соединяющий Восточную Азию с Европой и Ближним Востоком. Реализация коридора «Китай – Центральная Азия – Западная Азия – Европа» предполагала создание взаимосвязанной сети транспортных, энергетических и цифровых маршрутов, что было закреплено в доктринальных документах, включая Белую книгу «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI века». ³⁹⁵ По оценке экспертов Ведущей группы по содействию реализации проекта «Пояса и пути», сотрудничество «продвинулось вперед в области энергетики, инфраструктурных связей, экономики и торговли, а также укрепления промышленного потенциала в рамках данного коридора»³⁹⁶. Сунь Чжуанчжи, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, в свою очередь, считает, что успешное развитие и Китая, и стран ЦА напрямую зависит от сотрудничества.³⁹⁷ Однако, по мнению К.Л. Сыроежкина, ключевая цель инициативы – прежде всего развитие

³⁹⁴ Подробнее см.: Мендагазиев А.Е. Создание китайского агентства сотрудничества в области международного развития: факты и интерпретации // Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития. Сборник статей. – 2020. – С. 344–352.

³⁹⁵ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Комитет по делам развития и реформ, МИД КНР, Министерство коммерции. – 28.03.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html (дата обращения: 29.03.2025).

³⁹⁶ 共建 “一带一路” 倡议: 进展、贡献与展望 [Jointly build the "Belt and Road" Initiative: Progress, Contribution and Prospects] // 推进 “一带一路” 建设工作领导小组办公室. [Office of the Leading Group to promote the Construction of the “Belt and Road”]. – 2019. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydyllgw/201904/2019042220250016.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

³⁹⁷ 349. 孙壮志 [Sun Zhuangzhi]. 构建中国–中亚命运共同体的内涵与路径 [The Connotation and Path of Building a China–Central Asia Community with Shared Future] // 当代世界 [Contemporary world]. – 2024. – No. 7. – P. 11. URL: <http://euroasia.cssn.cn/kycg/lw/202409/W020240927379312273108.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

западных регионов Китая, а не индустриализация стран-участниц.³⁹⁸ Роль «Пояса и пути» в развитии национального хозяйства самого Китая подчеркивает и В.В. Перская,³⁹⁹ а доцент кафедры мировой экономики МГИМО Д.Б. Калашников призывает считать все виды безвозмездной или льготной помощи странам Юга [в рамках инициативы «Пояс и путь»] «инвестициями в развитие экономики Китая, которая вышла за пределы национальных границ»⁴⁰⁰.

Определенным показателем уровня сотрудничества КНР со странами региона в контексте инициативы «Пояс и путь» стало сопряжение ЭПШП с казахстанской государственной программой «Нурлы жол», направленной на развитие транспортно-логистической инфраструктуры.⁴⁰¹ Кроме того, Си Цзиньпин поддержал идею синхронизации ЕАЭС и ЭПШП В.В. Путина, предложенную в 2015 г., что привело к заключению в 2018 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС и КНР и позволило Китаю легитимизировать проекты в ЦА, не вступая в конфликт с российскими интересами.

Казахстан был выбран Китаем в качестве главного партнера в рамках инициативы «Пояс и путь» по причине долговременности стратегического партнерства, политической стабильности, обширной территории и благоприятного инвестиционного климата в данной стране. Однако интересы КНР в Казахстане отнюдь не ограничиваются экономическими соображениями. По мнению Р.Ю. Изимова, руководителя программы евразийских исследований Института мировой экономики и политики, и З.Т. Мураталиевой, доцента Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Славянского университета, для КНР Казахстан в

³⁹⁸ Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – № 9. – С. 111.

³⁹⁹ См. подробнее: Перская В. В. Инициатива «Один пояс, один путь»: экономические отношения, направленные на всестороннее развитие территорий и регионов участников инициативы // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 5. – С. 1–14.

⁴⁰⁰ См. подробнее: Калашников Д.Б. Китай как донор помощи промышленному развитию стран Юга: значение для постиндустриализации его экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 195–213; Калашников Д.Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели // Мировое и национальное хозяйство. – 2021. – Т. 57, № 4. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁰¹ Государственная программа инфраструктурного развития Республики Казахстан «Нұрлы Жол». на 2020 – 2025 гг. // Министерство индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан. – 2019.

инициативе «Пояс и путь» является не только логистическим хабом, способным обеспечить выход на соседние рынки, но и посредником в координации действий с тюркоязычными государствами в целом, а также фактором обеспечения лояльности Москвы к китайским трансграничным проектам.⁴⁰²

В рамках инициативы «Пояс и путь» Пекин активно взаимодействует и с другими странами ЦА. В транспортном секторе основная активность КНР направлена на улучшение дорожной системы Кыргызстана и Таджикистана, так как, по мнению А.Э. Акинфиевой, ведущего эксперта РИСИ, «именно неудовлетворительное состояние инфраструктуры является основным сдерживающим фактором для дальнейшего увеличения китайских поставок»⁴⁰³. В этом контексте необходимо упомянуть о развитии железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», которая должна стать альтернативным коридором, призванным перераспределить грузопотоки и усилить связь Китая с остальными странами региона.⁴⁰⁴ По мнению Гао Чжисюня, младшего научного сотрудника института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук, инициатива «Пояс и путь» способствует реализации национальных стратегий развития стран ЦА.⁴⁰⁵

В 2010-е гг. при Си Цзиньпине отношения КНР со странами ЦА развивались по различным направлениям. Так, согласно Белой книге 2020 г. «Энергетическое развитие Китая в новую эпоху», Пекин придавал особое значение завершению энергетических проектов, таких как строительство нефте- и газопроводов Китай–Центральная Азия, направленных на расширение достроенных коммуникаций.⁴⁰⁶

⁴⁰² Изимов Р.Ю., Мураталиева З.Т. Центральнoазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 131.

⁴⁰³ Акинфиева А.Э. Как и зачем Китай строит дороги в Центральной Азии? // РИСИ. – 18.04.2016. URL: <https://riss.ru/analitika/kak-i-zachem-kitay-stroit-dorogi-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 04.06.2025).

⁴⁰⁴ См. подробнее: Лю Цзяминь, Рыжов И., Тарасова Д. Взаимодействие Киргизии и Китая в рамках проекта «Один пояс, один путь» // Россия и новые государства Евразии. – 2023. – № IV (LXI). – С. 82–94.

⁴⁰⁵ 361. 高焱迅 [Gao Hanxun]. 中亚国家高质量共建“一带一路”的认知与思考 [Central Asian Countries' Perceptions and Reflections on High-Quality Joint Construction of the Belt and Road Initiative] // 北方论丛. – 2020. – No. 2. – P. 30–38.

⁴⁰⁶ 新时代的中国能源发展.白皮书 [White Paper. China's Energy Development in the New Era] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. [Information Office of the State Council. The People's Republic of China] – 21.12.2020. URL: <http://www.scio.gov.cn/m/zfbps/32832/Document/1695117/1695117.htm> (дата обращения: 29.07.2025).

Соединение нефтяных и газовых энергосистем стран ЦА и Китая, как отмечают китайские власти, было призвано обеспечить оптимальное распределение энергетических ресурсов и облегчить экономическое сотрудничество в регионе.⁴⁰⁷ Строительство трубопроводов также было важным для Китая в контексте попыток реализации проекта газопровода Азиатского банка развития «ТАПИ» (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия)⁴⁰⁸, поддерживаемого США, что оказало бы негативное влияние на возможности обеспечения энергетических интересов Китая в регионе.

Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эпоху»⁴⁰⁹ 2019 г. также выделяет сотрудничество со странами ЦА в рамках ШОС, подчеркивая, что Китай выстраивает конструктивное партнерство без альянсов и конфронтации, расширяет сотрудничество в области безопасности и обороны и создает новую модель регионального сотрудничества в этой сфере. Вопросы безопасности остаются важным фактором для Пекина при оказании официального финансирования развития. Прежде всего, это связано с обеспечением безопасности границ Синьцзян-Уйгурского автономного района от растущих террористических угроз. Как уже было сказано, данная проблема остается актуальной на протяжении многих лет, и Китай стремится пресечь любую возможную поддержку уйгурского сепаратизма извне, особенно в условиях усиления американского давления. Параллельно Китай пытается ускорить процесс экономического развития СУАР, в том числе через интенсификацию экономических связей между регионом и странами ЦА. Кроме того, по мнению Д.Б. Малышевой, Китай заинтересован в политической стабильности государств Центральной Азии на фоне ситуации в

⁴⁰⁷ См. подробнее: 李进峰 [Li Jinfeng]. “一带一路” 境外合作区高质量发展：理念、实践与实现路径 [High-quality Development of the “Belt and Road” Overseas Cooperation Zone: Concept, Practice and Realization Path] // 中共中央党校（国家行政学院）学报. [Journal of the Party School of the Central Committee of the Communist Party of China (National Academy of Administration)]. – 2021. – Vol. 25, No. 2. – P. 109–117.

⁴⁰⁸ Проект газопровода ТАПИ был предложен АБР в 2002 г., в 2015 г. Туркменистан начал строительство своего участка газопровода, однако в 2021 г. проект был заморожен из-за прихода к власти талибов в Афганистане.

⁴⁰⁹ 新时代的中国国防. 白皮书 [China's National Defense in the New Era. White Paper] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. [Information Office of the State Council of the People's Republic of China]. – 24.07.2019. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 29.06.2025).

Афганистане⁴¹⁰, а также в контексте рисков «перелива» угроз в Китай и потери Пекином влияния в регионе в случае прихода к власти враждебно настроенных сил.

На текущий момент ключевую угрозу для региональной безопасности представляет недавний приход движения «Талибан» к власти в Афганистане, с которым граничат Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан. После вывода американских войск в 2021 г. Китай стал уделять большое внимание укреплению региональной безопасности посредством строительства баз, проведения совместных учений и поставок военной техники в указанные страны. Как считает Н.А. Николаев, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН, важная цель Пекина – добиться от Афганистана прекращения подготовки боевиков из Синьцзян-Уйгурского автономного района, и в продолжение этого трека в начале июля 2023 г. Китай открыл транспортный коридор, проходящий через Кыргызстан в Афганистан.⁴¹¹ Кроме того, КНР направляла гуманитарную помощь и контактировала на уровне министерств иностранных дел и бизнес-миссий. Так, несмотря на настороженность китайских властей по отношению к событиям в Афганистане, Пекин начал постепенно выстраивать конструктивные отношения с движением Талибан.

Наиболее интенсивно развивается сотрудничество Китая с Таджикистаном в силу уязвимости его горной границы с Афганистаном и общей границы с Китаем, угрозы наркотрафика и высоких рисков распространения терроризма и радикализма. В 2016, 2019, 2021, 2023 гг. проводились и совместные военные учения ВС Китая и Таджикистана⁴¹². Заметно выросло военно-техническое сотрудничество между Китаем и остальными странами ЦА – так, бывший посол Индии в Казахстане отмечал, что на долю Китая сегодня приходится около 18 % от общего объема военных закупок всех стран Центральной Азии по сравнению с

⁴¹⁰ Малышева Д. Афганистан и новая международная конфигурация в Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 4. – С. 40.

⁴¹¹ Николаев Н.А. Второй саммит «Китай–Центральная Азия»: риски от институционализации формата растут? // Журнал «Евразийские исследования». – 2025. – Т. 1, № 3 – С. 23.

⁴¹² Панфилова В.В. Китайцы вышли на охрану таджикско-афганской границы // Независимая газета. – 2019. URL: https://www.ng.ru/cis/2019-07-30/1_7636_border.html (дата обращения: 07.08.2025).

примерно 1 % в начале прошлого десятилетия⁴¹³. Кроме того, в Таджикистане в 2018 – 2020 гг. был расположен военный объект, который не признается на официальном уровне⁴¹⁴, а в 2021 г. в парламенте Таджикистана был представлен план сотрудничества с Китаем, по которому Пекин за свой счет будет строить объект для таджикского МВД близ границы с Афганистаном⁴¹⁵.

Усиление Китая в Центральной Азии в области безопасности не ставит целью вытеснение России, а направлено лишь на обеспечение собственных интересов по защите от растущих региональных угроз. По мнению А.А. Перминовой, научного сотрудника Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН, «вложения в безопасность в Центральной Азии, как на уровне грантовых поставок техники, строительства зданий для местных ведомств или продажи новейших технологичных вооружений – часть политики по поддержке китайских зарубежных интересов. А точечные решения по странам региона, выгодные предложения или безвозмездная помощь помогают Пекину с большей уверенностью реализовывать политику по политическому, гуманитарному, а главное – экономическому сотрудничеству со странами Центральной Азии»⁴¹⁶.

На сегодняшний день Китай имеет обширные интересы в ЦА в сферах безопасности, экономики и геополитики, для удовлетворения которых применяет большой спектр инструментов. До недавнего времени Китай поддерживал отношения со странами ЦА либо на двусторонней основе, либо в рамках ШОС. В 2020 г. на фоне пандемии коронавируса, перегруженности здравоохранительных систем и экономического кризиса в странах ЦА, Китай запустил новый формат взаимодействия 5+1 на уровне министров иностранных дел. У. Хашимова,

⁴¹³ Sajjanhar A. China-Central Asia Relations: an Uneasy Co-existence // Observer Research Foundation. – 10.03.2021. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/china-central-asia-relations-an-uneasy-co-existence/> (дата обращения: 29.07.2025)

⁴¹⁴ Tajikistan: Secret Chinese Base Becomes Slightly Less Secret // Eurasianet.*** – 2020. URL: <https://eurasianet.org/tajikistan-secret-chinese-base-becomes-slightly-less-secret> (дата обращения: 04.08.2025). (Деятельность Eurasianet признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 485-р от 14.04.2026).

⁴¹⁵ Россия и Китай делят Таджикистан // Газета.ру. – 28.10.2021. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/10/28_a_14145691.shtml (дата обращения: 04.04.2025).

⁴¹⁶ Перминова А.А. Эволюция взаимодействия КНР с государствами Центральной Азии в сфере безопасности с 2001 по 2021 гг. / Дисс. на соискание уч.ст. канд. полит. наук. – 2024. – С. 104.

аналитик Центра военно-морского анализа США, объясняет переход Китая к обсуждению региональных проблем в этом формате тем, что Китай стремился заручиться поддержкой дружественных стран на фоне обвинений западных лидеров в распространении вируса и по причине запуска новой информационной кампании о жестком обращении Китая с уйгурами⁴¹⁷.

В дальнейшем данный шестисторонний формат получил большее развитие – в 2021 г. была проведена вторая встреча министров иностранных дел КНР и стран ЦА в Сиане, на которой глава МИД КНР Ван И предложил разработать совместный план высококачественного развития⁴¹⁸ в духе Инициативы по глобальному развитию (GDI – Global Development Initiative), предложенной Си Цзиньпином в 2021 г. на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в целях содействия устойчивому развитию.

В 2022 г. в честь празднования 30-летия отношений Китая со странами ЦА⁴¹⁹ на онлайн-саммите Си Цзиньпин призвал к формированию «сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии»⁴²⁰, предполагающему углубленное партнерство стран региона с Китаем не только в экономической, но и в политической и гуманитарной сферах. Кроме того, он выразил готовность приложить большие усилия по формированию тесного сообщества единой судьбы с государствами региона⁴²¹ и взял обязательства по предоставлению 50 миллионов доз вакцин от COVID-19 странам Центральной Азии, активизации совместного

⁴¹⁷ Hashimova U. China Launches 5+1 Format Meetings with Central Asia // The Diplomat. – 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/07/china-launches-51-format-meetings-with-central-asia/> (дата обращения: 29.03.2025).

⁴¹⁸ Wang Yi Hosts "China+Central Asia" Foreign Ministers' Meeting // CIDCA. – 14.05.2021. URL: http://en.cidca.gov.cn/2021-05/14/c_621945.htm (дата обращения: 29.06.2025).

⁴¹⁹ 中国同中亚五国领导人关于建交 30 周年的联合声明 (全文) [Full Text of the Joint Statement by the Leaders of China and the Five Central Asian Countries on the 30th Anniversary of Diplomatic Relations] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 26.01.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202201/t20220126_10633759.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

⁴²⁰ 关于深化“中国+中亚五国”互联互通合作的倡议 [Initiative on Deepening Connectivity Cooperation between China and the Five Central Asian Countries] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 09.06.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676980/1207_676992/202206/t20220609_10700888.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

⁴²¹ Си Цзиньпин провел онлайн-саммит по случаю 30-летия дипотношений между КНР и пятью странами Центральной Азии // Синьхуа Новости. – 26.01.2022. URL: http://russian.news.cn/2022-01/26/c_1310440615.htm (дата обращения: 08.08.2025).

производства и передачи технологий вакцин и лекарств.⁴²² Кроме того, глава КНР пообещал предоставить грантовую помощь странам региона в объеме 500 млн долл. в ближайшие три года, связав это с продвижением глобальной повестки ООН в области устойчивого развития.⁴²³

Вывод американских войск из Афганистана в 2021 г., январские протесты в Казахстане 2022 г., а также эскалация конфликта вокруг Украины к 2022 г. и ее комплексные региональные последствия также способствовали усилению внимания КНР к региону. С одной стороны, усиление напряженности между Россией и Западом создало для Пекина дополнительные риски, связанные с возможной дестабилизацией евразийского пространства. С другой стороны, отвлечение внимания и ресурсов РФ и наращивание давления США и ЕС на страны ЦА требовали укрепления китайского присутствия. С этим согласен и Сунь Чжуанчжи, директор ИРВЕЦА КАОН, который утверждает, что после ухода США из Афганистана ЦА стала ареной нового раунда соперничества великих держав за безопасность и экономическое доминирование.⁴²⁴

В этих условиях, во-первых, интенсифицировались встречи между лидерами в двусторонних и многосторонних форматах. По итогам саммита формата C5+Китай 2023 г. была принята Сианьская декларация. Этот документ, на наш взгляд, демонстрирует трансформацию подхода китайского руководства к стратегическому взаимодействию со странами ЦА, где на смену преимущественно экономически ориентированной политике приходит более комплексная модель регионального сотрудничества. Если ранее взаимодействие строилось преимущественно на проектной основе в рамках инициативы «Пояс и путь» с

⁴²² China to Aid 5 Central Asia Countries with Additional 50 Million Vaccines, to Continue 'High-Level Political Mutual Trust' // Global Times. – 26.01.2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246926.shtml?id=11> (дата обращения: 7.04.2025).

⁴²³ 习近平在中国同中亚五国建交30周年视频峰会上的讲话（全文） [Full Text of Xi Jinping's Speech at the Virtual Summit Marking the 30th Anniversary of Diplomatic Relations Between China and the Five Central Asian Countries] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 25.01.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202201/t20220125_10633561.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

⁴²⁴ 孙壮志 [Sun Zhuangzhi]. 阿富汗变局后的中亚安全: 大国博弈与地区合作 [Security in Central Asia after the changes in Afghanistan: the Game of Great Powers and Regional Cooperation]. 俄罗斯东欧中亚研究 [Russian, Eastern European, and Central Asian Studies]. – 2022. – No. 1. – P. 1.

акцентом на строительство объектов транспортной и энергетической инфраструктуры, то теперь наблюдается внедрение более системного подхода, в котором официальное финансирование выступает одним из ключевых инструментов политики.⁴²⁵ Подтверждением этому выступают намерения по учреждению регулярного саммита С5+Китай, созданию Делового совета, Форума индустриально-инвестиционного сотрудничества, а также Банка данных приоритетных зеленых проектов. Кроме того, Сианьская декларация отмечает роль инструментов официального финансирования развития, направленных на укрепление экономической устойчивости⁴²⁶ региона, усиление промышленной кооперации и диверсификацию торговли.⁴²⁷ По мнению И.Ю. Зуенко, ведущего научного сотрудника ИМИ МГИМО, именно с саммита Китая и Центральной Азии 2023 г. следует отсчитывать новый этап китайской политики в регионе, а учреждение постоянного секретариата Китай-Центральной Азии в Сиане в марте 2024 г. знаменует собой запуск новой интеграционной организации, отличающейся от других стремлением Китая к достижению политических (не только экономических) целей и отсутствием России в ее составе.⁴²⁸ Согласно же Хань Лу и Ли Тяньи из Центра евразийских исследований Китайского института международных исследований (КИМИ), институционализация формата «Китай + ЦА» и его перевод на уровень встреч государств создают дополнительные возможности для расширения гуманитарного сотрудничества как элемента более широкой региональной стратегии КНР.⁴²⁹

⁴²⁵ См. подробнее: 孙壮志 [Sun Zhuangzhi]. 构建中国—中亚命运共同体的内涵与路径 [The Connotation and Path of Building a Community China–Central Asia Shared Destiny] // 当代世界 [Contemporary World]. – 2024. – № 7. URL: <http://euroasia.cssn.cn/kycg/lw/202409/W020240927379312273108.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴²⁶ 中国—中亚峰会西安宣言（全文） [Full Text of the Xi'an Declaration of the China-Central Asia Summit] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 19.05.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

⁴²⁷ 中国—中亚峰会成果清单（全文） [Full Text of the List of Outcomes of the China-Central Asia Summit] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 19.05.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080191.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

⁴²⁸ Zuenko I. Yu. China's Activity in Central Asia in Light of Russian Interests // *Russia in Global Affairs*. – 2025. – Т. 23, № 2. – P. 146–164.

⁴²⁹ 韩璐, 李天毅 [Han Lu, Li Tianyi]. 新时期中国与中亚国家人文合作：机遇与路径 [Humanities cooperation between China and Central Asian Countries in the new era: Opportunities and Paths] // 俄罗斯学刊 [Academic Journal of Russian Studies] – 2023. – No. 4 – P. 123.

Повышение значимости Центральной Азии в современной китайской политике подтверждается и содержанием Белой книги 2023 г. «Инициатива Пояс и путь: ключевая опора для сообщества единого будущего в глобальном мире»⁴³⁰, где регион обозначен как одно из ключевых направлений сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь». Документ фиксирует успехи в реализации ряда проектов и обозначает дальнейшие направления деятельности по улучшению транспортной связанности региона, развитию цифрового сотрудничества и взаимодействия в культурной и гуманитарной сфере.

Как отмечает Я.В. Лексютина, главный научный сотрудник ИКСА РАН, со второй половины 2022 г., по мере отступления пандемии COVID-19, Китай форсированно приступил к укреплению своих позиций в Центральной Азии с помощью новых подходов и инструментов, пытаясь адаптироваться к меняющемуся региональному политическому ландшафту, прежде всего обусловленному сменой политических элит и национальных стратегий стран Центральной Азии. Китай стремился снизить уровень синофобии в регионе, содействовать решению стоящих перед Китаем на текущем этапе магистральных задач в области экономического развития (обеспечение энергетической и продовольственной безопасности, стабильности глобальных цепочек поставок, развитие альтернативных транспортных коридоров и пр.).⁴³¹ В свою очередь, Е.В. Махмутова, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, считает, что важным фактором, стимулирующим китайское руководство к усилению присутствия в ЦА, стало политико-информационное давление на ЦА и Китай со стороны коллективного Запада, главным образом, США.⁴³²

⁴³⁰ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future // The State Council Information Office of the People's Republic of China. – October 2023. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202310/10/content_WS6524b55fc6d0868f4e8e014c.html (дата обращения: 08.08.2025).

⁴³¹ Лексютина Я.В. Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – № 28. – С. 87.

⁴³² Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023 – С. 97.

Важной вехой в развитии отношений Китая и стран ЦА стал Второй саммит ЦА5+Китай 2025 г., закрепивший переход сотрудничества на качественно новый уровень. По словам Чжао Луна, профессора и заместителя директора Шанхайского института международных исследований, участие Си Цзиньпина в саммите подчеркнуло приоритетность Центральной Азии во внешней политике Китая.⁴³³

В ходе саммита был подписан Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и странами Центральной Азии, который отразил изменения в стратегии Китая в регионе. Документ содержит положения, направленные на отказ от участия в союзах и блоках, направленных против участников договора, что, в первую очередь, является реакцией Китая на рост политической активности США и ЕС в регионе. Договор также отразил изменения в инвестиционных подходах КНР – если ранее китайские инвестиции концентрировались на крупных инфраструктурных проектах в рамках «Пояс и путь», то договор 2025 г. обозначил акцент на диверсификации механизмов сотрудничества. Важным пунктом является и углубление сотрудничества в области безопасности – договор предполагает взаимодействие в области обороны, оборонной промышленности и безопасности.⁴³⁴ В целом договор, дополненный положениями Астанинской декларации⁴³⁵, принятой по итогам Саммита, формирует новую систему сотрудничества, основанную на принципах взаимного уважения суверенитета, устойчивого развития и совместного противодействия

⁴³³ 中国国家主席习近平会见中亚国家领导人：为何此次峰会意义重大？ [Chinese President Xi Jinping Meets with Leaders of Central Asian Countries: Why is This Summit of Great Significance?] // Al Jazeera. – 17.06.2025. URL: <https://chinese.aljazeera.net/news/2025/6/17/中国国家主席习近平会见中亚国家领导人为何此次> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴³⁴ 中华人民共和国同哈萨克斯坦共和国、吉尔吉斯共和国、塔吉克斯坦共和国、土库曼斯坦、乌兹别克斯坦共和国永久睦邻友好合作条约 [Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном, Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой]. – 17.06.2025. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/tt/202506/t20250617_698616.shtml (дата обращения: 08.08.2025).

⁴³⁵ 第二届中国–中亚峰会阿斯塔纳宣言 [Astana Declaration of the Second China–Central Asia Summit] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs]. – 18.06.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202506/t20250618_11652095.shtml (дата обращения: 08.08.2025).

современным вызовам.⁴³⁶ Как отмечает Дин Сяосин, заместитель генерального секретаря Академического комитета Китайского института современных международных отношений, на саммите впервые «дух Китай-Центральная Азия» проявил себя как идеологический и правовой ориентир, а «четыре взаимности» (взаимопомощь, взаимное уважение, взаимная выгода и взаимное стратегическое доверие) перешли из декларативной плоскости в практическую.⁴³⁷

Важнейшим аспектом нового этапа стала его глубокая институционализация, а создание специализированных центров по снижению бедности, образовательным обменам, развитию торговой платформы в рамках инициативы «Пояс и путь», а также по борьбе с опустыниванием свидетельствует о расширении направлений сотрудничества в сфере развития. Как отмечает Сунь Ци, исполнительный директор Центра исследований России и Центральной Азии Шанхайской академии социальных наук, в отличие от фрагментарных деклараций Запада механизм «Китай–Центральная Азия» предоставляет осязаемые выгоды в транспорте, цифровой экономике, безопасности и модернизации, уверенно позиционируя Китай как системного партнера региона.⁴³⁸ Данные идеи получили конкретное выражение в форме обязательств Китая по предоставлению 1,5 млрд юаней помощи и 3 тыс. учебных мест в китайских вузах. По словам Си Цзиньпина, странам региона и КНР нужно еще больше фокусировать усилия на таких направлениях, как бесперебойная торговля, промышленность и инвестиции, транспортная взаимосвязанность, зеленое недропользование, модернизация сельского хозяйства и туризм.⁴³⁹

⁴³⁶ 第二届中国—中亚峰会成果清单 [List of Outcomes of the Second China-Central Asia Summit] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 18.06.2025. URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/202506/t20250618_11652102.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

⁴³⁷ 国际锐评 | “中国—中亚精神” 引领地区合作开新局 // 央视新闻. – 19.06.2025. URL: <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202506/19/WS68536ddaa310205377038e76.html> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴³⁸ 孙祁[Sun Qi]. 中国—中亚机制” 成为地区多边合作新范式 [The China-Central Asia Mechanism "has become a new paradigm of regional multilateral cooperation] // 上海社会科学院. – 19.06.2025. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/L0sekPoaXQ-mxbvKzZY5Xw> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴³⁹ Full text of Xi's Keynote Speech at Second China-Central Asia Summit. Championing the China-Central Asia Spirit for High-Quality Cooperation in the Region // The State Council of the People's Republic of China. – 18.06.2025. URL: https://english.www.gov.cn/news/202506/18/content_WS685222e5c6d0868f4e8f36f0.html (дата обращения: 08.08.2025).

Отдельное внимание в ходе саммита уделялось одному из ключевых стратегических интересов Китая в Центральной Азии – логистике и транспортной инфраструктуре. Центральное место занял старт железнодорожного проекта «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», который рассматривается как часть стратегии по связыванию регионов в рамках «Пояса и пути». Как считает В.А. Хилл, помощник директора Программы по энергетике, экономическому росту и безопасности в Международном налоговом и инвестиционном центре, выстраивание и использование торговой артерии, связывающей Китай с Европой через Северный коридор и Срединный коридор, может уменьшить военно-морское превосходство США и ускорить формирующийся евро-американский раскол.⁴⁴⁰

Важным событием, подтверждающим растущую роль Китая как архитектора новой системы региональной безопасности и сотрудничества, стал саммит ШОС в Тяньцзине в конце августа 2025 г. Форум продемонстрировал качественную трансформацию организации: из регионального объединения КНР, РФ и стран ЦА, сфокусированного преимущественно на вопросах безопасности, ШОС превратилась в платформу экономического и военно-политического сотрудничества 10 постоянных членов и 17 стран-партнеров. Кроме того, на саммите ШОС было принято историческое решение: подписаны документы о создании банка развития ШОС, который позволит странам-участницам проводить расчеты в национальных валютах.⁴⁴¹ Кроме того, банк призван стать инструментом укрепления влияния ШОС в Центральной Азии и за ее пределами и элементом новой финансовой архитектуры, альтернативной западной.

За три десятилетия стратегические приоритеты Китая в Центральной Азии претерпели значительную трансформацию: от достаточно узкого фокуса на решении пограничных вопросов и обеспечении безопасности СУАР в 1990-е годы до всеобъемлющего экономического партнерства в рамках инициативы «Пояс и путь» и формата ЦА5+Китай. Инструменты ОФР, первоначально игравшие

⁴⁴⁰ Hill W.A. C5+Xi: China Makes Moves in Eurasia // The Diplomat. – 24.06.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/06/c5xi-china-makes-moves-in-eurasia/> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁴¹ Страны ШОС учредят Банк развития организации // ТАСС. – 01.09.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raporama/24921341> (дата обращения: 08.09.2025).

вспомогательную роль, к 2020-м годам стали мыслиться ключевым элементом китайской политики, способствуя укреплению инфраструктурных, энергетических и торговых связей. Современный этап сотрудничества между Китаем и странами ЦА характеризуется ускорением темпов институционализации сотрудничества, смещением акцента в сторону гуманитарных проектов и диверсификацией экономических направлений сотрудничества. Конкуренция с Западом и последствия эскалации конфликта вокруг Украины ускорили эту эволюцию, сделав ЦА критически важным направлением для реализации китайских глобальных геостратегических интересов.

3.2. Динамика и структура потоков ОФР из Китая в страны Центральной Азии в меняющемся геополитическом контексте

Официальные власти КНР не публикуют полной детализированной статистики по общему объему оказываемой ими помощи, однако существуют различные дополнительные источники, которые позволяют их оценить. Наиболее полная картина масштабов применения Китаем инструментов официального финансирования развития складывается на основе ознакомления с набором данных, сформированным лабораторией AidData в Колледже Вильгельма и Марии (США). Данный ресурс крайне полезен в плане анализа потоков ресурсов, предоставляемых Китаем, в том числе и в страны Центральной Азии (до 2023 г. включительно). Согласно ему, объемы обязательств КНР по оказанию содействия международному развитию, соответствующего критериям официальной помощи развитию (далее по тексту под ОПР Китая понимается содействие международному развитию КНР, соответствующее критериям официальной помощи развитию), с 2000 по 2023 г. составили 137 млрд долл., в том числе с 2013 по 2023 г. – 72 млрд долл. Китайское прочее официальное финансирование (ПОФ), включающее нелюбительные и частично льготные кредиты, в свою очередь, составило 1 242 млрд долл. с 2000 по 2023 г., в том числе с 2013 по 2023 гг. – 860 млрд долл.⁴⁴²

Данные, собранные AidData, показывают, что в период с 2001 по 2012 гг. Китай предоставил странам Центральной Азии 68 млрд долл. в виде официального финансирования, из которых 1,9 млрд долл. пришлось на потоки содействия международному развитию, соответствующие критериям ОПР, а 64,8 млрд долл. – на ПОФ. Основными реципиентами китайской помощи, соответствующей критериям ОПР, сегодня являются Узбекистан и Таджикистан, а адресатами прочего официального финансирования – Казахстан и Туркменистан.

⁴⁴² China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: <https://www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0> (дата обращения: 18.11.2025).

С 2013 г. начался новый этап китайской политики в Центральной Азии, связанный с приходом Си Цзиньпина на пост Председателя КНР и началом реализации инициативы «Пояс и путь», в рамках которой Центральная Азия приобрела для Пекина особое значение. Для обеспечения интересов Китая в сфере транзита товаров через страны ЦА использовались расширение инвестиций в транспортную и энергетическую инфраструктуру, а также финансирование проектов через «связанное» кредитование. Китайские власти – устами Юй Цзыруна, заместителя директора департамента иностранной помощи министерства торговли КНР, давали прямые обещания «увеличить помощь ключевым странам-получателям в рамках Инициативы «Один пояс – один путь», в том числе и странам ЦА»⁴⁴³.

Инициатива «Один пояс – один путь» стала мощным стимулом для наращивания официальных потоков помощи и прочего официального финансирования со стороны КНР в страны Центральной Азии, власти которых весьма охотно их принимали. Как заявляли В.Б. Кашин и А.С. Королев из ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, страны региона надеялись, что реализация инициативы «Пояс и путь» станет катализатором повышения эффективности помощи Пекина.⁴⁴⁴

С 2013 по 2023 г. потоки китайского официального финансирования, согласно данным AidData, в регион составили 36,7 млрд долл. (из них потоки, соответствующие критериям ОПР, – 4,1 млрд долл., и ПОФ – 29,2 млрд долл., а также официальные потоки, которые не могут быть отнесены к ОПР или ПОФ – 3,5 млрд долл.). На пять стран Центральной Азии пришлось 5,6% от всего объема потоков китайского СМР, соответствующего критериям ОПР, за указанный период и 3,4% от всего объема китайского ПОФ.

Приведенные выше цифры смотрятся еще более рельефно на фоне их сравнения с объемами ОФР, предоставленного США за тот же период. (Рис. 1)

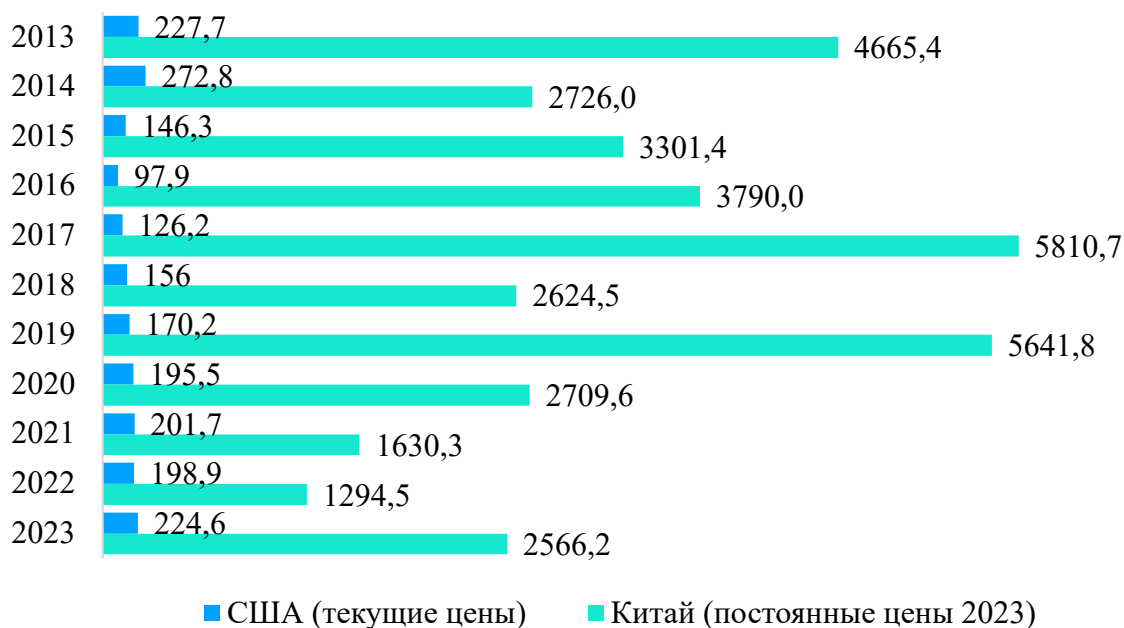
⁴⁴³ 商务部: 加大对 “一带一路” 沿线受援国援助力度 [Ministry of Commerce: Increase Assistance to Recipient Countries along the "Belt and Road"] // 人民网 [People's Daily]. – 08.12.2014. URL: <https://web.archive.org/web/20160207045335/http://politics.people.com.cn/n/2014/1208/c70731-26170913.html> (дата обращения: 04.04.2025).

⁴⁴⁴ Кашин В.Б., Королев А.С. Помощь КНР странам Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 3. – С. 83.

Анализ объемов китайского ОФР для стран ЦА за период 2013–2023 гг. выявляет четкую взаимосвязь между динамикой потоков финансирования и эволюцией стратегических приоритетов Пекина в регионе. В указанный период было три отчетливых пика – в 2013 г. (4,7 млрд долл.), 2017 г. (5,8 млрд долл.) и 2019 г. (5,6 млрд долл.) (Табл. 12).

Рис. 1

Сопоставление отдельных показателей объемов обязательств ОФР КНР и США для стран Центральной Азии (млн долл.)

Источник: China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025); ForeignAssistance.gov. URL: <https://foreignassistance.gov/> (дата обращения: 01.08.2025).

2013 г. был годом запуска инициативы «Один пояс – один путь». Финансовые средства были сконцентрированы преимущественно в энергетическом и транспортном секторах. Крупнейшим проектом стало финансирование строительства узбекского участка газопровода ЦА–Китай на сумму 1,6 млрд долл. Кроме того, были приняты обязательства по строительству тоннеля Камчик в Узбекистане, а также реконструкции дороги Север – Юг в Кыргызстане, что соответствовало стратегическим задачам КНР по формированию трансконтинентальных транспортных коридоров.

Совокупные объемы обязательств КНР

по предоставлению ОФР странам ЦА

(с 2013 по 2023 гг., млн долл. США, в постоянных ценах 2023 г.)

Год	Тип ОФР	Получатели ОФР					
		Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекиста н	Центральная Азия
2013	ОПР	98,4	0,0	26,7	0,0	748,4	873,5
	ПОФ	465,3	1133,2	202,6	0,0	1551,0	3352,1
	<i>ОФР, всего</i>	<i>977,3</i>	<i>1133,2</i>	<i>255,5</i>	<i>0,0</i>	<i>2299,3</i>	<i>4665,4</i>
2014	ОПР	0,1	9,3	228,1	0,0	132,6	370,0
	ПОФ	475,8	188,7	706,6	0,0	350,1	1721,2
	<i>ОФР, всего</i>	<i>988,7</i>	<i>223,6</i>	<i>963,3</i>	<i>0,0</i>	<i>550,4</i>	<i>2726,0</i>
2015	ОПР	437,7	149,7	1,7	0,0	0,2	589,2
	ПОФ	2238,0	193,8	0,0	0,0	234,1	2665,9
	<i>ОФР, всего</i>	<i>2675,7</i>	<i>343,5</i>	<i>20,5</i>	<i>0,0</i>	<i>261,7</i>	<i>3301,4</i>
2016	ОПР	0,1	80,3	9,8	0,0	23,4	113,6
	ПОФ	2781,3	0,0	676,9	0,0	0,0	3458,2
	<i>ОФР, всего</i>	<i>2966,8</i>	<i>113,1</i>	<i>686,7</i>	<i>0,0</i>	<i>23,4</i>	<i>3790,0</i>
2017	ОПР	1,8	44,1	336,8	0,0	81,4	464,1
	ПОФ	4030,9	163,9	63,4	0,0	468,3	4726,5
	<i>ОФР, всего</i>	<i>4571,4</i>	<i>207,9</i>	<i>400,3</i>	<i>0,0</i>	<i>631,1</i>	<i>5810,7</i>
2018	ОПР	0,0	76,7	167,1	0,0	92,9	336,7
	ПОФ	1404,0	28,2	100,9	0,0	503,1	2036,2
	<i>ОФР, всего</i>	<i>1404,0</i>	<i>104,9</i>	<i>268,1</i>	<i>0,0</i>	<i>847,6</i>	<i>2624,5</i>
2019	ОПР	328,3	17,2	232,0	1,5	25,8	604,7
	ПОФ	2445,7	0,0	61,0	0,0	2454,8	4961,5
	<i>ОФР, всего</i>	<i>2773,9</i>	<i>17,2</i>	<i>293,0</i>	<i>1,5</i>	<i>2556,2</i>	<i>5641,8</i>
2020	ОПР	105,8	9,6	34,9	0,0	0,7	151,0
	ПОФ	959,3	0,0	593,2	0,0	815,0	2367,5
	<i>ОФР, всего</i>	<i>1078,8</i>	<i>9,6</i>	<i>628,2</i>	<i>0,0</i>	<i>993,0</i>	<i>2709,6</i>
2021	ОПР	0,0	81,5	172,4	0,0	117,6	371,5
	ПОФ	587,4	0,0	91,8	0,0	228,6	907,8
	<i>ОФР, всего</i>	<i>587,4</i>	<i>81,5</i>	<i>264,2</i>	<i>0,0</i>	<i>697,1</i>	<i>1630,3</i>
2022	ОПР	0,0	13,6	43,5	85,1	0,0	142,2
	ПОФ	697,0	0,0	51,5	0,0	333,6	1082,1
	<i>ОФР, всего</i>	<i>697,0</i>	<i>13,6</i>	<i>95,0</i>	<i>85,1</i>	<i>403,8</i>	<i>1294,5</i>
2023	ОПР	0,1	0,1	0,0	0,0	40,0	40,2
	ПОФ	854,8	0,0	86,5	0,0	1020,5	1961,8
	<i>ОФР, всего</i>	<i>1154,9</i>	<i>0,1</i>	<i>120,6</i>	<i>0,0</i>	<i>1290,6</i>	<i>2566,2</i>

Источник: China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025.

URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025).

Второй пик совпал с проведением первого форума международного сотрудничества «Пояс и путь» в мае 2017 г. в Пекине. Обозначилась также тенденция к росту финансирования транспортного сектора (его доля в портфеле выросла с 17% в 2013 г. до 32%) и – в меньшей степени – остальных отраслей (табл.13). Кроме того, после 2017 г. заметно увеличились объемы официального финансирования Китаем проектов в Узбекистане, что стало результатом синхронизации интересов Пекина и Ташкента после прихода Ш. Мирзиёева на пост президента Узбекистана. Следующее значительное увеличение объемов китайского финансирования в ЦА пришлось на год проведения второго форума международного сотрудничества «Пояс и путь».

После 2020 г. объемы официального финансирования развития снижались – в 2021 г. до 1,6 млрд долл., а в 2022 г. до 1,3 млрд долл., но повысилась роль сектора здравоохранения в китайском ОФР до 6% в 2021 г. и 11% в 2022 г. Кроме того, на встречах на высшем уровне Китай брал на себя обязательства по предоставлению весьма существенных объемов помощи странам ЦА. Так, в январе 2022 г., на саммите, посвященном 30-летию установления дипломатических отношений между Китаем и пятью странами ЦА, председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай предоставит 50 млн доз вакцин от COVID-19 странам ЦА и активизирует совместное производство и передачу технологий изготовления вакцин и лекарств. Кроме того, глава КНР пообещал предоставить гранты странам региона в объеме 500 млн долл. в ближайшие три года на реализацию Целей устойчивого развития⁴⁴⁵. По мнению Хань Лу и Ли Тяньи из Центра евразийских исследований КИМИ, на фоне эпидемии гуманитарное сотрудничество Китая со странами Центральной

⁴⁴⁵ 习近平在中国同中亚五国建交30周年视频峰会上的讲话（全文） [Full Text of Xi Jinping's Speech at the Virtual Summit Marking the 30th Anniversary of Diplomatic Relations between China and the Five Central Asian Countries] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 25.01.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202201/t20220125_10633561.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

Азии достигло большего прогресса, заложив основу для дальнейшего партнерства.⁴⁴⁶

Одной из целей китайского официального финансирования в регионе является проецирование «мягкой силы» по причине наличия в Казахстане и Кыргызстане антикитайских настроений, обусловленных опасениями в отношении «китайской экспансии», историческими предрассудками и озабоченностью притеснениями тюркского населения в СУАР⁴⁴⁷, что не раз выплескивалось в протестную активность. По мнению Дэн Хао, аналитика Института Евразийского социального развития при Центре исследований развития Государственного Совета КНР, в начале 2020-х имел место дефицит «жесткой» и «мягкой» силы Китая в Центральной Азии.⁴⁴⁸ Аналитик Китайского института международных исследований Ма Цян также считает, что «мягкая сила» КНР в ЦА «по-прежнему уступает экономической мощи Китая и не соответствует уровню интенсивности экономического и социального взаимодействия между странами»⁴⁴⁹. Примечательно, что такую позицию разделяют и исследователи за пределами КНР: так, по мнению Р. Вандерхилл, ассоциированного профессора международных отношений Колледжа Уофффорд, С. Джойрман, профессора политологии Университета Ричмонда и независимого исследователя Р. Тулепбаевой, китайских инвестиций, образовательных обменов и медиаприсутствия пока недостаточно для превращения экономического присутствия КНР в «мягкую силу».⁴⁵⁰

⁴⁴⁶ 韩璐, 李天毅 [Han Lu, Li Tianyi]. 后疫情时代中国与中亚国家人文合作：机遇与路径 [Humanitarian cooperation between China and Central Asian Countries in the post-epidemic era: Opportunities and Paths] // 中亚国家发展报 [Central Asian Countries Development Report]. – 2022. URL: https://www.ydylcn.com/skwx_ydyl/initDatabaseDetail?siteId=1&contentId=11578391&contentType=literature&type=%25E6%258A%25A5%25E5%2591%258A (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁴⁷ Подробнее см.: Мендагазиев А.Е. «Мягкая сила» Китая в Центральной Азии: инструменты и ограничители // «Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности». Сборник статей. Под общ. ред. Кашириной Т.В., Агуреева С.А. – М., 2021. – С. 494–495.

⁴⁴⁸ 邓浩 [Deng Hao]. 丝绸之路经济带与中国的中亚外交 ["Silk Road Economic Belt" Central Asian Diplomacy with China] // 国务院发展研究中心欧亚社会发展研究所 [Institute of Eurasian Social Development, Development Research Center of the State Council]. – 07.05.2020. URL: <http://www.easdro.org.cn/newsinfo/518495.html> (дата обращения: 7.07.2025).

⁴⁴⁹ 马强 [Ma Qiang]. 大国在中亚的“软实力”政策比较分析 [Comparative Analysis of the “Soft Power” Policies of Major Powers in Central Asia] // 俄罗斯学刊 [Academic Journal of Russian Studies]. – 2019. – Vol. 9, No. 4 – P. 128.

⁴⁵⁰ Vanderhill R., Joireman S.F., Tulepbayeva R. In the Shadow of the Dragon: Chinese Soft Power in Central Asia // International Affairs. – 2025. – Vol. 101, No. 4. – P. 1461.

За период с 2013 по 2023 г. Китай направил значительные объемы ОФР в страны ЦА на развитие добычи полезных ископаемых, промышленности и строительство инфраструктуры – 56% от всего объема, а на три сектора, включая «Транспорт и хранение» и «Энергетика» пришлось совокупно 79%, в то время как на все остальные – 21% с долей каждого не более 4% (Табл.13). Однако после эскалации конфликта вокруг Украины в 2022 г. китайская политика применения инструментов ОФР в Центральной Азии начала меняться.

Таблица 13

Секторальное распределение китайского ОФР с 2013 по 2023 гг.

(в %, на основе принятых обязательств)

Сектор	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Все-го
Промышленность, добыча полезных ископаемых, строительство	59	48	61	92	44	26	64	64	51	41	44	56
Транспорт и хранение	17	8	22	2	32	31	19	4	7	0	6	16
Энергетика	18	12	0	0	4	7	3	1	12	0	14	6
Банковские и финансовые услуги	1	0	1	0	1	29	5	2	2	29	1	4
Нераспределенная помощь	0	0	6	5	13	0	1	0	11	9	0	4
Межотраслевые проекты	0	19	0	0	0	1	0	0	0	0	23	3
Торговая политика и регулирование	0	0	0	0	0	1	6	19	0	0	0	2
Коммуникации	0	6	2	0	0	0	1	5	8	10	1	2
Государственное управление и развитие гражданского общества	1	0	0	0	4	5	0	0	0	0	10	2
Бизнес и другие услуги	2	1	0	0	1	0	0	4	0	0	0	1
Здравоохранение	0	0	0	1	0	0	0	1	6	11	0	1
Образование	2	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Другая товарная помощь	0	0	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Водоснабжение и санитария	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Сельское хозяй-ство, лесное хозяй-ство, рыболовство	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Продовольственная помощь	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0
Прочая социальная инфраструктура и услуги	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0

Источник: China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025).

Усиление западной конфронтационной риторики в отношении Китая потребовало сдвигов во взаимодействии со странами региона. Так, весной 2023 г. на саммите «Китай – Центральная Азия» Си Цзиньпин пообещал предоставить финансовую поддержку в объеме 3,7 млрд долл., чтобы содействовать сотрудничеству с центральноазиатскими странами, а также развитию этих государств.⁴⁵¹ Согласно данным AidData, в 2023 г. объем обязательств практически достиг уровня 2020 г. и вырос на 98% по сравнению с предыдущим годом именно за счет увеличения финансирования ПОФ (с параллельным снижением ОПР), особенно для Казахстана и Узбекистана. Кроме того, в 2023 г. беспрецедентно вырос объем средств, направляемых в сектор «Государственное управление и развитие гражданского общества» (10% от общей помощи) и на межотраслевые проекты (23%).

Стагнация китайской экономики, начавшаяся в 2023 – 2024 гг., по нашему мнению, способствовала снижению объемов китайской помощи. Так, в 2025 г. на саммите ЦА5+Китай Си Цзиньпин пообещал предоставить уже лишь 209 млн долл. для улучшения общественного благосостояния стран ЦА⁴⁵². Наряду с продолжением финансирования крупномасштабных инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Пояс и путь», Пекин стал реализовывать более мелкие программы гуманитарной помощи. Из материалов КАСМР следует, что запуск «малых и прекрасных» проектов позиционируется Китаем как новый этап в развитии инициативы «Пояс и путь», подчеркивающий приверженность КНР гуманитарным мотивам в оказании помощи, и направлен на укрепление международной репутации КНР.⁴⁵³ Одним из проектов является организация питания для более 100 тыс. школьников в Кыргызстане в 2025 г., реализованная китайским правительством в

⁴⁵¹ Progress Report on the Global Development Initiative 2023 // Center for International Knowledge on Development. 2023. – P. 10.

⁴⁵² Championing the China–Central Asia Spirit for High-Quality Cooperation in the Region. Keynote Speech by H.E. Xi Jinping // Xinhua. – 17.06.2025. URL: <https://english.news.cn/20250618/8d15248700c5498f817102af488d2666/c.html> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁵³ "Small and Beautiful" Projects // CIDCA, CIKD. – 02.2025. URL: <http://en.cidca.gov.cn/pdf/InternationalDevelopmentCooperationChinasPracticeSmallandBeautifulProjects.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

сотрудничестве со Всемирной продовольственной программой⁴⁵⁴, при финансовой поддержке Фонда глобального развития Китая и сотрудничества Юг – Юг⁴⁵⁵. Весьма показательно, что такие изменения в применении инструментов ОФР происходят на фоне сворачивания деятельности АМР США и значительного уменьшения американского финансирования развития в регионе при второй администрации Д. Трампа.

В 2023 г. Дэн Боцин, заместитель председателя КАСМР, провел встречу с послом Узбекистана в Китае Ф. Арзиевым, в ходе которой подтвердил реализацию консенсуса, достигнутого двумя главами государств относительно построения «Пояса и пути», реализации Инициативы по глобальному развитию и углубления двустороннего сотрудничества. Ф. Арзиев, в свою очередь, выразил признательность Китаю за долгосрочное содействие социально-экономическому развитию Узбекистана и обозначил желание перенимать опыт Китая в области государственного управления.⁴⁵⁶ Представители властей Узбекистана встречались с представителями КАСМР и Эксимбанка КНР также на Ташкентском международном инвестиционном форуме в 2025 г.⁴⁵⁷

В 2024 г. председатель КАСМР провел встречу с министром цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Казахстана Ж. Мадиевым, на которой обсуждались проекты в области научно-технических

⁴⁵⁴ 向吉尔吉斯斯坦学龄儿童提供粮食援助项目启动 [Launch of the Food Assistance Project for School-Age Children in Kyrgyzstan] // 国家国际发展合作署 [China International Development Cooperation Agency]. – 20.05.2025. URL: <https://www.cidca.gov.cn/20250520/cddc924ba5364cfe9ee561fa820ed319/c.html> (дата обращения: 01.03.2026).

⁴⁵⁵ Китайский Фонд глобального развития и сотрудничества Юг – Юг (China Global Development and South-South Cooperation Fund) – государственный инвестиционный механизм, созданный Китаем для финансирования инфраструктурных и промышленных проектов в развивающихся странах в рамках инициативы «Пояс и путь», сочетающий льготные кредиты с коммерческими инвестициями.

⁴⁵⁶ 邓波清副署长会见乌兹别克斯坦驻华大使阿尔济耶夫 [CIDCA Vice Chairman Deng Boqing Meets with the Ambassador of Uzbekistan to China] // 国家国际发展合作署 [China International Development Cooperation Agency]. – 16.08.2023. URL: https://www.cidca.gov.cn/2023-08/16/c_1212256710.htm (дата обращения: 01.03.2026).

⁴⁵⁷ Эксимбанк Китая и Китайское агентство международного развития и сотрудничества (CIDCA) примут участие в 4-м Ташкентском международном инвестиционном форуме // Invest in Uzbekistan. – 16.04.2025. URL: <https://invest-in-uzbekistan.org/novosti-uzbekistana/eksimbank-kitaya-i-kitajskoe-agentstvo-mezhdunarodnogo-razvitiya-i-sotrudnichestva-cidca-primut-uchastie-v-4-m-tashkentskom-mezhdunarodnom-investitsionnom-forume/> (дата обращения: 08.08.2025).

инноваций.⁴⁵⁸ Кроме того, руководство КАСМР проводило переговоры с Казахстанским агентством международного развития, созданным Казахстаном для координации и реализации программ международной помощи в рамках исполнения обязательств как страны-донора.⁴⁵⁹ В этом же году были подписаны документы о сотрудничестве между КАСМР и Таджикистаном, предусматривающие оказание безвозмездной помощи, содействие в технико-экономическом обосновании строительства эстакады в Душанбе и сотрудничество в области развития человеческого капитала в рамках Инициативы по глобальному развитию.⁴⁶⁰

Ключевым направлением гуманитарного сотрудничества КНР со странами региона является реализация языковых и образовательных программ. В целях продвижения китайского языка Поднебесная расширяет сеть Институтов Конфуция, которых в Центральной Азии сегодня насчитывается уже 13 (5 в Казахстане, 4 в Кыргызстане, 2 в Узбекистане и 2 в Таджикистане)⁴⁶¹. Кроме того, Китай активно предоставляет студентам из стран ЦА стипендии на обучение в своих вузах. За 2010 – 2018 гг. абитуриентам из Центральной Азии правительством Китая было выдано в общей сложности более 5 тысяч грантов на обучение⁴⁶², а общее число студентов из стран Центральной Азии, прошедших обучение в вузах Китая с 2010 по 2017 г. (в том числе на коммерческой основе), согласно данным AidData, составило 160 тысяч человек – порядка 1/5 от общей численности всех иностранных студентов в Китае.⁴⁶³

⁴⁵⁸ 罗照辉署长会见哈萨克斯坦数字发展、创新和航空航天工业部部长马季耶夫 [CIDCA Chairman Luo Zhaohui Meets with the Kazakh Minister of Digital Development, Innovations and Aerospace Industry] // 国家国际发展合作署 [China International Development Cooperation Agency]. – 27.09.2024. URL: <https://www.cidca.gov.cn/20240927/853be625513f42089c7bc3cd49f7ec1c/c.html> (дата обращения: 01.03.2026).

⁴⁵⁹ KazAID обсудил сотрудничество на международной конференции в Китае // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. – 16.07.2024. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/810548?lang=ru> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁶⁰ 国家国际发展合作署与塔吉克斯坦三部门签署合作文件 [CIDCA Signs Cooperation Documents with Three Tajik Ministries] // 国家国际发展合作署 [China International Development Cooperation Agency]. – 06.07.2024. URL: <https://www.cidca.gov.cn/20240706/b3e8ee2f69e14858ba83eca7b26c2ab6/c.html> (дата обращения: 01.03.2026).

⁴⁶¹ Corridors of Power: How Beijing Uses Economic, Social, and Network Ties to Exert Influence along the Silk Road. – AidData at William & Mary. Williamsburg VA, 2021. – P. 16. URL: <https://www.aiddata.org/publications/corridors-of-power> (дата обращения: 7.06.2025).

⁴⁶² Aliev N. China's Soft Power in Central Asia // The Central Asia. Caucasus Analyst. – 2019. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13599-chinas-soft-power-in-central-asia.htm> (дата обращения: 7.06.2025).

⁴⁶³ China's Public Diplomacy // AidData. URL: <https://www.aiddata.org/datasets> (дата обращения: 7.06.2025).

После пандемии коронавируса поток студентов из Центральной Азии снова стал расти: в 2023 г. число узбекских студентов в Китае превысило 8000, а 4000 таджикских студентов и 15 000 казахстанских студентов поступили в китайские университеты как на грантовой, так и на платной основе.⁴⁶⁴ Следует ожидать, что изменение подхода к официальному финансированию повлияет и на рост стипендиальной поддержки студентов из стран региона. В частности, на саммите С5+Китай в 2025 г. Си Цзиньпин пообещал предоставить 3000 стипендий для обучения специалистов Центральной Азии по востребованным для социально-экономического развития региона направлениям.⁴⁶⁵

На современном этапе Си Цзиньпин также стремится обеспечить стабильность Центральной Азии за счет включения Афганистана в Китайско-пакистанский экономический коридор, с общей стоимостью проектов в 60 млрд долл.⁴⁶⁶ На последнем саммите ЦА5+Китай 2025 г. Си Цзиньпин сообщил о необходимости усилить региональную безопасность, углубить сотрудничество правоохранительных органов, совместно предотвращать распространение враждебных идеологий и решительно бороться с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Китай заявил о помощи странам Центральной Азии в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью, а также в области кибербезопасности и биологической безопасности.⁴⁶⁷

Наиболее значимым фактором в применении инструментов ОФР в регионе остаются экономические интересы Пекина. Среди них доступ к минеральным ресурсам, что продиктовано ростом внутреннего спроса на энергетические товары, критические минералы и другие металлы. Кроме того, КНР привлекают растущие рынки стран ЦА с низкой конкуренцией и слабой инфраструктурой,

⁴⁶⁴ Masalbekova A. Tangatarova N. What Happens to Central Asian Youth after Following China's 'Educational Silk Road?' // The Diplomat. – 29.12.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/12/what-happens-to-central-asian-youth-after-following-chinas-educational-silk-road/> (дата обращения: 7.06.2025).

⁴⁶⁵ Xi Jinping Attends the Second China–Central Asia Summit and Delivers a Keynote Speech // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. – 17.06.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/zyxw/202506/t20250619_11653305.html (дата обращения: 17.06.2025).

⁴⁶⁶ Талибы договорились с Китаем о включении Кабула в «Один пояс, один путь» // РБК. – 07.05.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/05/2023/64575af79a79472738532603> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁶⁷ Xi Jinping Attends the Second China–Central Asia Summit and Delivers a Keynote Speech // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. – 17.06.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/zyxw/202506/t20250619_11653305.html (дата обращения: 08.08.2025).

представляющие интерес с точки зрения экспорта китайских высокотехнологичных товаров и аутсорсинга китайской рабочей силы. Как уже ранее было отмечено, в указанный период большая часть китайского финансирования развития была направлена на финансирование проектов в отраслях «Промышленность, добыча, строительство» (21 млрд долл.), «Транспорт и хранение» (6 млрд долл.) и «Энергетика» (2,3 млрд долл.). Кроме того, большинство китайских проектов реализуется в форме «связанной» помощи, что предполагает привязку выделяемых средств к закупке китайских товаров, услуг или рабочей силы.

В случае ОПР финансирование происходит, главным образом, с помощью займов (58%), тогда как доля грантов составляла 42% с 2013 по 2023 г. Большая часть средств, соответствующих критериям ОПР, направляется в Узбекистан (31%) и Таджикистан (31%), Казахстан (24%) и Кыргызстан (12%). (Табл. 12). Потоки ПОФ, направляемые КНР в Центральную Азию, имеют иные характеристики. В ПОФ Китай также отдает приоритет производственным секторам – добыче полезных ископаемых и модернизации промышленных предприятий, а также сектору экономической инфраструктуры и услуг с проектами в области энергетики, транспорта и коммуникаций.

Дополнительную справочную информацию дает разделение проектов в датасете AidData с точки зрения их целеполагания на девелопменталистские (содействующие развитию), коммерческие, имиджевые, смешанные и военные. В Центральной Азии отсутствовали проекты с военными целями, тогда как имиджевых проектов в области образования насчитывалось 24 из 201, по которым отсутствовали данные по финансированию. Общая стоимость финансирования проектов ПОФ, нацеленных на развитие, составила 1,9 млрд долл., с коммерческой мотивацией – 10,9 млрд долл., со смешанными целями – 16,4 млрд долл.⁴⁶⁸

В географическом плане содействие развитию Китая в ЦА распределяется весьма неравномерно – исходя из интересов Китая и потребностей стран-

⁴⁶⁸ China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025).

реципиентов. Казахстан с крупными залежами полезных ископаемых, транспортным потенциалом и активно развивающимся рынком, имеет первоочередное значение в рамках реализации инициативы «Пояс и путь», и растущие объемы взаимной торговли обуславливают предоставление данной стране весьма крупных объемов официального финансирования со стороны КНР. Посредством инструментов ПОФ Китай содействует в Казахстане строительству и модернизации перерабатывающих заводов, строительству трубопроводов и транспортной инфраструктуры.

Вторым приоритетным направлением китайской политики сотрудничества в сфере развития в регионе является Узбекистан. Интерес Китая к данной стране обусловлен, в первую очередь, запасами природных ресурсов – природного газа, урана, меди, хлопка, а также транспортным потенциалом и туристической привлекательностью. Кроме того, Узбекистан приобретает важную роль в контексте возрастания угроз безопасности, связанных с ситуацией в Афганистане. Также, по оценке экспертов Аналитической сети Центральной Азии, для Китая Узбекистан является предпочтительным партнером в силу стабильной политической системы и отсутствия антикитайских настроений.⁴⁶⁹

Кыргызстан, где Китай преследует, в первую очередь, политические, а не чисто экономические интересы, является в некотором роде обратным примером. Слабая экономика, политическая нестабильность, антикитайские настроения среди населения⁴⁷⁰ и отсутствие большого количества природных ресурсов делают Кыргызстан не самым выгодным партнером для КНР. Однако наличие общей границы с Китаем, наркотрафик, угрозы радикализации общества и необходимость стабилизации политической ситуации определяют необходимость предоставления помощи Бишкеку. Проекты Китая в Кыргызстане, в основном, направлены на развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. Потоки китайской помощи в Кыргызстане, соответствующие критериям ОПР, характеризуются самой

⁴⁶⁹ Как Узбекистан становится приоритетным партнером Китая в Центральной Азии? // CAAN. – 15.02.2021. URL: <https://goo.su/7qK3h> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁷⁰ Умаров Т.А. На пути к Pax Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая // Московский центр Карнеги. * –2020. (Деятельность Фонда Карнеги признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 896-р от 18.07.2024)).

крупной долей грантов среди стран ЦА. Кроме того, Кыргызстан лидирует по доле экспортных кредитов в структуре ПОФ.

В случае с Таджикистаном Китай стремится нивелировать существующие риски через содействие развитию соседней страны. Привлекательность таджикского направления объясняется наиболее ярко выраженной ориентацией Таджикистана на Китай среди всех стран ЦА, его неприсоединением к ЕАЭС, отсутствием антикитайских настроений в обществе и готовностью укреплять военное сотрудничество с Поднебесной.

Китайское содействие развитию в Таджикистане имеет некоторые особенности. Объемы ОПР составили 31% от всего объема ОФР в 2013 – 2023 гг., тогда как в других странах ЦА – менее 21%. Помощь Таджикистану направляется, по большей части, в экономические сектора, но существенный объем средств предоставляется также и для развития социальной инфраструктуры и повышения качества государственного управления.

Взаимодействие Китая с Туркменистаном проанализировать крайне сложно – так как в силу закрытости туркменского режима отсутствуют данные по его внешней торговле, объемам входящих ПИИ и содействия развитию и т.д. Тем не менее, достаточно очевидно, что самый главный интерес Китая в Туркменистане – обеспечение бесперебойного импорта газа: единственным крупным проектом КНР в стране, по данным AidData, стала разработка II фазы газового месторождения Галкыныш в Туркменистане, на которую Китаем был выделен рекордный кредит на сумму около 4 млрд долл. в 2012 г. Вместе с тем проработка дополнительных источников позволяет сделать вывод, что в реальности Китай реализует в стране гораздо больше проектов. Среди прочего, КНР в Туркмении участвует в разработке, добыче и транспортировке газа и других ресурсов, сотрудничает с властями страны в военной сфере, а китайская продукция весьма широко представлена на внутреннем рынке.

Инициатива «Один пояс – один путь» предусматривает в том числе и многостороннее финансирование проектов, где, согласно группе казахстанских исследователей, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций является одним из

основных каналов финансирования⁴⁷¹. Данные AidData финансовую помощь от АБИИ, однако, не учитывают, что требует проведения самостоятельного анализа.

Из стран Центральной Азии в АБИИ участвуют Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. По состоянию на 2025 г. АБИИ в Центральной Азии одобрил 20 проектов суверенного финансирования на общую сумму более 5 млрд долл., из которых для Узбекистана было предназначено 54% средств, для Казахстана – 35,5%, Таджикистана – 8,3% и Кыргызстана – 2,3%.⁴⁷² АБИИ отдает предпочтение в Центральной Азии развитию инфраструктуры (20% от объема финансирования портфеля проектов), но во время пандемии предоставлял в том числе и бюджетную поддержку. Так, АБИИ предоставляет финансирование странам ЦА, направляя его в такие сектора, как совершенствование экономической политики, содействие развитию финансового и банковского сектора (35%) и оптимизация государственного управления (22%). Кроме того, в августе 2020 г. АБИИ совместно с АБР и правительством Узбекистана профинансировал программу экстренного реагирования в рамках борьбы с COVID-19.⁴⁷³ К.Г. Муратшина, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета, считает, что «банк является важным инструментом усиления влияния Китая и воплощения его экономической стратегии в странах Экономического пояса Шелкового пути, прежде всего в Центральной Азии»⁴⁷⁴.

В силу того, что большая часть официального финансирования Китая предоставляется в виде займов, растет зависимость стран Центральной Азии от Пекина. Согласно данным системы отчетности должников Всемирного банка, по

⁴⁷¹ Сериккалиева А.Е., Амирбек А.А., Тажибаев Р., Бейсенбаев О.Т. Глобальное управление по-китайски: центральноазиатские проекты Азиатского банка инфраструктурных инвестиций // Центральная Азия и Кавказ. – 2020. – Т. 22, № 4. – С. 35–45.

⁴⁷² База данных суверенного финансирования (SFD) // ЕФСР. URL: <https://efsd.org/research/sfd/> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁷³ 韩璐, 李琰. [Han Lu, Li Yan] 疫情下中亚国家与国际组织的抗疫合作 [Anti-Pandemic Cooperation between Central Asian Countries and International Organizations under the Pandemic] // 中国国际问题研究院 [China Institute of International Studies] – 2021. URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/xslw/202109/t20210918_8145.html (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁷⁴ Muratshina K.G. Asian Infrastructure Investment Bank and post-Soviet Central Asia: New Multilateral Bank Formation in the Context of China's Economic Interaction with post-Soviet Central Asian Countries // Central European Journal of International and Security Studies. – 2017. – Vol. 11, No. 3. – P. 96.

состоянию на 2024 г., Китай стал крупнейшим внешним кредитором во всех странах ЦА⁴⁷⁵. Это же подтверждают данные центральных банков и министерств финансов стран ЦА.

Наибольший абсолютный объем задолженности наблюдается у Казахстана и Узбекистана, однако в относительном выражении наиболее зависимыми от китайских кредитов являются Таджикистан (20% внешнего долга) и Кыргызстан (19,5%). В случае с Туркменистаном отсутствие официальных данных затрудняет полную оценку. Различные источники сообщали о наличии долга перед Китаем в размере порядка 10 млрд долл. для финансирования проектов строительства трубопроводов, освоения месторождения Галкыныш и др., однако в 2021 г. Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов сообщил о погашении суверенного долга перед Китаем.⁴⁷⁶

Доклад AidData от 2021 г., в свою очередь, обобщающий результаты аккумулирования информации о внешнем долге стран перед Китаем, в том числе и скрытом, показывает, что объемы реальной задолженности стран ЦА превышают официальные показатели в 4 раза. Под скрытым долгом понимаются защищенные публичными или непубличными правительственными обязательствами кредиты Китая, предоставленные государственным компаниям, государственным банкам, совместным предприятиям и частному сектору, долг которых не отражается в балансе государства.⁴⁷⁷ Тем не менее, по мнению Ф. Боссюйт, доцента департамента политологии Гентского университета, восприимчивость стран ЦА к китайской помощи остается высокой, поскольку она не сопровождается политической обусловленностью и вмешательством во внутренние дела.⁴⁷⁸

⁴⁷⁵ Debtor Reporting System // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/international-debt-statistics> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁷⁶ Заседание Кабинета Министров Туркменистана // Туркменистан Сегодня. – 11.06.2021. URL: <https://www.tdh.gov.tm/ru/post/27708/zasedanie-kabineta-ministrov-turkmenistana-6> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁷⁷ Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13427 Chinese development projects // AidData. – 2021. – P. 44. URL: <https://www.aiddata.org/publications/banking-on-the-belt-and-road> (дата обращения: 9.06.2025).

⁴⁷⁸ Bossuyt F. The EU's and China's development assistance towards Central Asia: low versus contested impact // Eurasian Geography and Economics. – 2019. – Vol. 59. – No. 5–6. – P. 619–620.

Внешний долг стран ЦА перед КНР (млн долл., 2022–2024)

Страны ЦА	Объем долга, данные IDS Всемирного банка, 2022 г.	Объем долга, данные центральных банков и министерств финансов стран ЦА	Доля долга перед Китаем от внешнего долга, данные ЦБ и министерств финансов стран ЦА (%)
Казахстан	1705,5	10207	6%
Кыргызстан	1782	1654	19,5%
Таджикистан	986	820	20%
Туркменистан	119,5	—	—
Узбекистан	4382	3800	12%
Всего по региону	8976	16481	

Источник: International Debt Statistics (IDS) // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/international-debt-statistics>; Аналитическая информация по внешнему долгу на 1 апреля 2025 г. // Национальный Банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/vneshniy-dolg>; Платежный баланс Кыргызской Республики за 2024 г // Национальный банк Кыргызской Республики. – 2025. – С. 35. URL: <https://www.nbkr.kg/DOC/17062025/0000000000064754.pdf>; Отчет о состоянии государственного долга за 2024 год // Министерство финансов Республики Таджикистан. – Апрель 2025. URL: <https://moliya.tj/Admin/Documents/GetFile/2257>; Государственный долг Узбекистана достиг \$31,5 миллиардов // KUN.UZ. – 08.11.2023. URL: <https://kun.uz/ru/98921146> (дата обращения: 01.08.2025).

В краткосрочной и среднесрочной перспективе объемы задолженности, вероятно, продолжат расти, учитывая активное участие Китая в финансировании проектов в регионе, например, в строительстве железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Однако в долгосрочной перспективе вероятно, на наш взгляд, стабилизация доли китайских кредитов в структуре внешнего долга, поскольку страны ЦА, осознавая риски чрезмерной зависимости и учитывая наличие альтернативных партнеров, включая РФ, ЕС и международные финансовые институты, начинают диверсифицировать источники финансирования. Тем не менее, принимая во внимание стратегическое значение ЦА для Китая и для инициативы «Пояс и путь» в частности, можно предположить, что Китай вряд ли существенно сократит объемы официального финансирования в регионе и особенно в условиях нарастающего межгосударственного

соперничества, которое все серьезнее требует оптимизации подходов к защите не только политических, но и экономических интересов.

3.3. Внешнеэкономическое измерение китайской политики предоставления ОФР в Центральной Азии ⁴⁷⁹

Китай сегодня занимает положение одного из ведущих торговых партнеров во всех странах ЦА. В последние годы наблюдается колоссальный рост товарооборота: если с 2017 по 2020 г. объемы торговли не превышали 50 млрд долл., то в 2025 г. на шестой встрече глав МИД стран Центральной Азии и Китая был зафиксирован исторический рекорд – 106,3 млрд долл. ⁴⁸⁰ При этом наибольшими темпами растут поставки из Китая в страны ЦА. Основную долю импорта из КНР составляют промышленное оборудование, высокотехнологичная продукция и товары, связанные с «зеленым» развитием, тогда как экспорт стран ЦА в КНР растет за счет поставок химической продукции, металлов и сельскохозяйственных товаров. ⁴⁸¹ Это подтверждает слова Я.В. Лексютиной о том, что к ключевым интересам Китая в регионе относятся упрощение и либерализация торговли со странами ЦА, расширение взаимного доступа к рынкам, обеспечение стабильности и бесперебойности цепочек поставок и производства на фоне растущего давления со стороны стран Запада. ⁴⁸²

КНР в последние годы заняла центральное место в структуре трансграничных финансовых потоков, поступающих в ЦА. Инвестиции из КНР в страны Центральной Азии исчисляются десятками миллиардов долларов.

⁴⁷⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Мендагазиев А.Е. Китайские инвестиции в Центральной Азии и роль официального финансирования развития в их защите от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2025. – № 1. – С. 33–46.

⁴⁸⁰ 商务部欧亚司负责人谈 2025 年中国—中亚货物贸易情况 [Head of the Eurasian Affairs Department of the Ministry of Commerce on China–Central Asia Trade in Goods in 2025] // 中华人民共和国商务部 [Ministry of Commerce of the People's Republic of China]. – 18.01.2026. URL: https://www.mofcom.gov.cn/sywxwfb/art/2026/art_dbd86367739f4f83a048c563ed26537f.html (дата обращения: 13.09.2026).

⁴⁸¹ Объем торговли Китая со странами Средней Азии в 2025 году вырос на 12%. // Коммерсант. – 19.01.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8361601> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴⁸² Лексютина Я.В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2025. – № 30. – С. 313.

Определяющими факторами заинтересованности китайских компаний в инвестициях в ЦА являются ее географическая близость, большой ресурсный и транзитный потенциал.⁴⁸³ По оценкам Евразийского банка развития (ЕАБР), с конца 2016 г. по конец первого полугодия 2025 г. китайские накопленные инвестиции в страны ЦА выросли с 19,6 до 35,9 млрд долл.⁴⁸⁴ При этом, согласно статистическому бюллетеню по исходящим китайским ПИИ 2022 г., издаваемому Министерством коммерции, Национальным статистическим бюро и Государственным валютным управлением КНР, китайские накопленные ПИИ увеличились – особенно в последние годы – за счет дополнительных вложений в Узбекистан и Таджикистан. Чистый приток китайских ПИИ в страны ЦА в 2019–2022 гг. в 1,5 раза превысил показатель периода с 2014 по 2018 г.⁴⁸⁵ Рост инвестиционных интересов к Центральной Азии со стороны КНР подтверждается и данными национальных статистических агентств и центральных банков стран ЦА – по валовому притоку прямых иностранных инвестиций (ПИИ) за 2021–2024 гг. Китай стал крупнейшим провайдером в Кыргызстане и Таджикистане, в Казахстане вошел в топ-5, а в Узбекистане в 2024 г. занял первое место по объему иностранных инвестиций и кредитов (36 % от общего объема или 15,5 млрд долл.)⁴⁸⁶.

Доминирующее положение КНР как инвестора в странах ЦА обусловлено рядом факторов геополитического и экономического характера. Географическая

⁴⁸³ Малахов А.А., Серик Е.Т., Забоев А.И. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2023. // ЕАБР. – 2023. – Доклады и рабочие документы 23/5 – Алматы: Евразийский банк развития. – С. 44–48.

⁴⁸⁴ Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. Доклад 25/15 // ЕАБР. – Алматы: Евразийский банк развития, 2025. – 45 с. URL: https://eabr.org/upload/iblock/ca4/EDB_2025_MMI_China_Report_Rus.pdf (дата обращения: 31.12.2025).

⁴⁸⁵ 年度中国对外直接投资统计公报 [Ежегодный статистический бюллетень Китая по прямым иностранным инвестициям] // 中华人民共和国商务部, 国家统计局, 国家外汇管理局. [Министерство коммерции КНР, Национальное бюро статистики, Государственное валютное управление]. – 2025. URL: https://hzs.mofcom.gov.cn/cms_files/oldfile/hzs/202310/20231027112320497.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁸⁶ Прямые инвестиции по направлению вложения // Национальный Банк Казахстана. – 10.01.2025. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/pryamyie-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya>; Поступление прямых иностранных инвестиций по странам // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/248/>; Прямые иностранные инвестиции // Национальный Банк Таджикистана. URL: <https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-oi-mustakimi-khorii/sarmoyaguzorihoi-mustakimi-khoriji-ba-jt-az-r-kishvarho.php>; Информация о некоторых результатах деятельности Министерства инвестиций, промышленности и торговли в 2025 году // Министерство инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/49849-asosiy-kapitalga-investitsiyalar-2023-yil-yanvar-sentabr-3> (дата обращения: 12.12.2025).

близость и реализация проектов, направленных на обеспечение связанности евразийского региона в рамках инициативы «Один пояс – один путь», снижают транзакционные издержки и логистические барьеры для китайских компаний. Укрепление экономического потенциала стран ЦА рассматривается в Пекине в том числе и через призму улучшения внешних условий для развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Более прагматичный (в сравнении с западными инвесторами) подход Китая к инвестированию, характеризующийся менее строгими требованиями к соблюдению экологических норм и стандартов управления, делает китайские инвестиции более привлекательными для правительств стран ЦА, сталкивающихся с институциональными ограничениями и дефицитом капитала.

Характерными особенностями китайских инвестиций в регион являются их сырьевая направленность и осуществление преимущественно государственными компаниями. Так, крупнейшие проекты в ЦА реализует Китайская национальная нефтегазовая компания (CNPC) в области нефтегазодобычи (13,5 млрд долл.), трубопроводного транспорта (11,5 млрд долл.) в Казахстане и добычи углеводородов в Туркменистане (9,4 млрд долл.). В последние годы наблюдается изменение страновой структуры ПИИ в регионе из-за расширения инвестиций в Узбекистан ⁴⁸⁷, увеличение китайских капиталовложений в промышленность стран ЦА, а также в рост финансирования транспортной инфраструктуры региона. По оценке Чи Чжана, доцента Университета Сент-Эндрюса, китайская инвестиционная стратегия в ЦА смещается в сторону поддержки промышленных проектов, что соответствует ожиданиям стран региона. ⁴⁸⁸

Примечательно расширение вложений в «зеленое» ⁴⁸⁹ и цифровое развитие, а также автомобильную индустрию. В Казахстане в обрабатывающей

⁴⁸⁷ См. подробнее: Рогожин А.А. Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2023. – № 2. – С. 43–56.

⁴⁸⁸ Zhang C. China's emergence and development challenges that China faces in Central Asia // Asian Review of Political Economy. – 2022. – Vol. 1, Art. 1. – P. 2.

⁴⁸⁹ См. подробнее: 肖斌 张晓慧. 中国与中亚国家绿色转型合作: 基于公正转型的分析 // 欧亚经济. – 2024. – No. 4. URL: https://oyjj-oys.ajcass.com/UploadFile/Issue/201606070001/2024/7//20240726092104WU_FILE_0.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

промышленности реализуется 17 проектов на сумму 1,2 млрд долл. Получили известность также такие проекты, как проект CNPC «Багтыярлык» по разработке месторождения по добыче углеводородов в Туркменистане (9,4 млрд долл.), строительство завода в Сырдарье (Узбекистан) по производству автомобилей EXEED (390 млн долл., запущено в 2023 г.), участие Фонда Шелкового пути в уставном капитале газотурбинной электростанции в Сырдарьинской области (345 млн долл. в 2022 г.).⁴⁹⁰

В последние годы, как сообщает Д. ван дер Клей, сотрудник Школы регулирования и глобального управления Австралийского национального университета, китайские компании все больше вкладывают средства в строительство заводов, разработку перерабатывающих мощностей для сырья и модернизацию местной сельскохозяйственной инфраструктуры в ЦА.⁴⁹¹

Значительные объемы торговли Китая со странами ЦА и инвестиций китайских компаний в экономики региона предопределяют интерес к политическим рискам в регионе со стороны как китайских исследователей, так и представителей бизнеса. Анализ их последних оценок заслуживает отдельного рассмотрения, в том числе в сравнении с оценками, которые даются на Западе.

По мнению Су Чана, научного сотрудника флагманского Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, уязвимость стран ЦА повышают ситуация в Афганистане, сложности с передачей власти, пограничные конфликты, распространение радикальных идеологий и ухудшение отношений между Россией и США. Кроме того, автор утверждает, что западные державы для достижения своих геополитических целей провоцируют внутренние конфликты и кризисы в

⁴⁹⁰ См.: Винокуров Е., Малахов А., Забоев А., Омаров А., Хайбрахманов Т. Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры // ЕАБР. – 2025. – Доклады 25/1. – Алматы: Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/81a/EDB_MVI_2025_RU_2025_02_19.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁹¹ Van Der Kley D., Yau N. How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize // Carnegie Endowment for International Peace. * – 15.10.2021 – Р. 3. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/10/15/how-central-asians-pushed-chinese-firms-to-localize-pub-85561> (дата обращения: 04.04.2025) (Деятельность Фонда Карнеги признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 896-р от 18.07.2024)).

странах ЦА⁴⁹². Особенно, по его мнению, усилилось внешнее давление из-за российско-украинского конфликта, что выливается в применение США вторичных санкций и рост попыток внешних сил спровоцировать обострение казахстано-российских отношений и дестабилизировать ситуацию в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана.

В свою очередь, Ху Фан и Ли Юйбо, исследователи Школы экономики Университета Гуанси, разработавшие собственную систему оценки геополитических рисков в странах – участницах проекта «Один пояс – один путь» в период с 2011 по 2020 г., поместили все страны ЦА, кроме Таджикистана, в группу с рисками ниже среднего⁴⁹³, а Таджикистан – в группу стран с рисками выше среднего. Это объясняется тем, что в качестве основных параметров в их модели учитываются вероятность вооруженного конфликта, террористических актов и санкционного давления.

Исследователи Синьцзянского сельскохозяйственного университета Фан Юньсяо и Ся Юн считают, что политические риски в ЦА достаточно высоки, но снижаются в последние годы. По их мнению, наиболее характерны для стран региона риски экспроприации и политического насилия⁴⁹⁴. К ощутимым рискам для китайского бизнеса авторы относят также пограничные стычки, например на кыргызско-таджикской границе в 2019 г., и вооруженные конфликты, которые уже, по их утверждениям, оказывали негативное влияние на инвестиции таких китайских компаний, как «China Metallurgical Group Corporation» и «Jiangxi Copper» в горнодобывающую промышленность соседнего Афганистана в 2013 г.

⁴⁹² 苏畅 [Su Chang]. 从“边缘地带”到“枢纽地带”：中亚稳定的地缘政治视角分析 [From "Marginal Zone" to "Hub Zone": Analysis from the Geopolitical Perspective of Stability in Central Asia] // 俄罗斯东欧中亚研究. [Russian Eastern European and Central Asian Studies]. – 2023. – No. 3. – P. 131–132.

⁴⁹³ 胡芳, 李誉博 [Hu Fang, Li Yubo]. “一带一路”沿线国家地缘政治风险评估及影响因素 [Geopolitical Risk Assessment and Influencing Factors of Countries along the Belt and Road Initiative] // 热带地理 [Tropical geography]. – 2023. – Vol 43, No. 6. – P. 1164 (дата обращения: 08.05.2025).

⁴⁹⁴ 方云霄, 夏咏 [Fang Yunxiao, Xia Yong]. 中国企业对中亚直接投资的政治风险量化评估分析 [Quantitative Assessment and Analysis of Political Risks of Chinese Companies' Direct Investment in Central Asia] // 中国商论 [Chinese Business Theory]. – 2022. – No. 12. – P. 77.

Среди политических рисков во всех странах региона в их исследовании фигурируют также риски смены правительства и изменения законодательства.

Особое воздействие политические риски оказывают на экономическое сотрудничество Китая со странами ЦА в нефтегазовой отрасли. В исследовании представителей дочерних компаний Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC – China National Petroleum Corporation) Вэй Юйси, Чжао Фаньюань и Лу Сюэсун, посвященном анализу рисков для зарубежных китайских проектов по разработке нефтяных месторождений, авторы утверждают, что серьезную угрозу представляют политические потрясения в некоторых странах ЦА, подобные частым сменам власти в Кыргызстане и политическим беспорядкам в Казахстане в начале 2022 г.⁴⁹⁵ Этому же мнению придерживаются эксперты китайского аналитического центра «Евразийская ассоциация системных научных исследований», которые полагали, что усиление ОДКБ в Казахстане и другие процессы могли привести к «маргинализации роли ШОС в регионе», что в дальнейшем угрожало бы экономическим интересам КНР⁴⁹⁶.

Несмотря на высокую «рискогенность» регионального ландшафта, китайские инвестиции в ЦА, как считают исследователи Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Го Сяоцун и Цай Чжэнь, показывают высокую эффективность и способствуют росту связанности экономик ЦА и Китая. В то же время авторы отмечают, что некоторые страны создают благоприятные условия для китайских компаний, но политическая нестабильность негативно сказывается на инвестиционном климате.⁴⁹⁷

⁴⁹⁵ 魏宇曦, 赵方圆, 路雪松 [Wei Yuxi, Zhao Fangyuan, Lu Xuesong]. 海外石油开发项目风险研究. [Risk Research on Overseas Petroleum Development Projects] // 油气田地面工程 [Oil and Gas Field Ground Engineering]. – 2023. – Vol. 42, No. 4. – P. 7–10.

⁴⁹⁶ 欧亚系统科学研究会. 哈萨克斯坦事件: 俄罗斯的胜利与中国的挑战 [Eurasian Society for Systems Science. Events in Kazakhstan: Russia's Victory and China's Challenge] // 欧亚系统科学研究会 [Eurasian Society of Systems Sciences]. – 16.01.2022. URL: <https://www.essra.org.cn/view-1000-3413.aspx> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴⁹⁷ 郭晓琼, 蔡真 [Guo Xiaoqiong, Cai Zhen]. 中国对上海合作组织国家投资效率研究--基于 DEA-面板 Tobit 的实证分析 [China's Research on the Efficiency of Investment in Shanghai Cooperation Organization Countries – Empirical Analysis Based on DEA-Tobit] // 俄罗斯东欧中亚研究 [Russian Eastern European and Central Asian Studies]. – 2019. – No. 3 – P. 59.

Показательно, что ни исследователи, ни представители бизнеса из КНР в своих публикациях не затрагивают тему рисков, специфических именно для китайских компаний, которая активно обсуждается западными экспертами. Так, в числе ключевых из них западные эксперты называют всплеск синофобских общественных настроений, вызванных опасениями об усилении китайской экспансии, что может спровоцировать протесты и давление властей. Усиление китайского экономического присутствия в регионе интенсифицировало стремление властей Центральной Азии к локализации представленных на рынках китайских компаний. Согласно исследованию научного сотрудника Школы регулирования и глобального управления Австралийского национального университета Д. ван дер Клея и внештатного сотрудника Глобального китайского центра Атлантического совета⁴⁹⁸ Нивы Яу, страны ЦА пытаются стимулировать привлечение местных работников, прописывая обязательства по найму местных работников в проектных контрактах, законодательно устанавливая долю местных работников во всех или некоторых проектах, финансируемых из-за рубежа, и ограничивая выдачу разрешений иностранным работникам.⁴⁹⁹

В исследовании А. Ардуино и Э. Кейни, подготовленном для ЕБРР, считают детерминантами политических рисков для китайского бизнеса в ЦА инвестирование в целях получения политических выгод в странах-получателях, демпинг цен на торгах, организационная культура китайских организаций, ограниченная финансовая поддержка некрупных частных компаний, рост синофобских общественных настроений.⁵⁰⁰ Последний пункт особенно важен для долгосрочного присутствия китайского бизнеса в регионе, однако его реализация сталкивается с неоднородными условиями в разных странах ЦА. Так, если в Казахстане и Кыргызстане ранее были сильные антикитайские настроения среди населения, которые не раз выливались в протесты против китайской экспансии, в

⁴⁹⁸ Деятельность Атлантического совета** признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 945-р от 29.07.2019 г.).

⁴⁹⁹ Van der Kley D., Yau N. How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize // Carnegie Endowment for International Peace.* – 2021. – Р.19 (Деятельность Фонда Карнеги признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 896-р от 18.07.2024)).

⁵⁰⁰ Risk Assessment and Mitigation in Central Asia: Implications for Foreign Direct Investment and the Belt and Road Initiative // European Bank for Reconstruction and Development. – London: EBRD, 2022.

Таджикистане к расширению китайского присутствия относились более нейтрально. Китай успешно справляется с антикитайскими настроениями путем выстраивания близких отношений с государственной элитой всех стран ЦА, а страны ЦА, по словам К. Путц, управляющего редактора «The Diplomat», получают взамен экономические выгоды в области нефтегазового сотрудничества, индустриализации и помощи развитию⁵⁰¹.

Дополнительные значимые политические риски для ведения бизнеса в странах ЦА создают глобальные геополитические сдвиги. Они являются дестабилизирующими факторами и для региональных, и для глобальных акторов, которые вовлекаются в решение региональных дел в качестве провайдеров финансирования различного типа, преследуя несовместимые политические интересы.⁵⁰² Как отмечает директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Сунь Чжуанчжи, ускорение процесса полицентризации и рост конкуренции в регионе между внерегиональными державами повышает значимость обеспечения безопасности, преодоления социальной поляризации и борьбы с дезинформацией.⁵⁰³

В целях снижения вероятности возникновения и масштаба ущерба от реализации рисков для китайских внешнеэкономических интересов Пекин применяет различные инструменты. В центральноазиатском контексте Китай активно задействует потенциал проведения различных мероприятий высокого уровня. С 2012 г. ежегодно проводится Форум сотрудничества Китая и Центральной Азии, где обсуждаются вопросы экономического развития, торговли и инвестиций, проводятся и двусторонние саммиты со странами ЦА; в рамках ШОС функционируют платформы в области экономики, транспорта, энергетики. Западные аналитики (в частности, эксперты ЕБРР) признают, что активное

⁵⁰¹ Putz C. Why Did Central Asia's Leaders Go to Beijing? // The Diplomat. – 08.02.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/02/why-did-central-asias-leaders-go-to-beijing/> (дата обращения: 08.08.2025).

⁵⁰² См.: Risk Assessment and Mitigation in Central Asia: Implications for Foreign Direct Investment and the Belt and Road Initiative // European Bank for Reconstruction and Development. – London: EBRD, 2022.

⁵⁰³ 孙壮志 [Sun Zhuangzhi]. 大国博弈下的中亚安全形势：现状与前景 [The security situation in Central Asia under the Game of Great Powers: Status Quo and Prospects] // 亚太安全与海洋研究 [Asia-Pacific Security and Ocean Research]. – 2025. – No. 3. URL: http://euroasia.cssn.cn/kycg/lw/202507/t20250703_5884586.shtml (дата обращения: 08.08.2025).

использование подобных площадок для взаимодействия политического руководства и бизнеса КНР и стран ЦА способствует интенсификации экономического и инвестиционного сотрудничества и установлению доверительных отношений⁵⁰⁴. Повышение доверия, в свою очередь, может снизить «легально-правительственные» риски для китайского бизнеса в регионе, сопряженные с действиями властей стран ЦА.

На различных саммитах и встречах официальные лица КНР фиксировали первоочередные задачи по стимулированию торговли и инвестиций между странами, параллельно предлагая пакеты финансирования проектов развития. Так, Си Цзиньпин, выступая в Казахстане в 2013 г. и объявляя об инициативе «Пояс и путь», перечислил пять ключевых шагов в создании этого нового экономического пояса: улучшение политической коммуникации, улучшение дорожной связи, содействие беспрепятственной торговле, улучшение денежного обращения и углубление взаимопонимания между народами региона.⁵⁰⁵ В 2022 г. на онлайн-саммите ЦА5+Китай Си Цзиньпин пообещал открыть внутренний рынок Китая для большего количества центральноазиатских товаров и сельскохозяйственной продукции и увеличить инвестиции китайских компаний.⁵⁰⁶

На саммите ЦА5+Китай в 2023 г. глава КНР заявил в том числе о формировании специальной программы сотрудничества по сокращению бедности и о побуждении китайских компаний к созданию большего количества рабочих мест в ЦА. Отдельно была обозначена готовность Китая помочь в укреплении потенциала правоохранительных органов, поддержать их усилия по обеспечению

⁵⁰⁴ Risk Assessment and Mitigation in Central Asia: Implications for Foreign Direct Investment and the Belt and Road Initiative // European Bank for Reconstruction and Development. – London: EBRD, 2022.

⁵⁰⁵ Xi Jinping Calls for Regional Cooperation Via New Silk Road // The Astana Times. – 11.09.2013. URL: <https://astanatimes.com/2013/09/xi-jinping-calls-for-regional-cooperation-via-new-silk-road/> (дата обращения: 08.08.2025).

⁵⁰⁶ China Promises More Investment at Central Asia Summit // Eurasianet.*** – 26.01.2022. URL: <https://eurasianet.org/china-promises-more-investment-at-central-asia-summit> (дата обращения: 08.08.2025). (Деятельность Eurasianet признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 485-р от 14.04.2026).

безопасности в регионе и борьбе с терроризмом⁵⁰⁷. Принятая по итогам саммита декларация зафиксировала желание стран ЦА использовать уникальный опыт КПК в области госуправления, содействовать привлечению инвестиций и продолжать гармонизацию национальных стратегий развития с инициативой «Один пояс – один путь». Кроме того, участники выступили против «попыток дискредитации легитимной государственной власти и провоцирования “цветных революций”, а также вмешательства во внутренние дела», косвенно предостерегая западные страны от таких действий⁵⁰⁸.

Для защиты торговых интересов и стимулирования товарооборота Китай применяет и ряд инструментов официального финансирования развития. В отличие от западных стран Китай не реализует программы совершенствования судебной-правовых систем, противодействия коррупции и т.п., направленные на достижение долгосрочного эффекта. Вместо этого Китай предоставляет техническую помощь таможенным службам государств ЦА, поставяет оборудование для упрощения прохождения таможенных процедур. В качестве примеров можно привести выделение гранта в размере 31,5 млн долл. на оснащение Таможенной службы Таджикистана современными технологиями досмотра и оборудованием в 2018 г. Узбекистану КНР, в свою очередь, предоставила заем на сумму 309 млн долл. для рефинансирования проектов в сфере торгового сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь» с участием китайских предприятий, грант в размере 126 млн долл. на закупки оборудования для сканирования железнодорожных контейнеров в 2016 г., а также грант для закупки мобильных систем досмотра для прохождения таможенных процедур. В Казахстане Китай предоставил кредит на сумму 2 млрд долл. в 2019 г. на проект по модернизации технологий и

⁵⁰⁷ 习近平主持首届中国—中亚峰会并发表主旨讲话 [Xi Jinping Chairs the Inaugural China-Central Asia Summit and Delivers a Keynote Speech] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 19.05.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080034.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

⁵⁰⁸ 中国—中亚峰会西安宣言（全文） [Full Text of the Xi'an Declaration of the China-Central Asia Summit] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 19.05.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

оборудования пограничных пунктов пропуска с привлечением китайской компании Nuctech.⁵⁰⁹

По словам бывшего вице-секретаря департамента по делам Средней Азии Министерства коммерции КНР Луо Вейдонг, помощь станет еще одним стимулом в создании единой системы торговых путей для осуществления свободной торговли товарами между Китаем и странами региона.⁵¹⁰

Китай также активно использует преференциальные экспортные кредиты Экспортно-импортного банка Китая для стимулирования торговых связей. Так, с 2013 по 2023 г. Эксимбанк КНР предоставил экспортные кредиты для китайских и центральноазиатских компаний на сумму 4,3 млрд долл., однако большинство из них было предоставлено с 2013 по 2018 гг.⁵¹¹ Кредиты предназначались для реализации проектов в таких секторах, как промышленность, энергетика и транспортная инфраструктура.

Финансирование развития транспортной и логистической инфраструктуры в Центральной Азии становится одним из катализаторов коммерческой экспансии китайских компаний на рынках стран ЦА, а также в других регионах западной ветки инициативы «Пояс и путь». Китайская стратегия в этом направлении основывается на комбинации различных финансовых инструментов, включая льготные кредиты Эксимбанка КНР, грантовую помощь и кредитные линии Банка развития КНР. Как показывают данные AidData, приоритет отдается крупным трансграничным проектам, таким как реконструкция автодороги Душанбе – Кульма, строительство тоннеля Камчик на железной дороге Ангрэн-Пап, строительство Алматинской кольцевой автомобильной дороги и др. В число этих проектов входит также запуск в 2025 г. строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан с оцениваемой стоимостью в 8 млрд долл., оператором которого является совместное предприятие с долей Китая в 51%, Кыргызстана и

⁵⁰⁹ China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: <https://www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0> (дата обращения: 18.11.2025).

⁵¹⁰ Китай окажет техническую помощь таможенным службам стран ЦА // Спутник Узбекистан. – 26.07.2016. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20160726/3437195.html> (дата обращения: 08.08.2025).

⁵¹¹ China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025).

Узбекистана – по 24,5%.⁵¹² По мнению Чжао Хуэйжун, исследователя Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, реализация проекта укрепляет позиции Китая как ключевого инфраструктурного инвестора, повышая транзитный потенциал и экономическую самостоятельность Кыргызстана и Узбекистана.⁵¹³

Наибольшие объемы финансирования от КНР применительно к транспортно-логистическому сектору за 2013 – 2023 гг. получил Казахстан – 3,7 млрд долл.; за ним следует Узбекистан (935 млн долл.) и Кыргызстан (910 млн долл.). При этом 28% финансирования было предоставлено в форме ОПР и 72% в виде ПОФ (табл. 15).

Таблица 15

**ОФР, предоставленное КНР странам ЦА,
по секторальному направлению «Транспорт и хранение» в 2013 – 2023 гг.
(млн долл. США, в постоянных ценах 2023 г.)**

Получатель ОФР	ОПР	ПОФ
Казахстан	534,7	3165,8
Кыргызстан	302,3	607,4
Таджикистан	399,2	37,8
Туркменистан	0,0	0,0
Узбекистан	426,3	508,2
Все страны ЦА	1662,5	4319,2

Источник: China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025)

Кроме того, составители датасета AidData отмечают проекты, которые в первую очередь направлены на продвижение коммерческих интересов КНР, в том числе на поощрение экспорта китайских товаров и услуг. Согласно ему, объем

⁵¹² 总投资 80 亿美元, 中吉乌铁路将于 2025 年 7 月正式动工 [With a Total Investment of 8 Billion US Dollars, the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway Will Officially Start Construction in July 2025.] // GoalFore Advisory. – 25.01.2025. URL: <https://news.goalfore.cn/latest/detail/79267.html> (дата обращения: 08.08.2025).

⁵¹³ 赵会荣 [Zhao Huirong]. 中吉乌铁路：中亚经济增长的新引擎 [China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway: the New Engine of Economic Growth in Central Asia] // 环球时报 [Global Times]. – 17.06.2024. URL: http://euroasia.cssn.cn/kycg/lw/202406/t20240617_5759119.shtml (дата обращения: 08.08.2025)

финансирования подобных проектов в Казахстане составил 7 млрд долл., в Узбекистане – 2,9 млрд долл., в Таджикистане – 817 млн долл. и в Кыргызстане – 227 млн долл., что подтверждает приоритетность Казахстана и Узбекистана как получателей ОФР, прежде всего с точки зрения обеспечения внешнеэкономических интересов Китая.

Элементом применения ОФР для защиты внешнеэкономических интересов КНР является «связывание» помощи, что подразумевает реализацию проектов китайскими компаниями, покупку китайских материалов или оборудования и найм китайских рабочих. Это позволяет теснее увязать интересы конкретных китайских компаний и китайские льготные кредиты из средств СМР, которые правительство КНР применяет гораздо шире, чем безвозмездные трансферты⁵¹⁴. Тем не менее страны ЦА проявляют большую заинтересованность в китайских кредитах ввиду отсутствия в них политической обусловленности (что ярко контрастирует с подходами западных стран).

В целях снижения степени вероятности возникновения и масштаба воздействия политических рисков для инвестиций национальных компаний в странах ЦА Китай применяет различные инструменты. К ним относятся использование частных охранных компаний в Кыргызстане⁵¹⁵ и отчасти в Казахстане, лоббирование экономических интересов⁵¹⁶, страхование и предоставление гарантий⁵¹⁷, а также инструменты ОФР. При этом подходы Пекина к защите интересов бизнеса контрастируют с подходами западных акторов.

Китай применяет в ЦА для минимизации рисков для инвестиций национальных компаний и инструменты официальной помощи в русле тех

⁵¹⁴ См. подробнее: Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 6. – С. 48–58

⁵¹⁵ См. подробнее: Сун Чжихао. Китайские частные охранные компании: возможности деятельности в Центральной Азии // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 3. – С. 44.

⁵¹⁶ См. подробнее: Section 3: China's Activities and Influence in South and Central Asia // U.S.-China Economic and Security Review Commission. 2022. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2022-11/Chapter_3_Section_3-Chinas_Activities_and_Influence_in_South_and_Central_Asia.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

⁵¹⁷ См. подробнее: Chen Y., Liu Z.Z. Hedging Belts, De-Risking Roads: Sinasure in China's Overseas Finance and the Evolving International Response // ODI. – 2023. – London: ODI. URL: www.odi.org/en/publications/hedging-belts-de-risking-roads-sinasure-in-chinas-overseas-finance-and-the-evolving-international-response/ (дата обращения: 25.08.2025).

подходов, которые были обозначены З.Э. Гомбоином в статье, подготовленной в рамках упомянутого проекта РНФ № 23-28-01060.⁵¹⁸ В их числе: использование инструментов ОФР китайскими госкомпаниями для поощрения реализации основного коммерческого контракта, выставление жестких условий при предоставлении льготных кредитов и «связывание» помощи.

Безвозмездная помощь для «поощрения» в регионе может использоваться как в целях смягчения политических рисков для уже реализуемых проектов, так и в целях получения экономических выгод в будущем. Ярким примером подобного «поощрения» («подарка») можно считать выделение гранта на 2,4 млрд юаней на строительство комплекса правительственных и парламентских зданий в Таджикистане в 2020–2023 гг., предоставление в 2018 г. 6,8 млн долл. Правительству Кыргызстана в целях строительства здания для проведения Саммита ШОС в 2019 г.⁵¹⁹, проекты финансирования закупок мебели в здание Национального парламента Кыргызстана, строительство футбольного поля для Министерства юстиции Кыргызской Республики в 2022 г.

Одно из важных отличий китайского подхода к управлению рисками – тот факт, что Китай не выдвигает политических условий при оказании помощи, придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела, но использует условия контрактов по займам и поставкам, прописывая в них серьезные последствия для реципиентов в случае изменения регуляторного режима и наступления форс-мажорных обстоятельств, неблагоприятных для китайских компаний⁵²⁰. Примеры такой стратегии можно встретить и в странах ЦА. Так, в договоре 2012 г. о предоставлении кредита в 390 млн долл. на строительство линии электропередачи 500 кВ «Датка-Кемин» между Эксимбанком Китая и Правительством Кыргызской Республики прописана возможность требования кредитором немедленной выплаты всех средств в случае неисполнения

⁵¹⁸ Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 6. – С. 48–58.

⁵¹⁹ China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025).

⁵²⁰ How China Lends: a Rare Look into 100 Debt Contracts with Foreign Governments // AidData, Center for Global Development, Kiel Institute for the World Economy, PIIE. – 2021. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/how-china-lends-rare-look-100-debt-contracts-foreign-governments.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

обязательств, в том числе нарушения таких условий, как освобождение китайского поставщика от уплаты налогов, отсутствие ограничений по выводу заработанных финансовых средств, освобождение от таможенных и других сборов ⁵²¹. Интересной также является практика обеспечения кредитов физическим имуществом. Так, согласно докладу AidData, кредит Китайского банка развития Национальному банку внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан был предоставлен под залог трех самолетов Boeing 787-8 авиакомпании «Узбекистон хаво йуллари». ⁵²²

КНР в целом почти не использует инструменты иностранной помощи для финансирования сектора безопасности реципиента для воздействия на «экстралегальные» риски (терроризм, протестную активность и др.), но в ЦА изредка прибегает к подобным вложениям. В числе примеров можно привести оказание технической помощи Пограничной службе Кыргызстана в 2017 г. и выделение гранта в размере 20 млн юаней на приобретение МВД Таджикистана в 2013 г. полицейских патрульных машин, коммуникационного оборудования и компьютеров. ⁵²³ Кроме того, по данным Нива Яу, внештатного сотрудника Global China Hub Атлантического совета ⁵²⁴, КНР расширяет программы подготовки для представителей стран ЦА в области борьбы с трансграничным терроризмом, наркотрафиком, трансграничной преступностью, обеспечения кибербезопасности, безопасности на транспорте и управления в чрезвычайных ситуациях. ⁵²⁵

Однако основным инструментом защиты бизнеса от рисков в регионе является все же предоставление прямой страховой защиты по линии Китайской корпорации по страхованию экспорта и кредитов (Sinosure). Ее деятельность в ЦА началась со страхования крупных энергетических проектов в Казахстане и

⁵²¹ Preferential Buyers Credit Loan Agreement on the Construction of Datka-Kemin 500kv Transmission Line Project Between the Export-Import Bank of China as Lender and the Government of the Kyrgyz Republic Represented by the Ministry of Finance as Borrower // China Eximbank. – June, 2012. URL: <https://china.aiddata.org/projects/39619/> (дата обращения: 08.08.2025).

⁵²² Gelpert, A., Haddad, O., Horn, S., Kintzinger, P., Parks, B. C., & C. Trebesch. How China Collateralizes. // AidData. – 2025. – Working Paper № 136. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary. – P. 17.

⁵²³ China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025).

⁵²⁴ Деятельность Атлантического совета** признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 945-р от 29.07.2019 г.).

⁵²⁵ Yau N. Chinese Governance Export in Central Asia // Security and Human Rights. – 2022. – No. 32. – P. 32–33.

Туркменистане еще до запуска инициативы «Один пояс – один путь», но после 2013 г. портфель Sinosure вырос очень значительно. Роль Sinosure в качестве гаранта проектов, профинансированных китайскими банками, имеет особое значение и фактически означает участие китайского правительства в соглашении. Sinosure выступала страховщиком в строительстве таких объектов, как завод по производству кальцинированной соды в Казахстане (286 млн долл.), Кашаганский газоперерабатывающий завод (243 млн долл.), Международный деловой центр "Ташкент Сити" (30 млн долл.), комплекс по добыче и переработке вольфрамовой руды (213 млн долл.). Особо стоит упомянуть и участие Sinosure в реконструкции и модернизации Шымкентского нефтеперерабатывающего завода в Казахстане, профинансированного Китайским банком развития (607 млн долл.), строительстве цементного завода в Шиели (Казахстан), профинансированного Банком Китая и Эксимбанком КНР (129 млн долл.) и Атырауского нефтеперерабатывающего завода «КазМунайГаз» (Казахстан) с поддержкой Эксимбанка КНР (1,13 млрд долл.)⁵²⁶. В сентябре 2023 г. Sinosure выделила 2,57 млрд юаней на поддержку проекта строительства Олимпийского города China CAMC Engineering Co Ltd в Узбекистане.⁵²⁷ В Таджикистане одним из примеров участия Sinosure стало страхование инвестиций в агропромышленный сектор в 2015 г. (40 млн долл.)⁵²⁸. Точные масштабы участия Корпорации в проектах в ЦА не раскрываются официальными властями Китая, однако, по некоторым оценкам, в Казахстане более 95 % кредитного портфеля китайских банков в период с 2000 по 2017 г. было поддержано Sinosure⁵²⁹. В случае если эти оценки верны, объемы страхового покрытия Sinosure в регионе исчисляются многими миллиардами долларов.

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ China: Sinosure Provides Guarantee to Support China CAMC Engineering's Olympic City Construction Project in Uzbekistan // Global Trade Alert. – 26.09.2023. URL: <https://www.globaltradealert.org/state-act/87976/china-sinosure-provides-guarantee-to-support-china-camc-engineering-s-olympic-city-construction-project-in-uzbekistan> (дата обращения: 08.08.2025).

⁵²⁸ Risk Assessment and Mitigation in Central Asia: Implications for Foreign Direct Investment and the Belt and Road Initiative // European Bank for Reconstruction and Development. – London: EBRD, 2022.

⁵²⁹ Chen Y., Zoe Liu Z. Hedging Belts, De-Risking Roads: Sinosure in China's Overseas Finance and the Evolving International Response // ODI. – 2023. – London: ODI. – P.14. URL: www.odi.org/en/publications/hedging-belts-de-risking-roads-sinosure-in-chinas-overseas-finance-and-the-evolving-international-response/ (дата обращения: 08.08.2025).

Важно упомянуть и то, что в период с 2021 по 2023 г. китайские энергетические проекты в Узбекистане были поддержаны также Многосторонним агентством по инвестиционным гарантиям (МИГА). Один из проектов – строительство ветряных электростанций «Баш» и «Джангельды» – по 500 МВт каждая (321 млн долл.), которым управляет энергетическая компания ACWA Power из Саудовской Аравии, а поставку оборудования и строительство осуществлял консорциум китайских компаний во главе с China Energy Engineering Corporation. Другой проект – строительство электростанции в Сырдарье в Узбекистане объемом 210 млн долл.⁵³⁰

Китай в Центральной Азии продолжает применять инструменты официального финансирования развития для реализации торгово-экономических интересов бизнеса и митигации политических рисков с фокусом на прямое воздействие. Принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств (один из столпов китайского официального финансирования, от которого Китай вряд ли откажется) устраняет возможность финансирования программ, направленных на изменение регуляторно-правовой среды. Мы полагаем, что в странах Центральной Азии в среднесрочной перспективе сохранится высокий потенциал для использования инструментов Sinosure, однако межгосударственное соперничество и предложения финансирования от альтернативных провайдеров будут вынуждать Китай снижать долю «связанного» финансирования для сохранения роли одного из ключевых партнеров для стран региона.

⁵³⁰ China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025).

Выводы к Главе 3

Центральная Азия занимает особое место в системе внешнеполитических приоритетов Китая, что обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов. На протяжении трех десятилетий ключевые стратегические интересы КНР в регионе включали: обеспечение стабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и содействие его экономическому развитию, доступ к энергетическим и минеральным ресурсам региона, освоение новых рынков, развитие транзитного потенциала Центральной Азии в целях упрощения выхода на европейские и ближневосточные рынки, противодействие влиянию третьих сил, прежде всего США, формирование альтернативных моделей регионального сотрудничества без участия западных стран и основанных на принципах уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Данные приоритеты КНР в регионе демонстрируют преемственность и последовательность на протяжении всего рассматриваемого периода с 2013 по 2025 гг. и не подвержены конъюнктурным колебаниям. Есть основания полагать, что это обусловлено не только внутренней гомогенностью рассматриваемого периода, объединенного фигурой Си Цзиньпина или особенностями политической системы КНР, но и наличием такой константы, как сопредельность региона ЦА с Китаем.

Инструменты ОФР, игравшие вспомогательную роль до запуска инициативы «Пояс и путь», к началу 2020-х гг. обрели ключевое значение в китайской политике в регионе, – их применение существенно способствует укреплению инфраструктурных, энергетических и торговых связей Китая с центральноазиатскими странами. Современный этап характеризуется ускорением темпов институционализации сотрудничества и смещением акцента в сторону социально-гуманитарных проектов, а также диверсификацией направлений экономического сотрудничества. Обострение конкуренции с США и последствия эскалации конфликта вокруг Украины ускорили эту эволюцию, сделав ЦА

критически важным направлением для реализации китайских геостратегических интересов.

Анализ динамики и структуры потоков официального финансирования развития из КНР в страны ЦА в период 2013 – 2025 гг. демонстрирует их тесную связь с эволюцией стратегических установок китайского руководства, которым присущи преемственность и последовательность. Запуск инициативы «Один пояс – один путь» в 2013 г. стал катализатором существенного роста объемов кредитного финансирования с выраженными пиками в 2013, 2017 и 2019 годах, соответствовавших проведению форумов сотрудничества «Один пояс – один путь».

При этом эскалация конфликта на Украине повлияла на смещение фокуса китайского финансирования в сторону гуманитарных проектов. С 2023 г. начинается новый этап сотрудничества Китая со странами ЦА в связи с институционализацией формата ЦА5+Китай и переходом к выстраиванию комплексного многостороннего регионального партнерства.

Секторальное распределение отражает выраженную концентрацию КНР на поддержке финансирования транспортной и энергетической инфраструктуры, что подчеркивает прагматичный, экономически ориентированный характер китайского ОФР. Структура ОФР также демонстрирует выраженный экономический прагматизм: почти 80% средств направлялось в инфраструктурные сектора, что отражает стратегический фокус Китая на развитии транспортных, энергетических и промышленных проектов в регионе. Основными реципиентами китайских кредитов практически во все годы рассматриваемого периода выступали Казахстан и Узбекистан, получавшие наибольшие объемы ОФР. Это было обусловлено емкостью их внутреннего рынка, неразрывно связанной с демографическими показателями, ресурсным и транспортно-логистическим потенциалом, а также значением для реализации инициативы «Пояс и путь».

Новый виток межгосударственного соперничества в регионе повышает стратегическое значение региона для Китая, который существенно расширил здесь свое экономическое и инвестиционное присутствие за последнее десятилетие. При

этом китайские внешнеэкономические интересы в регионе сталкиваются с целым рядом политических рисков – как «легально-правительственных» (экспроприация, изменения в законодательстве), так и «экстра-легальных» (протесты, терроризм, эскалация конфликтов и т.п.).

В целях смягчения политических рисков в регионе КНР активно использует инструментарий официального финансирования развития. В Центральной Азии Китай использует подходы, характерные для его политики и в других регионах присутствия китайского бизнеса: использование СМР государственными компаниями для поощрения реализации основного коммерческого контракта, выставление жестких условий при предоставлении льготных кредитов и «связывание» помощи. Однако этим практикам в ЦА присущи и свои особенности. Так, в отличие от других регионов, где Китай практически не финансирует сектор безопасности для воздействия на «экстра-легальные» риски (терроризм, протесты и др.), в ЦА он изредка осуществляет такие вложения. При этом КНР воздерживается от содействия реформированию институтов, совершенствованию судебно-правовых систем, противодействию коррупции и т.п. Ключевую роль в защите китайского бизнеса играет страхование по линии Sinosure политических рисков, сопряженных с выдачей инвестиционных кредитов китайскими государственными банками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках проведенного исследования поставленная цель – выявить характерные особенности и механизмы применения инструментов ОФР в политике США и КНР в Центральной Азии для обеспечения национальных интересов в условиях формирования полицентричного мирового порядка – была достигнута посредством решения ряда взаимосвязанных задач. Ниже последовательно представлены результаты решения каждой из них.

Было уточнено содержание понятия «официальное финансирование развития» и структура комплекса инструментов ОФР. Представлено научно обоснованное определение ОФР как совокупности различных финансовых инструментов (грантов, льготных и нельготных кредитов, механизмов облегчения долгового бремени, гарантий и др.), которые применяются властными органами суверенных государств, а также учрежденными и/или контролируемыми ими юридическими лицами, направлены номинально на обеспечение социально-экономического развития зарубежных стран и решение трансграничных проблем и одновременно служат реализации национальных интересов государства-донора. В отличие от релевантных понятий и других дефиниций определение акцентирует декларативный характер номинальной целевой ориентации инструментов ОФР через указание их неразрывной связи с национальными интересами государств-доноров, что дает ряд преимуществ при решении задач как теоретического, так и прикладного характера.

В структуру инструментария ОФР включены как формы, традиционно относимые к ОПР – безвозмездная помощь и льготные кредиты, так и прочее официальное финансирование (исключая прямые экспортные кредиты), а также инструменты мобилизации ресурсов частного сектора, в первую очередь гарантийные инструменты.

Решение задачи по раскрытию основополагающих принципов изучения политики западных и незападных государств в сфере финансирования развития потребовало обоснования необходимости применения комплексного

сравнительного анализа для выявления специфики предоставления ОФР в конкретных региональных и страновых контекстах. Установлено, что в рамках такого анализа должны учитываться не только формальные объемы финансирования и особенности его распределения между отдельными странами, секторами, каналами, инструментами и т.п., но и особенности стратегического целеполагания и институционального ландшафта в государствах-провайдерах.

Научно обоснован новый концептуально-методологический подход, основанный на сквозной интеграции внешнеполитической и внешнеэкономической компоненты и отведении значимой роли понятиям «риск» и «митигация рисков». Его элементы:

- 1) рассмотрение ОФР как неотъемлемого компонента внешнеполитического инструментария государства;
- 2) выявление ключевых внешнеэкономических интересов донора в регионе;
- 3) системная оценка политических рисков для реализации этих интересов;
- 4) определение инструментов и проектов ОФР, обладающих наибольшим митигационным эффектом в отношении региональных и страновых политических рисков для внешнеэкономической деятельности.

Были выявлены ключевые изменения глобального ландшафта рисков для ведения бизнеса, а также константы и переменные в восприятии деловыми кругами таких рисков в 2010 – 2020-е гг. – с опорой на результаты ежегодных опросов представителей бизнес-сообщества. Зафиксированы устойчивая и отчасти парадоксальная недооценка политических рисков в сравнении с другими категориями; деприоритизация рисков, связанных с применением вооруженного насилия; концентрация внимания на общих рисках, связанных с обострением междержавной конкуренции.

Обозначены особенности минимизации таких рисков инструментами ОФР с помощью механизмов прямого и косвенного воздействия и исходя из этого сформулированы две гипотезы:

- о превращении инструментов ОФР в условиях изменения глобального ландшафта рисков и их восприятия деловыми кругами в один из ключевых

механизмов обеспечения национальных интересов государств-доноров как во внешнеполитической, так и во внешнеэкономической сфере и о повышении роли этих инструментов в защите их компаний, работающих в развивающихся странах, от рисков разного типа;

– о наличии у данной тенденции как позитивного митигирующего, так и негативного побочного эффектов вследствие более интенсивного столкновения интересов бизнеса из конкурирующих держав (в том числе США и КНР) в зонах наиболее интенсивного соперничества, подобных Центральной Азии.

Охарактеризованы особенности эволюции стратегических приоритетов США и Китая в отношении стран Центральной Азии и выявлены принципиальные различия как в геополитических установках и внешнеполитических доктринах двух держав, так и в их развитии с течением времени. Установлено, что политику США как государства-провайдера ОФР в регионе характеризует выраженная зависимость от изменений регионального и глобального контекста, идеологических установок правящей администрации и баланса сил между республиканской и демократической партиями в Конгрессе. Выявлено, что доминирование политических императивов имеет место как в дискурсе, так и на практике, и номинально декларируемые коммерческие мотивы стали обретать подлинно существенное значение только при Д. Трампе.

Выявлено, что подход Китая характеризуется большей последовательностью, ориентацией на долгосрочную перспективу, преобладанием геоэкономической составляющей и – как следствие – неизменным выделением существенно больших ресурсов на ОФР в ЦА в сравнении с США. Такие отличия предопределяются не только внутренней гомогенностью рассматриваемого периода, объединенного руководством Си Цзиньпина, или особенностями политической системы КНР, но и наличием такой константы, как сопредельность региона ЦА с Китаем.

Установлено, что в последние годы обозначилась тенденция к некоторому концептуальному сближению американских подходов с китайскими, которая обусловлена не только возвращением к власти Д. Трампа, но и ускорением таких

процессов, как обострение дефицита природных ресурсов, пространственная реконфигурация мира, кризис существующей хозяйственной системы и формирование нового миропорядка.

В рамках сопоставления показателей динамики и структуры потоков ОФР из США и Китая в страны Центральной Азии на разных этапах рассматриваемого периода были зафиксированы две закономерности.

1) волатильность была свойственна потокам ОФР от обеих стран, но обуславливалась разными причинами: в случае с США – частой сменой приоритетов выделения грантового финансирования при различных администрациях, которую Конгресс частично сглаживал лишь отчасти, а в случае с Китаем – неизменной ставкой на выделение крупных многолетних займов с характерной для такого финансирования нерегулярностью траншей.

2) структура распределения потоков существенно отличалась, но для обеих стран была характерна взаимная обусловленность аллокации средств между отдельными финансовыми инструментами, страновыми и секторальными направлениями, которая, в свою очередь, отражала различия в стратегических приоритетах и особенностях их эволюции.

В ходе сравнительного анализа американского и китайского подходов к защите национальных интересов во внешнеэкономической сфере в Центральной Азии инструментами ОФР выявлены фундаментальные различия в философии, методах и приоритетах двух держав. Определено, что США делали ставку на косвенное воздействие на инвестиционные риски через трансформацию институциональной среды в странах-реципиентах с помощью инструментов официальной помощи развитию, а Китай – на страхование и гарантии Sinosure, «связывание» помощи, поощрение реализации основного коммерческого контракта через предоставление ОФР и выставление жестких условий при выделении льготных кредитов. Однако после возвращения Д. Трампа наблюдается переориентация на предоставление кредитов и инвестиционных гарантий по линии АКФМР, что соответствует стратегии США на укрепление своих позиций в условиях глобального соперничества с КНР.

Полученные научные результаты и положения способствуют совершенствованию теоретико-методологического аппарата, необходимого для определения как детерминант политики финансирования развития, так и характера отражения целевой ориентации в динамике и структуре соответствующих потоков, что составляет стержневую научную проблему в исследованиях ОФР уже не одно десятилетие. Итоги решения поставленных задач позволяют сформировать более глубокое понимание того, какое именно влияние оказывает формирование полицентричного мирового порядка на практику применения инструментов ОФР для обеспечения национальных интересов государств-доноров – как во внешнеполитической, так и во внешнеэкономической сферах – в стратегически значимых региональных контекстах. Диссертационное исследование демонстрирует различия в характере этого влияния на политику двух ключевых претендентов на глобальное лидерство в центре Евразийского континента, где с высокой долей вероятности будет определяться облик системы международных отношений в XXI веке. Тем самым полученные нами результаты способствуют более глубокому познанию сущности и направления самой системной трансформации.

Проведенное исследование также позволяет сформулировать следующие *практические рекомендации* для оптимизации экспертно-аналитического обеспечения и инструментария российской политики предоставления ОФР в Центральной Азии – как на двусторонней основе, так и через евразийские институты развития – ЕФСР и ЕАБР.

Первоочередной задачей представляется создание комплексной системы мониторинга проектов ОФР ведущих западных и незападных доноров в странах Центральной Азии, в рамках которой будут отслеживаться не только количественные параметры финансирования или декларируемые цели проектов (как в использованных в диссертации базах данных), но и последствия реализации проектов. В рамках реализации данного подхода необходимо дифференцировать краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные эффекты, используя комплекс экономических, политических, социальных индикаторов, в том числе оцениваемые

методом опроса экспертов. Это позволит своевременно выявлять потенциальные угрозы и риски и вырабатывать адекватные ответные меры. Важную роль в функционировании такой системы мониторинга могут играть евразийские институты развития, в том числе Евразийский банк развития, участниками которого сегодня являются 4 из 5 стран Центральной Азии.

Представителям профильных российских органов власти и профильным экспертам, входящим в состав специализированных консультативных органов, особое внимание необходимо уделить активизации работы по разъяснению различий в подходах доноров среди элит и общественности стран ЦА, акцентируя фокус на принципах равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, предлагаемого в рамках углубления евразийской интеграции.

В условиях переориентации американской политики в Центральной Азии при второй администрации Д. Трампа российским ведомствам, вовлеченным в реализацию государственной политики в сфере содействия международному развитию, целесообразно активизировать работу по развитию инструментов как технического содействия, так и защиты инвестиций и поддержки бизнеса. Так, для укрепления позиций российского бизнеса в регионе следует рассмотреть возможность расширения применения инструментов страхования и выдачи инвестиционных гарантий национальным компаниям и финансирующим их кредитным организациям (как на двусторонней основе, так и по линии евразийских институтов), а также расширить практику предоставления «связанных» льготных кредитов странам региона на реализацию стратегически важных проектов в нефтегазовой, химической, электроэнергетической, транспортной отраслях.

И наконец, в условиях нарастания геополитической конкуренции в Центральной Азии и увеличения присутствия внерегиональных акторов является целесообразным создание российской платформы для регулярного мониторинга восприятия политических рисков в регионе российским бизнесом, присутствующим на рынках стран ЦА. Разработка методики такого мониторинга должна учитывать российские национальные интересы. Получаемые посредством такого мониторинга данные позволят формировать более точные и релевантные

оценки политических рисков, которые могут использоваться государственными органами, многосторонними и национальными институтами развития и частными кредитными организациями, предоставляющими инструменты страхования, при выработке стратегии и принятии решений о поддержке того или иного бизнеса.

В свете фундаментальной трансформации современной системы международных отношений, характеризующейся переходом от однополярной гегемонии к полицентрической модели мироустройства, официальное финансирование развития приобретает качественно новое стратегическое значение. Это дает основания предполагать, что число отечественных практико-ориентированных исследований, посвященных вопросам применения ведущими мировыми державами инструментария ОФР (к которым относится и представленное диссертационное исследование), в ближайшие годы будет только расти.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБИИ	– Азиатский банк инфраструктурных инвестиций
АБР	– Азиатский банк развития
АКФМР	– Американская корпорация финансирования международного развития
АМР США	– Агентство США по международному развитию
АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
ВВП	– валовой внутренний продукт
ВТО	– Всемирная торговая организация
ЕАБР	– Евразийский банк развития
ЕАЭС	– Евразийский экономический союз
ЕБРР	– Европейский банк реконструкции и развития
ЕФСР	– Евразийский фонд стабилизации и развития
ИМЧК	– инструменты мобилизации частного капитала
ИФР	– институты финансирования развития
КАСМР	– Китайское агентство по международному сотрудничеству в сфере развития
КЗЧИ	– Корпорация зарубежных частных инвестиций
КПК	– Коммунистическая партия Китая
КСР ОЭСР	– Комитет содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития
МВФ	– Международный валютный фонд
НШП	– Новый шелковый путь
ОБСЕ	– Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ООПУР	– общая официальная поддержка устойчивого развития
ОПР	– официальная помощь развитию
ОФР	– официальное финансирование развития
ОЭСР	– Организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ	– прямые иностранные инвестиции
ПОФ	– прочее официальное финансирование
ПРООН	– Программа развития ООН

РССР	– Региональная стратегия сотрудничества в сфере развития
РНФ	– Российский научный фонд
СМР	– содействие международному развитию
СНБ	– Совет национальной безопасности
СНГ	– Содружество независимых государств
СУАР	– Синьцзян-Уйгурский автономный район
ЦА	– Центральная Азия
ЦУР	– Цели устойчивого развития
ШОС	– Шанхайская организация сотрудничества
ЭКА	– экспортно-кредитное агентство
ЭПШП	– Экономический пояс Шелкового пути

БИБЛИОГРАФИЯ

ЛИТЕРАТУРА

Монографии и диссертации

На русском языке:

1. Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. № 4. – М.: НОФМО, 2010. – 104 с.
2. Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 192 с.
3. Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию. Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи – М.: Ленанд, 2013. – 320 с.
4. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации – М., ИМЭМО РАН, 2009. – 180 с.
5. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении – М.: Аспект Пресс, 2019. – 224 с.
6. Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 186 с.
7. Казанцев А.А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А. Казанцев. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 382 с.

8. Ким М.К. Евразийский экономический союз в дискурсе стран СВА (на примере Республики Корея, Японии и Китая) / Дисс. на соискание уч. ст. канд. полит. наук. – М.: МГИМО, 2026. – 247 с.
9. Кокошин А.А., Кокошина З.А. О контурах формирующейся центросиловой структуры системы мировой политики. – М.: ЛЕНАНД, 2025. – 104 с.
10. Конкуренция между США и КНР: возможности для России. / под ред. Д.А. Дегтерева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. – 300 с.
11. Малышева Д. Б. Центральназиатский узел мировой политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 100 с.
12. Морозкина А.К. Двусторонняя официальная помощь развитию: влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 годов. / Дисс. на соискание уч. ст. канд. экон. наук. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 185 с.
13. Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой. – М.: НП РСМД, 2023. – 472 с.
14. Перминова А.А. Эволюция взаимодействия КНР с государствами Центральной Азии в сфере безопасности с 2001 по 2021 гг. / Дисс. на соискание уч. ст. канд. полит. наук. – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – 207 с.
15. Перская В.В., Абрамов В.Л., Ткаченко А.А. и др. Институты содействия международному развитию: тенденции и вызовы постпандемического периода / под ред. В.В. Перской, Л.И. Хомяковой. – М.: Кнорус, 2023. – 234 с.
16. Перская В.В., Эскиндаров М.А. Вхождение в многополярность. Очерки переходного этапа. – М.: Курс, 2019. – 300 с.
17. Пятачкова А.С. Концептуальная основа современной внешней политики КНР / Дисс. на соискание уч. ст. канд. полит. наук. – М.: НИУ ВШЭ, 2025. – 319 с.
18. Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации: коллективная монография / под ред. Д. А. Дегтерева, Ли Янь. – М.: РУДН, 2023. – 264 с.

19. Сизов Г.А. Подход Китая к обеспечению безопасности своих граждан и экономических активов за рубежом в ходе реализации инициативы «Пояс и путь» / Дисс. на соискание уч. ст. канд. полит. наук. – М.: МГИМО, 2026. – 346 с.
20. Силаков Н.Ю. Фонды и неправительственные организации во внешней политике США на постсоветском пространстве в 2000-е –2020-е годы / Дисс. на соискание уч.ст. канд. полит. наук. – М.: ИМЭМО РАН, 2025. – 263 с.
21. Слуцкий Л.Э., Кротов М.И., Мунтиян В.И. Россия и евразийская интеграция в многополярном мире. – М.: Издательство Московского университета, 2025. – 294 с.
22. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 248 с.
23. Шаклеина Т.А. Россия и США: к новому мировому порядку. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2023. – 560 с.
24. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. К.П. Курылева – М.: Аспект Пресс, 2024. – 312 с.
25. Цю Ш. Международная гуманитарная помощь Китая: этапы, направления, особенности (1978–2025 гг.) / Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – М.: РУДН, 2026. – 226 с.

На английском языке:

26. Baldwin D. Economic Statecraft. – Princeton: Princeton University Press, 2020. – 476 p.
27. Brautigam D. Aid Dependence and Governance. – Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2000. – 68 p.
28. Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. – Oxford University Press, 2012. – 272 p.

29. Inada J. Examining the Belt and Road Initiative (BRI): China's Impact on the International Development Assistance Regime. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2025. – 227 p.
30. The Palgrave Handbook of Development Cooperation for Achieving the 2030 Agenda: Contested Collaboration. –Eds: S. Chaturvedi et al. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021.
31. Kassenova N. China–Central Asia relations // Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. / Eds: R. Isaacs, E. Marat. – London: Routledge, 2021. – 202–217 p.
32. Kennedy C. R. Political Risk Management: International Lending and Investing Under Environmental Uncertainty. New York: Quorum Books, 1987.
33. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. – 2nd ed. – Glenview, IL: Scott, Foresman, 1989. – 315 p.
34. Lancaster C. Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics. – Chicago: the University of Chicago Press, 2007. – 284 p.
35. Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia. Geopolitics and the Challenges of Economic Development. – New York: M.E. Sharpe, 2013. – 355 p.
36. Mawdsley E. From Recipients to Donors: Emerging Powers and the Changing Development Landscape. – London: Zed Books, 2012. – 280 p.
37. Purushothaman C. Emerging Powers, Development Cooperation and South-South Relations – International Political Economy Series. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – 232 p.
38. Riddell R.C. Does Foreign Aid Really Work? – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 536 p.
39. Van der Veen M. Ideas, Interests and Foreign Aid. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 290 p.
40. Walt S.M. The Origins of Alliance. – Cornell University Press, 1987. – 321 p.

Статьи

На русском языке:

41. Бартенев В.И. Влияние международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 155–188.
42. Бартенев В.И. Гарантийные инструменты в международном финансировании развития: факторы, динамика и перспективы применения // Финансовый журнал. – 2025. – Т. 17, № 1. – С. 27–44.
43. Бартенев В.И. Национальная система оказания международной помощи как объект анализа // Международные процессы. – 2025. – Т. 23, № 2. – С. 6–29.
44. Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 133–163.
45. Бартенев В.И., Мендагазиев А.Е. Константы и переменные в восприятии политических рисков международным бизнесом в 2010–2020-е годы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 55–84.
46. Бартенев В.И. Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – Т. 54, № 11. – С. 93–110.
47. Бартенев В.И. Вклад официальной помощи развитию в митигацию политических рисков для прямых иностранных инвестиций: пределы измеримости // Современная мировая экономика. – 2024. – Т. 2, № 4. – С. 6–23.
48. Бартенев В.И. Внешняя помощь и качество государственного управления: освобождение от иллюзий // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 67–79.

49. Бартенев В.И. Особенности финансирования программ международной помощи при администрации Д. Трампа: от инаугурации до «Украинагейта» // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 68–113.
50. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей США в Центральной Азии // Международная аналитика. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 32–39.
51. Бордовских А.Н. Экспроприация в XXI в. – новый вызов для исследований политического риска // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 298–313.
52. Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 3. – С. 23–32.
53. Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока – 2023. – № 5. – С. 90–107.
54. Гарбузарова Е.Г. Китайские вызовы для России в Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 7. – С. 121–128.
55. Гарбузарова Е. Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // Проблемы постсоветского пространства. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 26–36.
56. Гарбузарова Е.Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 97–103.
57. Гегелашвили Н.А. Роль США и ЕС в Центральной Азии в новых геополитических реалиях // Россия и новые государства Евразии. – 2023. – № II (LIX) – С. 112–126.
58. Гегелашвили Н.А. Каспийский регион во внешнеполитической стратегии США // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № II (LXIII). – С. 47–59.

59. Гегелашвили Н.А. Политика Вашингтона в условиях роста конкуренции между США и КНР в Центральной Азии // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – Т. 53, № 6. – С. 51–66.
60. Гегелашвили Н.А. Центральная Азия – потенциальный фокус политики администрации Трампа // Россия и новые государства Евразии. – 2025. – № 3. – С. 58–69.
61. Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: историческая ретроспектива // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 2. – С. 126–146.
62. Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: современный дискурс // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 2. – С. 3–33.
63. Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 6. – С. 48–58.
64. Давыдов А. А. О стратегической значимости Центральной Азии для США // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № IV (LVII). – С. 60–77.
65. Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2(23) – С. 47–58.
66. Дегтерев Д.А. Эффективность международной помощи развитию: от анализа проектов к оценке стратегического воздействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 57–86.
67. Жансаутова А., Нечаева Е., Казбекова М. Политические риски в обеспечении водной безопасности. Опыт стран Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан) // Центральная Азия и Кавказ. – 2018. – Т. 21, № 4. – С. 27–37.

68. Жильцов С.С., Зонн И.И. Каспийско-черноморские трубопроводы: новые вызовы. – Квант Медиа, 2025 – 280 с.
69. Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 1. – С. 78–89.
70. Жильцов С.С. Политика Запада в Центральной Азии: роль редкоземельных металлов. // Проблемы постсоветского пространства. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 8–19.
71. Зайцев Ю.К. Многосторонние механизмы управления процессами содействия международному развитию // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – Т. 20, № 5. – С. 67–76.
72. Зайцев Ю.К. Международная помощь развитию крупных инфраструктурных проектов в странах Центральной Азии // Экономическое развитие России. – 2022. – Т. 29, № 10. – С. 24–34.
73. Зайцев Ю.К. Российская экономическая помощь странам Центральной Азии: итоги двадцатилетнего партнерства // Экономическое развитие России. – 2021. – Т. 28, № 2 – С. 13–21.
74. Захаров А.Н., Рахимзода М.А. Зависимость стран Центральной Азии от зарубежной помощи (на примере Кыргызстана и Таджикистана) // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68., № 8. – с. 96–104.
75. Зиглер Ч. Э. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 4. – С. 13–22.
76. Зуенко И.Ю., Хэн Ц. Идеология антиколониализма как фактор внешней политики Китая // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 23–34.
77. Изимов Р.Ю., Мураталиева З.Т. Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 128–142.

78. Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4 (25) – С. 155–164.
79. Калашников Д.Б. Китай как донор помощи промышленному развитию стран Юга: значение для постиндустриализации его экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 195–213.
80. Калашников Д.Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели // Мировое и национальное хозяйство. – 2021. – Т. 57, № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (дата обращения: 08.08.2025)
81. Кашин В.Б., Королев А.С. Помощь КНР странам Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 3. – С. 78–85.
82. Кокошин А.А., Кокошина З.А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии // Современная Европа. – 2022. – № 6. – С. 126–139.
83. Лексютина Я.В. Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – № 28. – С. 77–87.
84. Лексютина Я.В. Китай и Центральная Азия // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. – 2025. – М.: Институт Китая и современной Азии РАН. – С. 393–404.
85. Лексютина Я.В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – № 25. – С. 305–320.
86. Лексютина Я.В. Механизм "5+1" во взаимодействии США с Центральной Азией: мотивация применения и выдвинутые инициативы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 140–146.

87. Лексютина Я.В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2025. – № 30, – С. 309–323.
88. Лексютина Я.В. От редактора рубрики. Новая "Большая игра" в Центральной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2024. – № 2. – С. 9–11.
89. Лексютина Я.В. Современная политика США в Центральной Азии: от первой до второй каденции Д. Трампа // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2025. – Т. 55, № 12 – С. 18–29.
90. Лексютина Я.В. США: в поисках ответа на китайскую инициативу "Пояс и Путь" // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – Т. 54, № 11 – С. 7–24.
91. Лю Цзяминь, Рыжов И., Тарасова Д. Взаимодействие Киргизии и Китая в рамках проекта «Один пояс, один путь» // Россия и новые государства Евразии. – 2023. – № IV (LXI). – С. 82–94.
92. Максимова А.В. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10, № 1. – С. 56–79.
93. Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – № 28. – С. 88–99.
94. Малышева Д.Б. Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 7. – С. 106–115.
95. Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 5. – С. 101–108.
96. Малышева Д. Афганистан и новая международная конфигурация в Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 4. – С. 35–43.

97. Мендагазиев А.Е., Торопыгин А.В., Саидамиров Б.Ш. Евразийский фонд стабилизации и развития в структуре механизмов сотрудничества России как донора со странами Центральной Азии // Государственное управление. – 2022. – Т. 58, № 4 – С. 104–115.
98. Мендагазиев А.Е. «Мягкая сила» Китая в Центральной Азии: инструменты и ограничители // «Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности». Сборник статей. Под общ. ред. Кашириной Т.В., Агуреева С.А. – 2021. – С. 494–499.
99. Мендагазиев А.Е. Китайские инвестиции в Центральной Азии и роль официального финансирования развития в их защите от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2025. – № 1. – С. 33–46.
100. Мендагазиев А.Е. Политика ведущих западных стран как доноров инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии: логика восприятия и митигации рисков // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 177–207.
101. Мендагазиев А.Е. Роль России в содействии развитию стран Центральной Азии в новых геополитических условиях // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 3. – С. 6–10.
102. Мендагазиев А.Е. Создание китайского агентства сотрудничества в области международного развития: факты и интерпретации // Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития. Сборник статей. – 2020. – с. 344–352.
103. Микитчук М.Д. Официальная международная помощь: эффективность благоориентированного мотива // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 2 (67). – С. 168–189.
104. Никитенко В.И. Евразийские векторы сотрудничества стран – участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и региональной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2018. – № 1. – С. 25–34.

105. Никитина Ю.А., Сергеев Е.А. Содействие международному развитию России в новых геополитических реалиях: актуализация задач, калибровка инструментов // Международная жизнь. – 2026. – № 2. – С. 78–85.
106. Николаев Н.А. Второй саммит «Китай–Центральная Азия»: риски от институционализации формата растут? // Евразийские исследования. – 2025. – Т.1, № 3. – С. 19–30.
107. Николаев С. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991–2008 гг.) // Международная жизнь. — 2011. – № 2. – С. 27–44.
108. Перминова А.А. Политика США в Центральной Азии в контексте противостояния с Россией и КНР // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – Т. 53, № 10. – С. 25–34.
109. Перская В.В. Инициатива «Один пояс, один путь»: экономические отношения, направленные на всестороннее развитие территорий и регионов участников инициативы // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 5. – С. 1–14.
110. Притчин С.А. “Большая игра 2.0” в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 112–123.
111. Пономарев В.А. Об основных направлениях политики США в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – Т. 7, № 4 – С. 445–459.
112. Рогожин А.А. Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2023. – № 2. – С. 43–56.
113. Сериккалиева А.Е., Амирбек А.А., Тажибаев Р., Бейсенбаев О.Т. Глобальное управление по-китайски: центральноазиатские проекты Азиатского банка инфраструктурных инвестиций // Центральная Азия и Кавказ. – 2020. – Т. 22, № 4. – С. 35–45.
114. Смахтина О.А., Сумин А.В. Основные направления реформы методологии официальной помощи развитию // Горизонты экономики. – 2024 – № 4 (84).

115. Сун Чжихао. Китайские частные охранные компании: возможности деятельности в Центральной Азии // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 3. – С. 34–47.
116. Сыроежкин К.Л. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – № 1. – С.23–46.
117. Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – № 9. – С. 104–122.
118. Сыроежкин К.Л. Россия и Китай в Центральной Азии: партнеры или конкуренты? // Россия и новые государства Евразии. – 2010. – № 4. – С. 48–65
119. Ткаченко М.Ф. Россия в системе международной помощи развитию государств Центральной Азии // Вестник российской таможенной академии. – 2018. – № 4. – С. 40–47.
120. Троицкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.) // Сравнительная политика. – 2011. – № 4(6). – С. 65–74.

На английском языке:

121. Ahmed S. China's Official Finance in the Global South: What's the Literature Telling Us? // Review of Economics. – 2022. – Vol. 73, No. 3. – P. 223–252.
122. Alesina A., Dollar D. Who Gives Foreign Aid to Whom and Why? // Journal of Economic Growth. – 2000. – Vol. 5. – P. 33–63.
123. Asiedu E., Jin Y., Nandwa B. Does Foreign Aid Mitigate the Adverse Effect of Expropriation Risk on Foreign Direct Investment? // Journal of International Economics. – 2009. – Vol. 78, No. 2. – P. 268–275.
124. Bali S., Arora S. Sino-Central Asia Relations: Disturbance, Dependency or Development? // Journal of Liberty and International Affairs. – 2023. – Vol. 9, No. 2. – P. 412–425.

125. Berthelemy J.-C. Aid Allocation: Comparing Donors' Behaviours // *Swedish Economic Policy Review*. – 2006. – Vol. 13, No. 2. – P. 75–109.
126. Brand A. The US in Central Asia. // *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation* / eds. J. Lempp, S. Mayer. – Cham: Springer, 2024. – P. 323–340.
127. Bossuyt F. The EU's and China's Development Assistance towards Central Asia: Low versus Contested Impact // *Eurasian Geography and Economics*. – 2019. – Vol. 59. – No. 5–6. – P. 606–631.
128. Bulir A., Hamann A. Volatility of Development Aid: From the Frying Pan into the Fire? // *World Development*. – 2008. – Vol. 36, No. 10 – P. 2048–2066.
129. Bulir A., Hamann A. Aid Volatility: An Empirical Assessment // *IMF Staff Papers*. – 2003. – Vol. 50, No. 1. – P. 64–89.
130. Celasun O., Walliser J. Predictability of Aid: Do Fickle Donors Undermine Aid Effectiveness? // *Economic Policy*. – 2008. – Vol. 23, No. 55. – P. 546–594.
131. Cooley A. US Bases and Democratization in Central Asia // *Orbis*. – 2008. – Vol. 52, No. 1. – P. 65–90.
132. Dreher A., Lang V., Reinsberg B. Aid Effectiveness and Donor Motives // *World Development*. – 2024. – Vol. 176. – Art. 106501.
133. Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A., Tierney M. Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset // *American Economic Journal: Economic Policy*. – 2021. – Vol. 13, No. 2. – P. 135–174.
134. Francisco P., Moreira S. B., Caiado J. Identifying Differences and Similarities Between Donors Regarding the Long-Term Allocation of Official Development Assistance // *Development Studies Research*. – 2021. – Vol. 8, No. 1. – P. 181–198.
135. Gray K., Gills B. South–South Cooperation and the Rise of the Global South // *Third World Quarterly*. – 2016. – Vol. 37, No. 4. – P. 557–574.
136. Gulrajani N. Bilateral Donors and the Age of the National Interest: What Prospects for Challenge by Development Agencies? // *World Development*. – 2017. – Vol. 96. – P. 375–389.

137. Jalan B. Gains to Donor Countries from Tied Aid // *Finance & Development*. – 1969. – Vol. 6, No. 3. – P. 14–18.
138. Kilama E. G. The Influence of China and Emerging Donors Aid Allocation: A Recipient Perspective // *China Economic Review*. – 2016. – Vol. 38. – P. 76–91.
139. Klingebiel S. What Is Development Cooperation? // *Development Cooperation: Challenges of the New Aid Architecture*. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 1–17.
140. Laruelle M., Peyrouse S. The United States in Central Asia: Reassessing a Challenging Partnership // *Strategic Analysis*. – 2011. – Vol. 35, No. 3. – P. 427–438.
141. Marson M., Savin I. Complementary or Adverse? Comparing Development Results of Official Funding from China and Traditional Donors in Africa // *Structural Change and Economic Dynamics*. – 2022. – Vol. 62. – P. 189–206.
142. Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F., Parra M. D., Klasen S. Does Aid Promote Donor Exports? Commercial Interest versus Instrumental Philanthropy // *Kyklos*. – 2014. – Vol. 67, No. 4. – P. 559–587.
143. McLean E.V. Multilateral Aid and Domestic Economic Interests // *International Organization*. – 2015. – Vol. 69, No. 1. – P. 97–130.
144. Milner H., Tingley D. The Choice for Multilateralism: Foreign Aid and American Foreign Policy // *The Review of International Organizations*. – 2013. – Vol. 8., No. 3. – P. 313–341.
145. Morgenthau H.A. A Political Theory of Foreign Aid // *The American Political Science Review*. – 1962. – Vol. 56, No. 2. – P. 301–309.
146. Muratshina K.G. Asian Infrastructure Investment Bank and Post-Soviet Central Asia: New Multilateral Bank Formation in the Context of China's Economic Interaction with Post-Soviet Central Asian Countries // *Central European Journal of International and Security Studies*. – 2017. – Vol. 11, No. 3. – P. 84–106.
147. Nowak-Lehmann F., Martínez-Zarzoso I., Herzer D., Klasen S., Cardozo A. Does Foreign Aid Promote Recipient Exports to Donor Countries? // *Review of World Economics*. – 2013. – Vol. 149, No. 3. – P. 505–535.

148. Olcott M.B. The Great Powers in Central Asia. // *Current History*. – 2005. – Vol. 104, No. 684. – P. 331–335.
149. Ping S.-N., Wang Y.-T., Chang W.-Y. The Effects of China's Development Projects on Political Accountability // *British Journal of Political Science*. – 2022. – Vol. 52, No. 1. – P. 65–84.
150. Regilme S.S.F., Hodzi O. Comparing US and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers // *The International Spectator*. – 2021. – Vol. 56, No. 2. – P. 114–131.
151. Simon J. Political risk assessment: Past trends and future prospects // *The Columbia Journal of World Business*. 1982. – Vol. 17, No. 3. – P. 62–71.
152. Starr S.F. "A Partnership for Central Asia." // *Foreign Affairs*. – 2005. – Vol. 84, No. 4. – P. 164–178.
153. Sun Zh. The Shanghai Cooperation Organization and China's Multilateral Diplomacy in the New Era // *China International Studies*. – 2021. – No. 89. – P. 36–60.
154. Quadir F. Rising Donors and the New Narrative of 'South–South' Cooperation: What Prospects for Changing the Landscape of Development Assistance Programmes? // *Third World Quarterly*. – 2013. – Vol. 34, No. 2. – P. 321–338.
155. Vadlamannati K. C., Brazys S., Dukalskis A., Li Y. Building Bridges or Breaking Bonds? The Belt and Road Initiative and Foreign Aid Competition. // *Foreign Policy Analysis*. – 2023. – Vol. 19, No. 3. – 26 p.
156. Vanderhill R., Joireman S.F., Tulepbayeva R. In the Shadow of the Dragon: Chinese Soft Power in Central Asia // *International Affairs*. – 2025. – Vol. 101, No. 4. – P. 1441–1461.
157. Van der Kley D. Chinese Companies' Localization in Kyrgyzstan and Tajikistan // *Problems of Post-Communism*. – 2020. – Vol. 67, No. 3. – P. 241–250.
158. Woods N. Whose aid? Whose influence? China, Emerging Donors and the Silent Revolution in Development Assistance // *International Affairs*. – 2008. – Vol. 84, No. 6. – P. 1205–1221.
159. Yang Y. Bring Your Own Workers: Chinese OFDI, Chinese Overseas Workers, and Collective Labor Rights in Africa // *World Development*. – 2022. – Vol. 152. – Art. 105808.

160. Yau N. Chinese Governance Export in Central Asia // Security and Human Rights. – 2022. – Vol. 32, No. 1–4. – P. 28–40.
161. Zhang C. China's Emergence and Development Challenges that China faces in Central Asia // Asian Review of Political Economy. – 2022. – Vol. 1. – Art. 10.
162. Zhang C. Central Asia in China's Strategic Mirror: Power, Perception and Policy. – The Implications of Ethnic Politics in Post-Socialist States for China. – Palgrave Macmillan, 2024. – P. 1–16.
163. Ziegler Ch. US policy and Central Asia // Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. / Eds: R. Isaacs, E. Marat. – London: Routledge, 2021. – P. 218–231.
164. Zimmermann F., Smith K. More Actors, More Money, More Ideas for International Development Co-operation // Journal of International Development. – 2011. – Vol. 23, No. 5. – P. 722–738.
165. Zuenko I. Yu. China's Activity in Central Asia in Light of Russian Interests // Russia in Global Affairs. – 2025. – T. 23, No.2. – P. 146–164.

На китайском языке:

166. 吕建中等 [Lu Jianzhong et al.]. 在“一带一路”国际产能合作中建立企业主导与政府推动的协同机制 [Establish a Collaborative Mechanism between Enterprise Leadership and Government Promotion in the "Belt and Road" International Capacity Cooperation] // 国际石油经济 [International Petroleum Economy] – 2017. – No. 218. – P. 1–6.
167. 邓浩 [Deng Hao]. 中国经略上合组织:进展、战略与前景 [China's Strategy toward the SCO: Progress, Strategy and Prospects] // 俄罗斯学刊 [Academic Journal of Russian Studies]. – 2023. – No. 4. – P. 37–58.

168. 栗瑞雪, 李燕 [Su Ruixue, Li Yan]. 习近平援助理论与中国对外援助实践 [Xi Jinping's Theory of Aid and China's foreign Aid Practice] // 文化软实力 [Cultural Soft Power]. – 2019. – No. 2. – P. 5–12.
169. 孙壮志 [Sun Zhuangzhi]. 大国博弈下的中亚安全形势：现状与前景 [The Security Situation in Central Asia under the Game of Great Powers: Status Quo and Prospects] // 亚太安全与海洋研究 [Asia-Pacific Security and Ocean Research]. – 2025. – No. 3. – P. 48–59.
170. 孙壮志 [Sun Zhuangzhi]. 构建中国–中亚命运共同体的内涵与路径 [The Connotation and Path of Building a China–Central Asia Community with Shared Future] // 当代世界 [Contemporary world]. – 2024. – No. 7. – P. 7–9.
171. 孙壮志 [Sun Zhuangzhi]. 阿富汗变局后的中亚安全：大国博弈与地区合作 [Security in Central Asia after the changes in Afghanistan: the Game of Great Powers and Regional Cooperation] // 俄罗斯东欧中亚研究 [Russian, Eastern European, and Central Asian Studies]. – 2022. – No. 1. – P. 1–16.
172. 方云霄, 夏咏 [Fang Yunxiao, Xia Yong]. 中国企业对中亚直接投资的政治风险量化评估分析 [Quantitative Assessment and Analysis of Political Risks of Chinese Companies' Direct Investment in Central Asia] // 中国商论 [Chinese Business Theory]. – 2022. – No. 12. – P. 76–78.
173. 李进峰 [Li Jinfeng]. “一带一路”境外合作区高质量发展：理念、实践与实现路径 [High-quality Development of the “Belt and Road” Overseas Cooperation Zone: Concept, Practice and Realization Path] // 中共中央党校（国家行政学院）学报.

[Journal of the Party School of the Central Committee of the C.P.C. (National Academy of Administration)]. – 2021. – Vol. 25, No. 2. – P. 109–117

174. 肖斌, 张晓慧 [Xiao Bin, Zhang Xiaohui]. 中国与中亚国家绿色转型合作: 基于公正转型的分析 [Green Transition Cooperation between China and Central Asian Countries: an Analysis Based on Just Transition] // 欧亚经济 [Eurasian Economy]. – 2024. – No. 4. – P. 1–21.

175. 邢广程 [Xing Guangcheng]. 中国与中亚国家的关系 [China's Relations with Central Asian Countries] // SRC Occasional Papers. – 2002. – No. 85. – P. 16–26.

176. 胡芳, 李誉博 [Hu Fang, Li Yubo]. “一带一路”沿线国家地缘政治风险评估及影响因素 [Geopolitical Risk Assessment and Influencing Factors of Countries in the Belt and Road Initiative] // 热带地理 [Tropical Geography]. – 2023. – Vol. 43, No. 6. – P. 1160–1171.

177. 韩璐, 李天毅 [Han Lu, Li Tianyi]. 新时期中国与中亚国家人文合作: 机遇与路径 [Humanities Cooperation between China and Central Asian Countries in the New Era: Opportunities and Paths] // 俄罗斯学刊 [Academic Journal of Russian Studies] – 2023. – No. 4 – P.123–136.

178. 苏畅 [Su Chang]. 从“边缘地带”到“枢纽地带”: 中亚稳定的地缘政治视角分析 [From "Marginal Zone" to "Hub Zone": Analysis from the Geopolitical Perspective of Stability in Central Asia] // 俄罗斯东欧中亚研究. [Russian Eastern European and Central Asian Studies]. – 2023. – No. 3. – P. 122–141.

179. 郭晓婷 [Guo Xiaoting]. 大国在中亚地区的发展援助及其成效 [Development Assistance From Leading Powers in the Central Asian Region and Its Effects] // 战略决策研究 [Strategic Decision Research]. – 2021. – No. 1. – P. 77–104.

180. 郭晓琼、蔡真 [Guo Xiaoqiong, Cai Zhen]. 中国对上海合作组织国家投资效率研究—基于 DEA-面板 Tobit 的实证分析 [China's Research on the Efficiency of Investment in Shanghai Cooperation Organization Countries-Empirical Analysis Based on DEA-Tobit] // 俄罗斯东欧中亚研究 [Russian Eastern European and Central Asian Studies]. – 2019. – No. 3 – P. 45–60.
181. 马强 [Ma Qiang]. 大国在中亚的“软实力”政策比较分析 [Comparative Analysis of the “Soft Power” Policies of Major Powers in Central Asia] // 俄罗斯学刊 [Academic Journal of Russian Studies]. – 2019. – Vol. 9, No. 6. – P. 120–134.
182. 高焱迅 [Gao Hanxun]. 中亚国家高质量共建“一带一路”的认知与思考 [Central Asian Countries' Perceptions and Reflections on High-Quality Joint Construction of the Belt and Road Initiative] // 北方论丛. – 2020. – No. 2. – P. 30–38.
183. 魏宇曦, 赵方圆, 路雪松 [Wei Yuxi, Zhao Fangyuan, Lu Xuesong]. 海外石油开发项目风险研究. [Risk Research on Overseas Petroleum Development Projects] // 油气田地面工程 [Oil and Gas Field Ground Engineering]. – 2023. – No. 4. – P. 7–10.
184. 张宁 [Zhang Ning]. 中亚能源与大国博弈 [Central Asian Energy and the Game of Great Powers]. – Changchun Publishing House, 2009. – 251 p.

Доклады, аналитические отчеты, рабочие документы, комментарии

На русском языке:

185. Акинфиева А.Э. Как и зачем Китай строит дороги в Центральной Азии? // Российский институт стратегических исследований (РИСИ). – 18.04.2016.

- [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/analitica/kak-i-zachem-kitay-stroit-dorogi-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 04.06.2025).
186. Винокуров Е.Ю. и др. Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры // ЕАБР. – 2025. – Доклады 25/1. – Алматы: Евразийский банк развития. – 45 с.
187. Винокуров Е.Ю. и др. Экономика Центральной Азии: новый взгляд. Доклады и рабочие документы 22/3 // ЕАБР. – Алматы, Бишкек, Москва: Евразийский банк развития, 2022. – 104 с.
188. Гегелашвили Н.А. Политика новой администрации Д. Трампа в Центральной Азии // Российский совет по международным делам (РСМД). – 17.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-novoy-administratsii-d-trampa-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 08.08.2025).
189. Гегелашвили Н.А. Вашингтонский саммит «С5+1» определил ключевые направления политики США в регионе // Российский совет по международным делам (РСМД). – 13.11.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vashingtonskiy-sammit-s5-1-opredelil-klyuchevye-napravleniya-politiki-ssha-v-regione/> (дата обращения: 07.12.2025).
190. Ермолов М.О. Помощь развитию: благотворительность или бизнес? // РСМД. – 01.03.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pomoshch-razvitiyu-blagotvoritelnost-ili-biznes/> (дата обращения: 08.05.2025).
191. Ермолов М.О. Помощь Центральной Азии: Новая Большая игра. // Российский совет по международным делам. – 2021. – Аналитическая записка № 36. – 21 с.
192. ЕФСР. Суверенное финансирование в Евразийском регионе 2025: Региональные проекты и инициативы международных финансовых институтов. – Астана: Евразийский фонд стабилизации и развития, 2026. – 53 с.

193. Как Узбекистан становится приоритетным партнером Китая в Центральной Азии? // СААН. – 15.02.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/7qK3h> (дата обращения: 08.08.2025).
194. Малахов А.А., Серик Е.Т., Забоев А.И. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2023. // ЕАБР. – 2023. – Доклады и рабочие документы 23/ 5 – Алматы: Евразийский банк развития. – 64 с.
195. Махмутова Е.В. США возвращают Центральную Азию в орбиту своих экономических интересов. // Российский совет по международным делам (РСМД). – 25.12.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-vozvrashchayut-tsentrالنu-yu-aziyu-v-orbitu-svoikh-ekonomicheskikh-interesov/> (Дата обращения: 05.01.2026).
196. Морозкина А.К. ОЭСР не могут, БРИКС не хотят: возможно ли изменение системы содействия международному развитию? // РСМД. – 12.08.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oesr-ne-mogut-briks-ne-khotyat-vozmozhno-li-izmenenie-sistemy-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/> (дата обращения: 25.08.2025).
197. Попов Д.С. Центральная Азия в китайской концепции Экономического пояса Шелкового пути и стратегические интересы России // Российский институт стратегических исследований (РИСИ). – 29.04.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/analitica/tsentralnaya-aziya-v-kitaysko-y-kontseptsii-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti-i-strategicheskiye-interesy-rossii/> (дата обращения: 06.08.2025).
198. Пылин А.Г. Экономические интересы Москвы в Центральной Азии // РСМД. – 28.08.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskiye-interesy-moskvy-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 08.05.2025).
199. Умаров Т.А. На пути к Pax Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая // Московский центр Карнеги.* – 25.03.2020. (Деятельность Фонда Карнеги признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 896-р от 18.07.2024)).

На английском языке:

200. Aliev N. China's Soft Power in Central Asia // The Central Asia. Caucasus Analyst. – 19.12.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13599-chinas-soft-power-in-central-asia.htm> (дата обращения: 7.06.2025).
201. Allianz Risk Barometers, 2021-2025 // AGCS. – 2021-2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://commercial.allianz.com/content/dam/onemarketing/commercial/commercial/reports/> (дата обращения: 08.08.2025).
202. Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13427 Chinese development projects // AidData. – 2021. – 145 p. URL: <https://www.aiddata.org/publications/banking-on-the-belt-and-road> (дата обращения: 9.06.2025).
203. Brown K. Why Hide? Africa's Unreported Debt to China. – AidData Working Paper 120 – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2022. – 45 p.
204. Calleja R., Cichocka B., Casadevall Bellés S. How Do Non-DAC Actors Cooperate on Development? CGD Policy Paper 294. – Washington, DC: Center for Global Development, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cgdev.org/publication/how-do-non-dac-actors-cooperate-development> (дата обращения: 08.05.2025).
205. Central Asia Attractiveness Report. With the Global Economy at a Crossroads, which Way will Central Asia Go? // Ernst & Young. – November 2022. – 61 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-kz/campaigns/foreign-direct-investment-surveys/documents/ey-central-asia-attractiveness-survey-2022.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
206. Chen Y., Liu Z.Z. Hedging belts, de-risking roads: Sinosure in China's overseas finance and the evolving international response // ODI. – 2023. – London: ODI. [Электронный ресурс]. URL: www.odi.org/en/publications/hedging-belts-de-risking-

roads-sinosure-in-chinas-overseas-finance-and-theevolving-international-response/
(дата обращения: 08.08.2025).

207. Corridors of Power: How Beijing uses economic, social, and network ties to exert influence along the Silk Road. – AidData at William & Mary. Williamsburg VA, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aiddata.org/publications/corridors-of-power> (дата обращения: 7.06.2025).

208. Custer S., Burgess B., Sritharan N. Into the Breach: Will China Step Up as the U.S. Retreats on Global Development? – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2025. – 25 p.

209. Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A. M., Tierney M. Apples and Dragon Fruits: The Determinants of Aid and Other Forms of State Financing from China to Africa – AidData Working Paper No. 15. – Williamsburg, VA: AidData, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://aiddata.org/aiddata-working-paper-series> (дата обращения: 08.05.2025).

210. Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A., Tierney M. China and the Western Donors: More Similar than Different? Research Summary // AidData. Working Paper No. 134. – 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/chinaresearch2-2.pdf> (дата обращения: 08.05.2025)

211. Fanger S., Nifti E. U.S. Supports Trans-Caspian Trade and Transport Diversification // Caspian Policy Center. – 31.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/us-supports-trans-caspian-trade-and-transport-diversification> (дата обращения: 29.09.2025).

212. Foreign Borrowing, Sovereignty, and Public Opinion in the Global South: Traditional Lenders or China? – AidData. Working Paper 134. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2025. – 35 p. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/WPS134_Foreign_Borrowing_Sovereignty_and_Public_Opinion_in_the_Global_South__Traditional_Lenders_or_China.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

213. Gelpern A. et al. How China Lends: A Rare Look into 100 Debt Contracts with Foreign Governments // Center for Global Development. – 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cgdev.org/publication/how-china-lends-rare-look-into-100-debt-contracts-foreign-governments> (дата обращения: 08.05.2025).
214. Gelpern, A., Haddad, O., Horn, S., Kintzinger, P., Parks, B. C., & C. Trebesch. How China Collateralizes. //AidData. – 2025. – Working Paper № 136. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.
215. Gulrajani N. Bilateral versus multilateral aid channels. Strategic Choices for donors. – ODI Report. — London: Overseas Development Institute, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://cdn.odi.org/media/documents/10492.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
216. Gulrajani N., Calleja R. Understanding Donor Motivations. – ODI. Working Paper 548. – London: Overseas Development Institute, 2019. – 49 p. URL: <https://media.odi.org/documents/12633.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
217. Huasheng Zh. Modern Approaches of China to the Shanghai Cooperation Organization // Valdai Club. – 12.04.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/modern-approaches-of-china-to-the-sco/> (дата обращения: 29.08.2025).
218. Jackson J. China and the New Donors of Development Assistance: Theorizing the Future of the OECD Aid Apparatus // Reconsidering Development. – 2012. – Vol.2, No.1. – Art. 2.
219. Kassenova N. How China's Foreign Aid Fosters Social Bonds with Central Asian Ruling Elites – Washington: Carnegie Endowment for International Peace*, 2022. – 36 p. (Деятельность Фонда Карнеги признана нежелательной на территории Российской Федерации (распоряжение Минюста России от 18.07.2024 № 896-р);
220. Kassenova N. China as an Emerging Donor in Tajikistan and Kyrgyzstan. // Russia/NEI.Visions. – 2009. – 27 p.
221. Kharas H. The Emerging Middle Class in Developing Countries // OECD Development Centre – 2010. – Working Paper № 285. – 61 p.

222. Kharas H., McArthur J. Building the SDG Economy: Needs, Spending, and Financing for Universal Achievement of the Sustainable Development Goals – Global Economy & Development. Working Paper 131. Washington, DC: Brookings Institution, 2019. – 32 p.
223. Knack S. Aid Dependence and the Quality of Governance. A Cross-Country Empirical Analysis. – Policy Research Working Paper – 2000. – No. 2396. – 40 p.
224. Linderman L. et el. A Strategy for Greater Central Asia // American Foreign Policy Council, The Central Asia-Caucasus Institute. – 2025. [Электронный ресурс]. URL:
https://www.afpc.org/uploads/documents/CORRECTED_An_american_strategy_for_greater_central_Asia.pdf (Дата обращения: 25.06.2025).
225. McDade T. China's Foreign Investments: Hedges Against Policy Uncertainty // AidData Working Paper. – 2024. – No. 132. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aiddata.org/publications/chinas-foreign-investments-hedges-against-policy-uncertainty> (дата обращения: 08.05.2025).
226. Mirabile M., Halvorson-Quevedo R. Guarantees for development – OECD Development Co-operation Working Papers. – No. 11. – 2013. – Paris: OECD Publishing. – 24 p.
227. Nichol J. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests // Congressional Research Service. – 21.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/reference/research/uscrs/2014/en/98732> (дата обращения: 08.08.2025).
228. Nichol J. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests // Congressional Research Service. – 28.05.2010. – p.29. [Электронный ресурс]. URL:
https://www.everycrsreport.com/files/20100528_RL33458_e9e90d541727cc4465526f46ebd8df10af36ea68.pdf (дата обращения: 08.08.2025).
229. Oxford Analytica. How are Global Businesses Managing Today's Political Risks? 2022-2024 Surveys and Reports, produced for WTW // WTW. [Электронный ресурс].

URL: <https://www.wtwco.com/en-us/insights/all-insights> (дата обращения: 08.08.2025).

230. Panel Discussion. United States Strategy for Central Asia: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // The Heritage Foundation. – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.heritage.org/china/event/united-states-strategy-central-asia-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity> (дата обращения: 25.07.2025).

231. Rudenshiold E. Trans Caspian Trajectory: a New U.S. Strategy for Central Asia and Caucasus. – Caspian Policy Center, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://caspianpolicy.org/research/south-caucasus/trans-caspian-trajectory-a-new-us-strategy-for-central-asia-and-caucasus> (дата обращения: 08.05.2025).

232. Sajjanhar A. China-Central Asia relations: An Uneasy Co-existence // Observer Research Foundation. – 10.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/china-central-asia-relations-an-uneasy-co-existence/> (дата обращения: 29.07.2025).

233. Sandefur J., Kenny Ch. USAID Cuts: New Estimates at the Country Level // Center for Global Development. – 26.03.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cgdev.org/blog/usaids-cuts-new-estimates-country-level> (дата обращения: 08.08.2025).

234. Schwarz R., Rudyak M. China's Development Co-operation // OECD Development Co-operation Working Papers. 2023. – No. 113. – Paris: OECD Publishing. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/china-s-development-co-operation_ea34f6c2/2bbe45d2-en.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

235. Starr S.F. The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2007.

236. Starr S.F. U.S. Policy in Central Asia through Central Asian Eyes. Silk Road Paper. – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, 2023. – 42 p.

237. Testimony of Lisa Curtis before the House Committee on Foreign Affairs South and Central Asia Subcommittee. Assessing the Terror Threat Landscape in South and Central Asia and Examining Opportunities for Cooperation. May 22, 2025. // U.S. Congress, House of Representatives – 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/119/meeting/house/118287/witnesses/HHRG-119-FA19-Wstate-CurtisL-20250522.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

238. Witness Testimony of Niva Yau before the US-China Economic and Security Review Commission. Hearing on China's Activities and Influence in South and Central Asia. May 12, 2022 // U.S.–China Economic and Security Review Commission. – 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uscc.gov/hearings/chinas-activities-and-influence-south-and-central-asia> (дата обращения: 25.06.2025).

На китайском языке:

239. 欧亚系统科学研究会. 哈萨克斯坦事件：俄罗斯的胜利与中国的挑战 [Eurasian Society for Systems Science. Events in Kazakhstan: Russia's Victory and China's Challenge] // 欧亚系统科学研究会 [Eurasian Society of Systems Sciences]. – 16.01.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.essra.org.cn/view-1000-3413.aspx> (дата обращения: 08.08.2025).

240. 邓浩 [Deng Hao]. 丝绸之路经济带与中国的中亚外交 [The Silk Road Economic Belt and China's Central Asia Diplomacy] // 国务院发展研究中心欧亚社会发展研究所 [Institute of Eurasian Social Development, Development Research Center of the State Council]. – 07.05.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.easdri.org.cn/newsinfo/518495.html> (дата обращения: 7.08.2025).

241. 韩璐, 李天毅 [Han Lu, Li Tianyi]. 后疫情时代中国与中亚国家人文合作：机遇与路径 [Humanitarian Cooperation between China and Central Asian Countries in

the Post-Epidemic Era: Opportunities and Paths] // 中亚国家发展报 [Central Asian Countries Development Report]. – 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ydylcn.com/skwx_ydyl/initDatabaseDetail?siteId=1&contentId=11578391&contentType=literature&type=%25E6%258A%25A5%25E5%2591%258A (дата обращения: 08.08.2025).

242. 韩璐, 李琰. [Han Lu, Li Yan] 疫情下中亚国家与国际组织的抗疫合作 [Anti-Pandemic Cooperation between Central Asian Countries and International Organizations under the Pandemic] // 中国国际问题研究院 [China Institute of International Studies] – 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/xslw/202109/t20210918_8145.html (дата обращения: 08.08.2025).

中国—中亚机制成为地区多边合作新范式 [The China-Central Asia Mechanism Has Become a New Paradigm of Regional Multilateral Cooperation]. // 上海社会科学院 [Shanghai Academy of Social Sciences]. – 19.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/L0sekPoaXQ-mxbvKzZY5Xw> (дата обращения: 08.08.2025).

ИСТОЧНИКИ

Официальные документы и нормативно-правовые акты

а) Документы международных организаций:

243. Стратегия ЕАБР 2022–2026. // ЕАБР. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/EDB_Strategy_for_2022-2026-RU.cleaned.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

244. Стратегия Евразийского фонда стабилизации и развития в Кыргызской Республике в 2022–2026 // ЕФСР. 2022. [Электронный ресурс]. URL:

https://efsd.org/upload/iblock/bd8/EFSD_strategy_Kyrgyzstan_RU.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

245. Стратегия Евразийского фонда стабилизации и развития в Республике Таджикистан в 2022–2026 // ЕФСР. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.efsd.org/upload/iblock/b82/EFSD_strategy_Tajikistan_RU.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

246. Севильское обязательство: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 79/323 от 25 августа 2025 г. –A/RES/79/323. – Нью-Йорк: ООН, 2025. – 42 с. [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4087700/files/A_RES_79_323-RU.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

247. Accelerating Growth through Entrepreneurship, Technology Adoption, and Innovation Europe and Central Asia Economic Update // World Bank. – Washington, DC: World Bank, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/86e38af6-e9ad-4f37-8258-17fd561147c7/content> (дата обращения: 08.05.2025).

248. Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development (Addis Ababa Action Agenda) [endorsed by UN GA resolution 69/313 of 27 July 2015]. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares69d313_ru.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

249. Aid Effectiveness 2011: Progress in Implementing the Paris Declaration. – Paris: OECD Publishing, 2012. – 200 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264125780-en> (дата обращения: 08.08.2025).

250. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. Annexes – modules A, B, and C. – DCD/DAC/STAT(2020)44/ADD1/FINAL. – Paris: OECD, 2021. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT\(2020\)44/ADD1/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT(2020)44/ADD1/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 08.05.2025).

251. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. Chapters 1–6. – Paris: OECD, 2024. [Электронный ресурс]. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2024\)40/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2024)40/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 08.05.2025).
252. Cuts in official development assistance: OECD projections for 2025 and the near term // OECD Policy Briefs, No. 26. – OECD Publishing, Paris, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1787/8c530629-en> (дата обращения: 12.12.2025).
253. Preliminary official development assistance levels in 2025. Detailed Summary Note. – Paris: OECD, 2026. [Электронный ресурс]. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD\(2026\)8/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD(2026)8/en/pdf) (дата обращения: 10.04.2026).
254. DAC Recommendation on Untying Official Development Assistance. – OECD/LEGAL/5015 – Paris: OECD, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/140/140.en.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).
255. Development Co-operation Report 2024: Tackling Poverty and Inequalities through the Green Transition. – Paris: OECD Publishing, 2024. – 358 p. – URL: <https://doi.org/10.1787/357b63f7-en> (дата обращения: 08.08.2025).
256. Global Economic Prospects // World Bank. – Washington, DC: World Bank, 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/a9e24256-baf8-45bb-9075-75e437e1d6f7/content> (дата обращения: 31.01.2026).
257. Global Outlook on Financing for Sustainable Development 2025: Towards a More Resilient and Inclusive Architecture. – Paris: OECD Publishing, 2025. – 225 p.
258. Improving the Legal Environment for Business and Investment in Central Asia: Progress Report // OECD. – 2023. – Paris: OECD Publishing. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1787/33a28683-en> (дата обращения: 08.05.2025).
259. Measuring mobilisation. Briefing on efforts to harmonise OECD and MDB measurement methodologies. – DCD/DAC(2018)25. – Paris: OECD, 2018. [Электронный ресурс]. URL:

[https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2018\)25/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2018)25/en/pdf) (дата обращения: 08.05.2025).

260. Multilateral Aid 2015: Better Partnerships for a Post–2015 World. – Paris: OECD Publishing, 2015. – 248 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/dac/aid-architecture/OverviewChapter-MEP.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

261. Report on the Implementation of the DAC Recommendation on Untying Official Development Assistance. – DCD/DAC(2022)34/FINAL. – Paris: OECD, 2022. [Электронный ресурс]. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2022\)34/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2022)34/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 08.05.2025).

262. Regional Note on Critical Minerals in Central Asia // OECD Critical Minerals Forum Background Paper. – Paris: OECD Publishing, 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/events/2026/04/critical-minerals-forum/oecd-critical-minerals-regional-note-central-asia.pdf> (дата обращения: 08.05.2026).

263. Risk Assessment and Mitigation in Central Asia: Implications for Foreign Direct Investment and the Belt and Road Initiative // European Bank for Reconstruction and Development. – London: EBRD, 2022.

264. Nairobi Outcome Document of the High-Level United Nations Conference on South–South Cooperation: resolution / adopted by the General Assembly. – A/RES/64/222. – New York: UN, 2009. – 21 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/en/A/RES/64/222?> (дата обращения: 08.05.2025).

265. World Investment Report 2025 // UNCTAD. – Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_annex-tables_en.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

б) Международные договоры, соглашения, декларации

266. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Президент РФ. – 15.06.2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 08.08.2025).
267. Final Communiqué B5+1 Forum: Advancing Business Partnership for Regional Prosperity. Almaty, Kazakhstan. 13–14 March 2024 // CIPE. – 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cipe.org/wp-content/uploads/2024/03/B51-Forum_Final-Communique_2024_EN.pdf (дата обращения: 29.09.2024).
268. Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America, Samarkand, Uzbekistan // U.S. State Department. – 01.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/08/260803.htm> (дата обращения: 08.08.2025).
269. Joint Statement on the Fourth C5+1 Ministerial // U.S. Department of State. – 24.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://2017-2021.state.gov/joint-statement-on-the-fourth-c51-ministerial/index.html> (дата обращения: 25.07.2025).
270. Joint Statement of Intent on Economic Cooperation // U.S. Department of State. – 07.11.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/releases/2025/11/joint-statement-of-intent-on-economic-cooperation> (дата обращения: 25.11.2025).
271. Preferential buyers credit loan agreement on the construction of Datka-kemin 500kv transmission line project between the Export-import Bank of China as lender and the Government of the Kyrgyz Republic represented by the Ministry of Finance as borrower // China Eximbank. – June, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://china.aiddata.org/projects/39619/> (дата обращения: 08.08.2025).
272. 第二届中国-中亚峰会阿斯塔纳宣言 [Astana Declaration of the Second China–Central Asia Summit] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs]. – 17.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202506/t20250618_11652095.shtml (дата обращения: 08.08.2025).

273. 中国—中亚峰会西安宣言（全文） [Full Text of the Xi'an Declaration of the China-Central Asia Summit] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 19.05.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

274. 中华人民共和国同哈萨克斯坦共和国、吉尔吉斯共和国、塔吉克斯坦共和国、土库曼斯坦、乌兹别克斯坦共和国永久睦邻友好合作条约 [Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном, Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой]. – 17.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/tt/202506/t20250617_698616.shtml (дата обращения: 08.08.2025).

в) Документы органов государственной власти отдельных стран

Документы органов государственной власти США

Материалы органов исполнительной власти

275. Annual Reports [Электронный ресурс] // U.S. Development Finance Corporation (DFC). URL: <https://www.dfc.gov/our-impact/reports> (дата обращения: 29.09.2024).

276. Central Asia Regional Development Cooperation Strategy 2015–2019 // USAID. – October 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://static1.squarespace.com/static/587fcaeb1b10e3086960b284/t/5fea7fef6b227530e7ef119e/1609203698173/Central+Asia_RDCS_2015-2020.pdf (дата обращения: 08.01.2025).

277. Central Asia Regional Development Cooperation Strategy 2020–2025 // USAID. – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usaid.gov/central-asia-regional/strategy> (дата обращения: 08.01.2025).
278. Central Asia Regional Development Cooperation Strategy in Central Asia 2020 – 2025 (Amended) // USAID. – 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2024-04/External-Amended%20RDCS-Central%20Asia_1.pdf (дата обращения: 08.01.2025).
279. Congressional Budget Justification FY2026. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. // U.S. Department of State. – 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2025/05/FY-2026-State-CBJ-.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).
280. International Affairs Budgets, FY2002-FY2025 // U.S. Department of State. URL: <https://2021-2025.state.gov/plans-performance-budget/international-affairs-budgets/> (дата обращения: 08.01.2025).
281. Integrated Country Strategies [Электронный ресурс]. // U.S. Department of State. URL: <https://2021-2025.state.gov/office-of-foreign-assistance/integrated-country-strategies/sca> (дата обращения: 25.06.2025).
282. Kazakhstan Integrated Country Strategy // US Department of State. – 25.03.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_SCA_Kazakhstan_Public.pdf (дата обращения: 29.09.2024).
283. Kyrgyz Republic Country Development Cooperation Strategy 2015 – 2019 // USAID. – 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://static1.squarespace.com/static/587fcaeb1b10e3086960b284/t/5fea7f1b1befcc2977a8ce5686/1609203486209/Kyrgyz_Republic_CDSCS_2014-2020.pdf (дата обращения: 08.08.2025).
284. Kyrgyz Republic Integrated Country Strategy // US Department of State. – 25.03.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_SCA_Kyrgyz-Rep_Public.pdf (дата обращения: 29.09.2024).

285. National Security Strategy of the United States 1999. – Washington, D.C.: The White House. 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/media/pdf/nssr-1299.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
286. National Security Strategy of the United States 2015. – Washington, D.C.: The White House, 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 25.07.2025).
287. National Security Strategy of the United States 2017. – Washington, D.C.: The White House, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
288. National Security Strategy of the United States 2022. – Washington, D.C.: The White House, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
289. National Security Strategy of the United States 2025. – Washington, D.C.: The White House, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.12.2025).
290. Department of State Bureau of South and Central Asia & USAID Asia Bureau Joint Regional Strategy // U.S. Department of State. – 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://2021-2025.state.gov/wp-content/uploads/2022/10/JRS_SCA-ASIA_7FEB2022_PUBLIC.pdf (дата обращения: 25.06.2025).
291. Report to Congress on a Strategy Regarding United States Interests in Central Asia // U.S. Department of State. – September 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2025/09/Strategy-on-United-States-Interests-in-Central-Asia-Accessible-9.26.2025.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).

292. United States Strategy for Central Asia 2019 – 2025 Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // U.S. Department of State. – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/143/United-States-Strategy-for-Central-Asia-2019-2025-1.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
293. USAID Hands over \$1.4M in Equipment to Strengthen Central Asia's Regional Power Sector // U.S. Embassy in Uzbekistan. – 10.01.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.usembassy.gov/usaid-energy-equipment-handover/> (дата обращения: 29.09.2024).
294. USAID Improves the Investment Legislation in Kazakhstan // U.S. Embassy & Consulate in Kazakhstan. – 02.02.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://kz.usembassy.gov/usaid-improves-the-investment-legislation-in-kazakhstan/> (дата обращения: 08.08.2025).
295. U.S. Strategy on Countering Corruption. Implementation Plan. // U.S. Department of State. – 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/09/U.S.-Strategy-on-Countering-Corruption-Implementation-Plan-9.5.2023-FINAL.pdf> (дата обращения: 25.06.2025).
296. Uzbekistan's 2022 – 2025 Strategic Framework // USAID. – 07.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-07/SF-Uzbekistan-April-2025.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).
297. Uzbekistan Integrated Country Strategy // US Department of State. – 12.04.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_SCA_Uzbekistan_Public.pdf (дата обращения: 29.09.2024).
298. Tajikistan Country Strategic Framework 2022-2025 // USAID. – 2022. – 22 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/SF-USAIDTajikistan-02-2025.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

299. Better Utilization of Investments Leading to Development Act of 2018. FAA Reauthorization Act of 2018. // U.S. Congress – 05.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ254/PLAW-115publ254.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

300. Examining the President's FY 2018 Budget Proposal for Europe and Eurasia. Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and Emerging Threats of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 115th Congr., 1 sess. July 25, 2017. U.S. GPO: Washington, DC, 2017. // U.S. Congress, House of Representatives [Электронный ресурс]. URL: <https://Docs.House.Gov/Meetings/Fa/Fa14/20170725/106317/Hhrg-115-Fa14-Transcript-20170725.Pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

301. Examining FY 2024 Budget for South and Central Asian Affairs. Hearing before the Subcommittee on the Middle East, North Africa and Central Asia joint with Subcommittee on the Indo-Pacific of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 118th Congr., 1st sess. July 13, 2023. U.S. GPO: Washington, DC, 2024 // U.S. Congress, House of Representatives. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-118hhrg56740/pdf/CHRG-118hhrg56740.pdf> (дата обращения: 25.06.2025).

302. Europe and Eurasia: Ensuring Resources Match Objectives. Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and Emerging Threats of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 115th Congr., 2st sess. September 27, 2018. U.S. GPO: Washington, DC, 2018. // U.S. Congress, House of Representatives. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/115/meeting/house/108728/documents/HHRG-115-FA14-Transcript-20180927.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

303. FY 2025 Budget Request for South and Central Asian Affairs. Hearing before the Subcommittee on the Middle East, North Africa, and Central Asia of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 118th Congr., July 23, 2024. U.S. GPO: Washington, DC, 2024. // U.S. Congress, House of Representatives. [Электронный

ресурс]. URL: <https://democrats-foreignaffairs.house.gov/hearings?ID=0700E196-250C-40B7-81D0-AFEC987695E7> (дата обращения: 25.06.2025).

304. Resourcing U.S. Priorities in the Indo-Pacific Fiscal Year 2023 Budget. Hearing before the Subcommittee on Asia, the Pacific, Central Asia, and Nonproliferation, Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 117th Congr., 2st sess. June 8, 2022. U.S. GPO: Washington, DC, 2022. // U.S. Congress, House of Representatives. [Электронный ресурс]. URL: https://democrats-foreignaffairs.house.gov/_cache/files/c/b/cb964b22-c1e0-4ae5-81e1-81a5a04d5614/7F5C667FD0C1469EBC0FDFA10F3D6FF8E9AF80F45B76A8D7A0640B25344D3A74.06-08-2022-hfac-apcan-hearing-transcript.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

305. China's Activities and Influence in South and Central Asia. Hearing before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. House of Representatives. 117th Congr., 2st sess. May 12, 2022. U.S. GPO: Washington, DC, 2022. // U.S. Congress. [Электронный ресурс]. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2022-11/Chapter_3_Section_3-Chinas_Activities_and_Influence_in_South_and_Central_Asia.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

306. Reviewing the Administration's FY 2015 Budget Request for Europe and Eurasia. Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and Emerging Threats of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 113th Congr., 2st sess. June 25, 2014. U.S. GPO: Washington, DC, 2014. // U.S. Congress. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/113/chrg/CHRG-113hhr88459/CHRG-113hhr88459.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

307. The Development of Energy Resources in Central Asia. Hearing before the Subcommittee on Europe, Eurasia, and Emerging Threats of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 113th Congr., 2st sess. May 21, 2014. U.S. GPO: Washington, DC, 2014. // U.S. Congress. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/hearing/subcommittee-hearing-the-development-of-energy-resources-in-central-asia/> (дата обращения: 08.08.2025).

308. U.S. Interests in South Asia and the FY 2020 Budget. Hearing before the Subcommittee on Asia, the Pacific and Nonproliferation of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 116th Congr., 1st sess. June 13, 2019. U.S. GPO: Washington, DC, 2019. // U.S. Congress. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA05/20190613/109647/HHRG-116-FA05-Transcript-20190613.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

309. The State Department's Foreign Policy Strategy and FY20 Budget Request. Hearing before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 116th Congr., 1st sess. March 27, 2019. U.S. GPO: Washington, DC, 2019 // U.S. House of Representatives. U.S. Congress. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA00/20190327/109185/HHRG-116-FA00-Transcript-20190327.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

Документы органов государственной власти КНР

310. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Комитет по делам развития и реформ, МИД КНР, Министерство коммерции. – 28.03.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html (дата обращения: 29.03.2025).

311. China's Energy Policy // Information Office of the State Council. The People's Republic of China. – October 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284499.htm (дата обращения: 29.06.2025).

312. China's Foreign Aid // Information Office of the State Council the People's Republic of China. – April 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284620.htm (дата обращения: 29.03.2025).

313. China's Peaceful Development // The People's Republic of China. Information Office of the State Council. – September 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения: 29.03.2025).
314. The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future // The State Council Information Office of the People's Republic of China. – October 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202310/10/content_WS6524b55fc6d0868f4e8e014c.html (дата обращения: 08.08.2025).
315. Global Development Initiative – Building on 2030 SDGs for Stronger, Greener and Healthier Global Development (Concept Paper) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China – 21 September 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/GDI_140002/wj/202406/P020240606606193448267.pdf (дата обращения: 08.08.2025).
316. 中国的对外援助. 白皮书 [China's Foreign Aid. White paper]. // Information Office of the State Council the People's Republic of China. – 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2014n/202207/t20220704_130101_4.html (дата обращения: 29.03.2025).
317. 新时代的中国国防. 白皮书 [China's National Defense in the New Era. White Paper] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. [Information Office of the State Council of the People's Republic of China]. – 24.07.2019. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 29.06.2025).
318. 新时代的中国国际发展合作 [China's International Development Cooperation in the New Era] // 中华人民共和国. 国务院新闻办公室. [Information Office of the State Council. The People's Republic of China]. – January 2021. [Электронный

ресурс]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-01/10/content_5578617.htm (дата обращения: 29.03.2025).

319. 新时代的中国能源发展. 白皮书 [White Paper. China's energy development in the New Era] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. [Information Office of the State Council. The People's Republic of China] – 21.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/m/zfbps/32832/Document/1695117/1695117.htm> (дата обращения: 29.07.2025).

320. 共建“一带一路”倡议：进展、贡献与展望 [Jointly build the "Belt and Road" Initiative: Progress, Contribution and Prospects] // 推进“一带一路”建设工作领导小组办公室. [Office of the Leading Group to promote the Construction of the “Belt and Road]. – 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylgw/201904/201904220250016.pdf> (дата обращения: 29.07.2025).

321. 全国代表大会上的报告. 江泽民在中国共产党第十五次 [Report at the National Congress. the Fifteenth Session of the Communist Party of China] // 新华网 [Xinhua]. – 1997. [Электронный ресурс]. URL: https://fuwu.12371.cn/2012/09/27/ARTI1348726215537612_all.shtml (дата обращения: 15.07.2025).

Документы органов государственной власти РФ

322. Ежегодный доклад Правительства о реализации государственной политики в сфере образования 2022–2024 // Правительство РФ. – 21.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/dep_news/55083/ (дата обращения: 08.06.2025).

323. Концепция внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 // Президент России. – 2023. – п. 40.

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 03.03.2026).

324. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию (Утв. Указом Президента Российской Федерации от 20.04.2014 г. № 259, в редакции указов Президента РФ от 24.05.2016 № 248, от 13.03.2023 № 161) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49007> (дата обращения: 08.05.2025).

325. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Президент России. – 2021. – п. 101. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5> (дата обращения: 03.03.2026).

Выступления, заявления, комментарии и интервью официальных лиц

На английском языке:

326. Full text of Xi's keynote speech at second China-Central Asia Summit. Championing the China-Central Asia Spirit for High-Quality Cooperation in the Region. // The State Council the People's Republic of China. – 18.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://english.www.gov.cn/news/202506/18/content_WS685222e5c6d0868f4e8f36f0.html (дата обращения: 08.08.2025).

327. Testimony of Donald Lu, Assistant Secretary of State for the Bureau of South and Central Asian Affairs, before the House Foreign Affairs Subcommittee on Asia, Pacific, Central Asia, And Nonproliferation. September 14, 2022. U.S. Engagement in Central Asia // U.S. Congress, House of Representatives. – 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA05/20220914/115121/HMTG-117-FA05-Wstate-LuD-20220914.pdf> (дата обращения: 25.06.2025).

328. Written Testimony of Anjali Kaur, USAID Deputy Assistant Administrator for Asia, before the House Foreign Affairs Subcommittee on Asia, the Pacific, Central Asia,

and Nonproliferation. September 14, 2022. Strengthening U.S. Engagement in Central Asia // U.S. Congress, House of Representatives. – 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/117/meeting/house/115121/witnesses/HMTG-117-FA05-Wstate-Kaur-20220914.pdf> (дата обращения: 25.06.2025).

329. Xi Jinping Attends the Second China-Central Asia Summit and Delivers a Keynote Speech // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 17.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/zyxw/202506/t20250619_11653305.html (дата обращения: 17.06.2025).

На китайском языке:

330. 习近平在中国同中亚五国建交 30 周年视频峰会上的讲话（全文） [Full Text of Xi Jinping's Speech at the Virtual Summit Marking the 30th Anniversary of Diplomatic Relations Between China and the Five Central Asian Countries] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 25.01.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web//ziliao_674904/zyjh_674906/202201/t20220125_10633561.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

331. 中国同中亚五国领导人关于建交 30 周年的联合声明（全文） [Full Text of the Joint Statement by the Leaders of China and the Five Central Asian Countries on the 30th Anniversary of Diplomatic Relations] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 26.01.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202201/t20220126_10633759.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

332. 关于深化“中国+中亚五国”互联互通合作的倡议 [Initiative on Deepening Connectivity Cooperation between China and the Five Central Asian Countries] // 中华

人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 08.06.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676980/1207_676992/202206/t20220609_10700888.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

333. 习近平主持首届中国—中亚峰会并发表主旨讲话 [Xi Jinping Chairs the Inaugural China-Central Asia Summit and Delivers a Keynote Speech] // 人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 19.05.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080034.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

334. 中国—中亚峰会成果清单（全文） [Full Text of the List of Outcomes of the China-Central Asia Summit] // 人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 19.05.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080191.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

335. 第二届中国—中亚峰会成果清单 [List of Outcomes of the Second China-Central Asia Summit] // 人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. – 18.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/202506/t20250618_11652102.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

Информационные материалы международных организаций органов государственной власти отдельных стран

Информационные материалы органов государственной власти США

336. 2025 Investment Climate Statements: Kazakhstan // U.S. Department of State. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/reports/2025-investment-climate-statements/kazakhstan/> (дата обращения: 08.08.2025).
337. 2025 Investment Climate Statements: Kyrgyz Republic // U.S. Department of State. – 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/reports/2025-investment-climate-statements/kazakhstan/> (дата обращения: 08.08.2025).
338. DFC, Uzbekistan, and Kazakhstan Announce Central Asia Investment Partnership to Bolster Investment in the Region // DFC. – 07.01.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dfc.gov/media/press-releases/dfc-uzbekistan-and-kazakhstan-announce-central-asia-investment-partnership> (дата обращения: 08.08.2025).
339. Joint Statement of Intent on Economic Cooperation // U.S. Department of State. – November 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/releases/2025/11/joint-statement-of-intent-on-economic-cooperation/> (дата обращения: 07.12.2025).
340. Kazakhstan Rule of Law Fact Sheet. Program Overview [Электронный ресурс] // USAID. URL: https://2017-2020.usaid.gov/sites/default/files/documents/10292020_Kazakhstan_Rule_of_Law_Fact_Sheet.pdf (дата обращения: 29.09.2024).
341. President's Fiscal Year 2026 Budget Request // The White House. – May 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/05/Fiscal-Year-2026-Discretionary-Budget-Request.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).
342. Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting // U.S. Department of State. – 22.09.2011. – URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/09/173807.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

343. Progress Report on the Global Development Initiative 2023 // Center for International Knowledge on Development. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://no.china-embassy.gov.cn/eng/lcbl/lcwj/202401/P020240112016449761416.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
344. Progress Report on the Global Development Initiative 2025 // Center for International Knowledge on Development. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng./zy/jj/GDI_140002/wj/202509/P020250928595521804956.pdf (дата обращения: 25.09.2025).
345. Small and Beautiful Projects // CIDCA, CIKD. – 02.2025. [Электронный ресурс]. URL: <http://en.cidca.gov.cn/pdf/InternationalDevelopmentCooperationChinasPracticeSmallandBeautifulProjects.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).
346. Wang Yi Hosts "China+Central Asia" Foreign Ministers' Meeting // CIDCA. – 14.05.2021. [Электронный ресурс]. URL: http://en.cidca.gov.cn/2021-05/14/c_621945.htm (дата обращения: 29.06.2025).
347. 向吉尔吉斯斯坦学龄儿童提供粮食援助项目启动 [Launch of the Food Assistance Project for School-Age Children in Kyrgyzstan] // 国家国际发展合作署 [China International Development Cooperation Agency]. – 20.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cidca.gov.cn/20250520/cddc924ba5364cfe9ee561fa820ed319/c.html> (дата обращения: 01.03.2026).
348. 罗照辉署长会见哈萨克斯坦数字发展、创新和航空航天工业部部长马季耶夫 [CIDCA Chairman Luo Zhaohui Meets with the Kazakh Minister of Digital Development, Innovations and Aerospace Industry] // 国家国际发展合作署 [China International Development Cooperation Agency]. – 27.09.2024. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.cidca.gov.cn/20240927/853be625513f42089c7bc3cd49f7ec1c/c.html>

(дата обращения: 01.03.2026).

349. 国家国际发展合作署与塔吉克斯坦三部门签署合作文件 [CIDCA Signs Cooperation Documents with Three Tajik Ministries] // 国家国际发展合作署 [China International Development Cooperation Agency]. – 06.07.2024. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.cidca.gov.cn/20240706/b3e8ee2f69e14858ba83eca7b26c2ab6/c.html>

(дата обращения: 01.03.2026).

350. 邓波清副署长会见乌兹别克斯坦驻华大使阿尔济耶夫 [CIDCA Vice Chairman Deng Boqing Meets with the Ambassador of Uzbekistan to China] // 国家国际发展合作署 [China International Development Cooperation Agency]. – 16.08.2023.

[Электронный ресурс]. URL: https://www.cidca.gov.cn/2023-08/16/c_1212256710.htm (дата обращения: 01.03.2026).

Информационные материалы органов государственной власти и государственных корпораций России

351. ВЭБ.РФ, ЕАБР и банки развития стран ЕАЭС создают коалицию банков развития Евразии // ВЭБ.РФ. – 4.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://вэб.рф/press-tsentr/46683/> (дата обращения: 08.05.2025).

352. Российские инвесторы заинтересованы в транзитном потенциале Туркмении // Министерство экономического развития РФ. – 19.01.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiyskie_investory_zainteresovany_v_tranzitnom_potenciale_turkmenii.html (дата обращения: 08.05.2025).

353. Комплексная государственная программа Российской Федерации «Содействие международному развитию»: Постановление Правительства

Российской Федерации // МИД России. – 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/activity/state_programs/1975666/ (дата обращения: 03.03.2026).

Информационные материалы органов государственной власти стран ЦА

354. Эксимбанк Китая и Китайское агентство международного развития и сотрудничества (CIDCA) примут участие в 4-м Ташкентском международном инвестиционном форуме // Invest in Uzbekistan. – 16.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://invest-in-uzbekistan.org/novosti-uzbekistana/eksimbank-kitaya-i-kitajskoe-agentstvo-mezhdunarodnogo-razvitiya-i-sotrudnichestva-cidca-primut-uchastie-v-4-m-tashkentskom-mezhdunarodnom-investitsionnom-forume/> (дата обращения: 08.08.2025).

355. KazAID обсудил сотрудничество на международной конференции в Китае // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. – 16.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/810548?lang=ru> (дата обращения: 08.08.2025).

356. Uzbekistan and the United States are expanding the horizons of multifaceted cooperation // Invest in Uzbekistan. – 13.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://invest-in-uzbekistan.org/en/novosti-uzbekistana/uzbekistan-i-ssha-rasshiryayut-gorizonty-mnogoplanovogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 08.08.2025).

Информационные материалы международных организаций

357. Investment Flows to Developing Countries in Asia Remained Flat in 2022 [Электронный ресурс] // UNCTAD. 05.07.2023. URL: <https://unctad.org/news/investment-flows-developing-countries-asia-remained-flat-2022> (дата обращения: 08.05.2025).

358. ODA Trends and Statistics. [Электронный ресурс] // OECD. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/oda-trends-and-statistics.html> (дата обращения: 08.08.2025).
359. Other Official Flows (OOF) [Электронный ресурс] // OECD. URL: <https://data.oecd.org/drf/other-official-flows-oof.htm> (дата обращения: 08.05.2025).
360. Untied Aid [Электронный ресурс] // OECD. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/oda-standards/untied-aid.html> (дата обращения: 08.08.2025).

Базы данных и статистические материалы

361. База данных несuverенного финансирования МФО [Электронный ресурс]. // ЕАБР. URL: <https://eabr.org/analytics/dashboard/> (дата обращения: 08.05.2025).
362. База данных суверенного финансирования (SFD) [Электронный ресурс]. // ЕФСР. URL: <https://efsd.org/research/sfd/> (дата обращения: 08.05.2025).
363. Гуманитарная карта. [Электронный ресурс] // Гуманитарный монитор. URL: <https://russianassistance.ru/about/> (дата обращения: 08.08.2025).
364. Инвестиции в основной капитал (за январь-декабрь 2023 года) // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. – 23 января 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/49849-asosiy-kapitalga-investitsiyalar-2023-yil-yanvar-sentabr-3> (дата обращения: 08.05.2025).
365. Информация о некоторых результатах деятельности Министерства инвестиций, промышленности и торговли в 2025 году // Министерство инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: <https://gov.uz/ru/miit/sections/view/7405> (дата обращения: 08.05.2025).
366. Поступление прямых иностранных инвестиций по странам // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/248/> (дата обращения: 08.05.2025).

367. Прямые инвестиции по направлению вложения [Электронный ресурс] // Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/pryamyie-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya> (дата обращения: 08.08.2025).
368. Прямые иностранные инвестиции в Республику Таджикистан по странам. [Электронный ресурс] // Национальный банк Таджикистана. URL: <https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-oi-mustakimi-khorii/index.php> (дата обращения: 08.08.2025).
369. BEA International Trade and Investment Country Facts // BEA. [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/> (дата обращения: 08.05.2025).
370. China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. [Электронный ресурс]. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025).
371. China's Public diplomacy // AidData. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aiddata.org/datasets> (дата обращения: 7.06.2025).
372. Data Explorer. CRS: Creditor Reporting System (flows) [Электронный ресурс]. // OECD. URL: <https://data-explorer.oecd.org> (дата обращения: 08.05.2025).
373. Global Chinese Development Finance Dataset, Version 3.0 [Электронный ресурс] // AidData. – 2023. URL: <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-3-0> (дата обращения: 18.11.2025).
374. Debtor Reporting System // The World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/international-debt-statistics> (дата обращения: 08.08.2025).
375. Development Finance Statistics: Resources for Reporting // OECD. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/dac/stats/purposecodessectorclassification.htm> (дата обращения: 01.03.2026).
376. ForeignAssistance.gov. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignassistance.gov/about#tab-faq> (дата обращения: 08.08.2025).

377. International Investment Agreements Navigator [Электронный ресурс]. // UNCTAD Investment Policy Hub. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements> (дата обращения: 08.05.2025).
378. Mobilised Private Finance for Sustainable Development // OECD. [Электронный ресурс]. URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 08.05.2025).
379. Net ODA Received (% of central government expense) - Kyrgyz Republic, Tajikistan [Электронный ресурс]. // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/DT.ODA.ODAT.XP.ZS?end=2022&locations=KG-TJ&start=2007> (дата обращения: 03.05.2025).
380. Tying Status of ODA by Individual DAC Member Countries. ODA trends and statistics. Table 23. [Электронный ресурс] // OECD. – 2023. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/oda-trends-and-statistics.html> (дата обращения: 08.08.2025).
381. Tajikistan – International Trade and Investment Country Facts [Электронный ресурс]. // BEA. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#342> (дата обращения: 08.08.2025).
382. TOSSD Reporting Instructions – TOSSD. – 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tossd.org/content/dam/tossd/en/methodology-pdfs/reporting_instructions.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
383. Turkmenistan International Trade and Investment Country Facts // BEA. [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#343> (дата обращения: 08.08.2025).
384. Trade Map. Bilateral Trade between United States of America and Central Asian Republics. [Электронный ресурс]. // International Trade Center. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 08.08.2025).
385. Transparency Portal [Электронный ресурс]. // UNDP. URL: <https://open.undp.org/profile/000206/donorprofile> (дата обращения: 08.05.2025).

386. 2022 年度中国对外直接投资统计公报 [Ежегодный статистический бюллетень Китая по прямым иностранным инвестициям] // 中华人民共和国商务部, 国家统计局, 国家外汇管理局. [Министерство коммерции КНР, Национальное бюро статистики, Государственное валютное управление]. – 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://hzs.mofcom.gov.cn/cms_files/oldfile//hzs/202310/20231027112320497.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

Материалы СМИ

На русском языке:

387. Заседание Кабинета Министров Туркменистана. // Туркменистан Сегодня. – 11.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tdh.gov.tm/ru/post/27708/zasedanie-kabineta-ministrov-turkmenistana-6> (дата обращения: 08.08.2025).

388. Китай окажет техническую помощь таможенным службам стран ЦА // Sputnik Узбекистан. – 26.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20160726/3437195.html> (дата обращения: 08.08.2025).

389. Москва, Пекин и Брюссель будут бороться за влияние в Центральной Азии // Независимая газета. – 27.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-04-27/4_9243_asia.html (дата обращения: 08.05.2025).

390. Объем помощи РФ странам Центральной Азии за последние 3 года составил около 3 трлн рублей // ТАСС. – 20.05.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11421837> (дата обращения: 08.05.2025).

391. Панфилова В.В. Китайцы вышли на охрану таджикско-афганской границы // Независимая газета. – 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2019-07-30/1_7636_border.html (дата обращения: 07.08.2025)
392. Россия и Китай поделят Таджикистан // Газета.ру. – 28.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/10/28_a_14145691.shtml (дата обращения: 04.04.2025).
393. Россия поможет Узбекистану адаптироваться к водно-климатическому кризису // Интернет-портал СНГ. 07.02.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/568/124845/> (дата обращения: 08.05.2025)
394. РФ и Узбекистан создают инвестфонд на \$500 млн для перспективных проектов // Интерфакс. 27.05.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/962548> (дата обращения: 08.05.2025).
395. Си Цзиньпин провел онлайн-саммит по случаю 30-летия дипотношений между КНР и пятью странами Центральной Азии // Синьхуа Новости. – 26.01.2022. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2022-01/26/c_1310440615.htm (дата обращения: 08.08.2025).
396. Страны G7 готовы инвестировать в проекты в Центральной Азии до \$200 млрд // ТАСС. – 22.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21417911> (дата обращения: 29.09.2024).
397. Страны ШОС учредят Банк развития организации // ТАСС. – 01.09.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24921341> (дата обращения: 08.09.2025).
398. Студенты из Центральной Азии учатся в России для успешного трудоустройства // Ведомости. 18.11.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/11/18/1075616-studenti-iz-tsentralnoi-azii-uchatsya-v-rossii-dlya-uspeshnogo-trudoustroistva?from=copy_text (дата обращения: 08.05.2025).
399. США запускают инициативу по стимулированию связей в Центральной Азии // Eurasianet.*** – 18.03.2024. [Электронный ресурс]. URL:

<https://inlnk.ru/68Log5> (дата обращения: 29.09.2024). (Деятельность Eurasianet признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 485-р от 14.04.2026).

400. США стали основным инвестором Узбекистана // KUN.UZ. – 27.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://kun.uz/ru/74063866#!> (дата обращения: 08.08.2025).

401. Талибы договорились с Китаем о включении Кабула в «Один пояс, один путь» // РБК. – 07.05.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/05/2023/64575af79a79472738532603> (дата обращения: 08.08.2025).

402. Токаев поручил добиться выгодных условий при продлении контрактов по Тенгизу и Кашагану // Курсив. – 28.01.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://kz.kursiv.media/2025-01-28/zhnb-srpckztokayev/?utm_campaign=endless_feed (дата обращения: 08.05.2025).

403. Туркменистан привлек \$936 млн прямых иностранных инвестиций в 2022 году // Бизнес Туркменистан. – 11.07.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://business.com.tm/ru/post/10479/turkmenistan-privlek-936-mln-pryamyh-inostrannyh-investicii-v-2022-godu> (дата обращения: 08.05.2025).

404. Узбекистан и США запустят переговоры по соглашению об избежании двойного налогообложения // Gazeta.uz. – 13.12.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/12/13/agreement/> (дата обращения: 08.08.2025).

На английском языке:

405. Championing the China-Central Asia Spirit for High-Quality Cooperation in the Region. Keynote Speech by H.E. Xi Jinping // Xinhua. – 17.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://english.news.cn/20250618/8d15248700c5498f817102af488d2666/c.html> (дата обращения: 08.08.2025).

406. China Promises More Investment at Central Asia Summit // Eurasianet.*** – 26.01.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasianet.org/china-promises-more-investment-at-central-asia-summit> (дата обращения: 08.08.2025). (Деятельность Eurasianet признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 485-р от 14.04.2026)).
407. China to Aid 5 Central Asia Countries with Additional 50 Million Vaccines, to Continue 'High-Level Political Mutual Trust' // Global Times. – 26.01.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246926.shtml?id=11> (дата обращения: 7.04.2025).
408. China: Sinosure Provides Guarantee to Support China CAMC Engineering's Olympic City Construction Project in Uzbekistan // Global Trade Alert. – 26.09.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltradealert.org/state-act/87976/china-sinosure-provides-guarantee-to-support-china-camc-engineering-s-olympic-city-construction-project-in-uzbekistan> (дата обращения: 08.08.2025).
409. Hashimova U. China Launches 5+1 Format Meetings with Central Asia // The Diplomat. – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2020/07/china-launches-51-format-meetings-with-central-asia/> (дата обращения: 29.03.2025).
410. Hill W.A. C5+Xi: China Makes Moves in Eurasia // The Diplomat. – 24.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2025/06/c5xi-china-makes-moves-in-eurasia/> (дата обращения: 08.08.2025).
411. Kazakhstan and US Bolster Cooperation in Energy and Mining Sectors // The Astana Times. – 01.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://astanatimes.com/2024/03/kazakhstan-and-us-bolster-cooperation-in-energy-and-mining-sectors/> (дата обращения: 08.08.2025).
412. Komilov A. Trump's Second Term: Opportunity or Obstacle for Central Asia? // The Diplomat. – 11.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2025/06/trumps-second-term-opportunity-or-obstacle-for-central-asia/> (Дата обращения: 25.06.2025).

413. Kucera J. The New Silk Road? // The Diplomat. – 11.11.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2011/11/the-new-silk-road/> (дата обращения: 08.08.2025).
414. Masalbekova A., Tangatarova N. What Happens to Central Asian Youth After Following China's 'Educational Silk Road?' // The Diplomat. – 29.12.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2023/12/what-happens-to-central-asian-youth-after-following-chinas-educational-silk-road/> (дата обращения: 7.06.2025).
415. President Xi Proposes Silk Road Economic Belt // Xinhua. – 07.09.2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2013xivisitcenterasia/2013-09/07/content_16951811.htm (дата обращения: 29.05.2025).
416. Putz C. Why Did Central Asia's Leaders Go to Beijing? // The Diplomat. – 08.02.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2022/02/why-did-central-asias-leaders-go-to-beijing/> (дата обращения: 08.08.2025).
417. Rudenshiold E. C5+Trump: Getting the US Down to Business in Central Asia // The Diplomat. – 12.11.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2024/11/c5trump-getting-the-us-down-to-business-in-central-asia/> (дата обращения: 08.08.2025).
418. Steiner C. US Investment Firm to Beat Path for 2026 IPO of Uzbek State Assets // The Diplomat. – 30.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2025/05/us-investment-firm-to-beat-path-for-2026-ipo-of-uzbek-state-assets/> (дата обращения: 08.08.2025).
419. Tajikistan: Secret Chinese base becomes slightly less secret // Eurasianet.*** – 23.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasianet.org/tajikistan-secret-chinese-base-becomes-slightly-less-secret> (дата обращения: 04.08.2025). (Деятельность Eurasianet признана нежелательной на территории Российской Федерации (Распоряжение Минюста РФ № 485-р от 14.04.2026).

На китайском языке:

420. 国际锐评 | “中国–中亚精神”引领地区合作开新局 [International Review. “China–Central Asia Spirit” Leads the Development of a New Bureau of Regional Cooperation] // 央视新闻 [CCTV News]. – 19.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202506/19/WS68536ddaa310205377038e76.html> (дата обращения: 08.08.2025).
421. 总投资 80 亿美元,中吉乌铁路将于 2025 年 7 月正式动工 [With a Total Investment of 8 Billion US Dollars, the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway Will Officially Start Construction in July 2025.] // GoalFore Advisory. – 25.01.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.goalfore.cn/latest/detail/79267.html> (дата обращения: 08.08.2025).
422. 赵会荣 [Zhao Huirong]. 中吉乌铁路：中亚经济增长的新引擎 [China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway: the New Engine of Economic Growth in Central Asia] // 环球时报 [Global Times]. – 17.06.2024. [Электронный ресурс]. URL: http://euroasia.cssn.cn/kycg/lw/202406/t20240617_5759119.shtml (дата обращения: 08.08.2025).
423. 中国国家主席习近平会见中亚国家领导人：为何此次峰会意义重大? [Chinese President Xi Jinping Meets with Leaders of Central Asian Countries: Why Is This Summit of Great Significance?] // Al Jazeera. – 17.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://chinese.aljazeera.net/news/2025/6/17/中国国家主席习近平会见中亚国家领导人为何此次> (дата обращения: 08.08.2025).
424. 叶甫根尼维诺库罗夫. [Vinokurov E.Yu.] 中国与欧亚地区具有多元化合作机遇 [China and the Eurasian Region Have Diverse Opportunities for Cooperation] // 经

济日报 [Economic Daily]. – 20.02.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://proapi.jingjiribao.cn/readnews.html?id=301445> (дата обращения: 08.05.2025).

425. 商务部: 加大对“一带一路”沿线受援国援助力度 [Ministry of Commerce: Increase Assistance to Recipient Countries along the Belt and Road] // 人民网 [People's Daily Online]. – 08.12.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20160207045335/http://politics.people.com.cn/n/2014/1208/c70731-26170913.html> (дата обращения: 04.04.2025).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Центральная Азия на глобальных картах потоков ПИИ и ОФР ⁵³¹

Центральная Азия богата природными ресурсами, занимает важное положение в транспортных потоках, является емким рынком сбыта промышленной продукции и товаров широкого потребления и обладает растущим потенциалом трудовых ресурсов. Регион весьма привлекателен для иностранных инвесторов, но по-прежнему занимает скромное место в глобальных потоках ПИИ (так, в 2023 г. доля стран ЦА в качестве получателей ПИИ составила 0,6% от всего мирового объема (в 2022 г. – 0,8%) и 0,9% от объема ПИИ в развивающиеся страны (в 2022 г. – 1,1%)). С 2000 г. по 2024 г. совокупные накопленные ПИИ в странах ЦА выросли более чем в 18 раз, с 2010 г. – более чем в 2 раза (Табл. 16). При этом за 2022–2024 гг. совокупный приток ПИИ составил более 20 млрд долл., тогда как за 2020–2021 гг. – 14 млрд долл. и за 2018–2019 гг. – 15 млрд долл. (табл. 17).

Показательно, что респонденты проведенного в тот момент опроса E&Y в целом позитивно оценивали среднесрочные перспективы инвестиций в страны Центральной Азии: 56% респондентов считали, что инвестиционный климат в регионе улучшится в ближайшие три года, а в число наиболее привлекательных отраслей помимо энергетики включали потребительский сектор, ИТ и телекоммуникации.

⁵³¹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Мендагазиев А. Е. Политика ведущих западных стран как доноров инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии: логика восприятия и митигации рисков // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 177–207.

Наибольшие объемы иностранного капитала традиционно привлекает Казахстан (главным образом в нефтегазовую и горнодобывающую отрасли), за которым в последние годы уверенно следует Узбекистан, где расширяются вложения в обрабатывающую промышленность. Значимость региона – особенно в плане выстраивания новых цепочек поставок и логистики – существенно возросла на фоне эскалации конфликта на Украине в 2022 г. и ее последствий.⁵³²

Таблица 16

**Накопленные объемы ПИИ в страны Центральной Азии
(2000–2024 гг., млн долл.)**

Страна	2000	2010	2020	2021	2022	2023	2024
Казахстан	10078	82648	151396	152763	151419	157562	151307
Кыргызстан	432	1698	4205	3896	3506	3469	3961
Таджикистан	136	1226	3129	2825	3329	3333	3976
Туркменистан	949	13442	39323	40601	41537	42915	44560
Узбекистан	698	2564	10264	11547	13649	14867	16728
Всего	12293	101577	208317	211631	216441	222146	220532

Источник: World Investment Report // UNCTAD. 2021–2025. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_annex-tables_en.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

Способствует привлечению ПИИ и густая сеть двусторонних договоров по защите инвестиций между странами ЦА и крупнейшими западными и незападными государствами, обеспечивающих инвесторам определенную защиту от рисков «легально-правительственного происхождения», связанных с действиями властей принимающих стран (Табл. 18). Казахстан заключил 52 таких договора, Кыргызстан – 38, Таджикистан – 42, Туркменистан – 30 и Узбекистан – 56.

Важно и другое. Центральная Азия – регион, где ярко проявляет себя глобальный тренд на усиление позиций незападных стран в финансовых потоках,

⁵³² См. подробнее: Central Asia Attractiveness Report. With the global economy at a crossroads, which way will Central Asia go? // Ernst & Young. – November 2022. – P. 38–53. URL: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-kz/campaigns/foreign-direct-investment-surveys/documents/ey-central-asia-attractiveness-survey-2022.pdf> (дата обращения: 08.05.2025)

в том числе инвестиционных (ПИИ из стран Глобального Юга за 10 лет – с 2009 по 2019 г. – увеличились с 2,5 до 6,2 трлн долл. США, составив почти половину притока инвестиций в развивающиеся страны).⁵³³ Дальнейший анализ региональной специфики опирается на данные, аккумулируемые профильными национальными структурами стран ЦА.

Таблица 17

**Годовой чистый приток ПИИ в страны Центральной Азии
(2018–2024 гг., млн долл.)**

Страна	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Казахстан	3898	3284	3670	3353	6541	3223	-2550
Кыргызстан	144	404	-402	226	55	490	705
Таджикистан	360	364	107	84	174	141	291
Туркменистан	1607	1854	1436	1287	936	1378	1645
Узбекистан	625	2316	1728	2275	2498	2187	2836
Всего	6633	8223	6539	7226	10205	7420	2927

Источник: World Investment Report // UNCTAD. 2021–2025. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_annex-tables_en.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

Так, сопоставление среднегодовых показателей чистого притока инвестиций в Казахстан за 2022–2024 гг. и за три предковидных года (2017–2019 гг.) указывает на отчетливое укрепление позиций незападных стран: России, Китая, ОАЭ и Саудовской Аравии, тогда как по крупнейшим западным странам (в частности, США, Германии, Франции и Великобритании) наблюдалось замедление или отток ПИИ.⁵³⁴ Наибольшие объемы ПИИ в РК поступали в нефтегазовую и горнодобывающую промышленность, а также в транспортно-логистическую инфраструктуру.

Для Кыргызстана ключевыми инвесторами по валовому объему поступлений ПИИ в последние 3 года – с 2022 по 2024 г. – также стали незападные

⁵³³ Calleja R., Cichocka B., Casadevall Bellés S. How Do Non-DAC Actors Cooperate on Development? – CGD Policy Paper 294. – Washington, DC: Center for Global Development, 2023. – 118 p.

⁵³⁴ Прямые инвестиции по направлению вложения // Национальный Банк Казахстана. – 10.04.2025. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/pryamyie-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya> (дата обращения: 08.05.2025).

государства – Китай (815 млн долл.), Россия (503 млн долл.), Турция (467 млн долл.), Казахстан (242 млн долл.). За ними следуют Нидерланды, Германия, Великобритания, Кипр, на которые суммарно пришлось 368 млн долл.⁵³⁵ Основные инвестиции направляются в горнодобывающую и обрабатывающую промышленность.

Таблица 18

**Наличие двусторонних инвестиционных договоров
между странами Центральной Азии и ведущими западными
и незападными провайдерами ОФР в регионе**

Партнер	Наличие договора и год подписания				
	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
США	+ (1992)	+ (1993)	–	–	+ (1994)*
Великобритания	+ (1995)	+ (1994)	–	+ (1995)	+ (1993)
Германия	+ (1992)	+ (1997)	+ (2003)	+ (1997)	+ (1993)
Франция	+ (1998)	+ (1994)	+ (2002)	+ (1994)	+ (1993)
Япония	+ (2014)	–	–	–	+ (2008)
Южная Корея	+ (1996)	+ (2007)	+ (1995)	–	+ (1992)
КНР	+ (1992)	+ (1992)	+ (1993)	+ (1992)	+ (2011)
Турция	+ (1992)	+ (1992)	+ (1996)	+ (1992)	+ (2017)
Россия	+ (1998)	-	+ (1999)*	+ (2009)	+ (2013)
ОАЭ	+ (2018)*	+ (2014)	+ (1995)	+ (1998)	+ (2007)
Всего договоров	52	38	42	30	56

Примечание: * Не вступило в силу.

Источник: International Investment Agreements Navigator // Investment Policy Hub. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements> (дата обращения: 08.05.2025).

Аналогичная ситуация наблюдается и в Таджикистане - по валовому объему поступлений ПИИ в страну за 3 года с 2022 по 2024 г. с большим отрывом лидирует Китай (738 млн долл.). В первую пятерку входят также США (166 млн долл.), Россия (102 млн долл.), Турция (42 млн долл.) и Великобритания (38 млн долл.). (Табл. 19) Приоритетным направлением капиталовложений выступает горнодобывающая промышленность.⁵³⁶

⁵³⁵ Поступление прямых иностранных инвестиций по странам // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/248/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵³⁶ Прямые иностранные инвестиции // Национальный Банк Таджикистана. URL: <https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-oi-mustakimi-khorii/sarmoyaguzorihoi-mustakimi-khoriji-ba-jt-az-r-kishvarho.php> (дата обращения: 08.05.2025).

Узбекистан представляет собой новый центр притяжения ПИИ благодаря открытию страны международному бизнесу, наращиванию экономического потенциала и проводимым властями реформам. Согласно данным Министерства инвестиций, промышленности и торговли Узбекистана, в 2025 г. объем ПИИ составили 43,1 млрд долл., где основными странами-инвесторами стали Китай, Россия, Турция, Саудовская Аравия и ОАЭ.⁵³⁷ В 2023 г. 38% ПИИ было направлено в обрабатывающую промышленность, 20% – в электроэнергетику, 15% – в горнодобывающую промышленность. (Табл. 19)

Туркменистан привлекает иностранных инвесторов преимущественно в добывающую и транспортную отрасли. Один из крупнейших проектов, стартовавших в 2022 г., – расширение нефтедобывающей деятельности Emirates National Oil Company (ОАЭ) в Туркменистане стоимостью 7,5 млрд долл.⁵³⁸ Крупнейшим инвестором в экономику Туркменистана выступает Китай. По словам Е.Ю. Винокурова, главного экономиста ЕАБР, третьим важнейшим направлением ПИИ для Китая после Казахстана и России в Евразии является как раз Туркменистан, куда по итогам первого полугодия 2025 г. инвесторы из КНР вложили порядка 9,5 млрд долл.⁵³⁹ Россия, в свою очередь, реализует, по состоянию на 2023 г., в этой стране более 20 проектов на общую сумму 3,5 млрд долл. – их большая часть сфокусирована на развитии логистики и транспортной инфраструктуры.⁵⁴⁰

Таблица 19

⁵³⁷ Информация о некоторых результатах деятельности Министерства инвестиций, промышленности и торговли в 2025 году // Министерство инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан. URL: <https://gov.uz/ru/miit/sections/view/7405> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵³⁸ Туркменистан привлек \$936 млн прямых иностранных инвестиций в 2022 году // Бизнес Туркменистан. – 11.07.2023. URL: <https://business.com.tm/ru/post/10479/turkmenistan-privlek-936-mln-pyamyh-inostrannyh-investicii-v-2022-godu> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵³⁹ Винокуров Е. и др. Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР // ЕАБР. – 2025. – Доклады 25/15. – Алматы: Евразийский банк развития. – С.21.

⁵⁴⁰ Российские инвесторы заинтересованы в транзитном потенциале Туркмении // Министерство экономического развития. – 19.01.2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiyskie_investory_zainteresovany_v_tranzitnom_potenciale_turkmenii.html (дата обращения: 08.05.2025).

Топ-10 стран-инвесторов в страны ЦА (кроме Туркменистана)⁵⁴¹
по валовому притоку ПИИ (2022 по 2024 г.)

№ п/ п	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан		Узбекистан	
	Страна происхождения ПИИ	Приток к ПИИ (млн долл.)	Страна происхождения ПИИ	Приток к ПИИ (млн долл.)	Страна происхождения ПИИ	Приток ПИИ (млн долл.)	Страна происхождения	Доля в иностр. инвестициях и кредитах (%) ⁵⁴²
1	Нидерланды	18 212	Китай	815	Китай	738	Китай	25,6
2	Россия	8 648	Россия	503	США	166	Россия	13,4
3	Швейцария	5 371	Турция	467	Россия	102	Саудовская Аравия	7,9
4	США	5 281	Казахстан	242	Турция	42	Турция	6,4
5	Китай	4 670	Нидерланды	130	Великобритания	38	ОАЭ	5,8
6	Бельгия	3 772	Великобритания	89	Казахстан	33	Германия	4,3
7	Франция	2 498	Кипр	84	Франция	32	Кипр	3,4
8	Великобритания	2 180	Германия	62	Япония	17	Нидерланды	3,1
9	Германия	1 783	ОАЭ	60	Виргинские острова	9	Швейцария	3,1
10	Кипр	1 729	Швейцария	52	Гонконг	9	США	2,3

Источник: Составлено автором на основе данных национальных статистических агентств и ЦБ стран ЦА.

Принципиально важно охарактеризовать и место Центральной Азии на карте потоков официальной помощи развитию и прочего официального финансирования. Согласно данным КСР ОЭСР, за 11 лет с 2014 по 2024 г. официальное финансирование для стран региона со стороны доноров, которые подают отчетность в КСР ОЭСР, включая международные банки развития, варьировало в диапазоне от 4,4 млрд долл. (в 2014 г.) до 15,1 млрд долл. в 2024 г. Несмотря на достаточно заметные колебания годовых объемов, регион в любом случае занимает периферийное место в структуре ОФР в глобальном масштабе –

⁵⁴¹ Официальные данные по Туркменистану отсутствуют в открытом доступе.

⁵⁴² Данные доступны за период до 2023 г.

от 1,6 до 3,1%, что тем не менее выше доли ЦА в структуре ПИИ, поступающих в развивающиеся страны. (Табл. 20).

Таблица 20

**Годовые объемы официального финансирования (совокупно ОПР и ПОФ),
направленного в страны Центральной Азии в 2014–2024 гг.
(млн долл., в ценах 2023 г., без учета Китая)**

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Казахстан	1253	4398	3200	1781	978	1461	3335	1406	698	1005	6856
Кыргыз- стан	626	653	764	543	806	797	905	609	1170	802	777
Таджикис- тан	486	846	469	794	613	853	1530	653	910	755	1468
Туркмени- стан	36	36	866	369	577	51	119	297	96	39	172
Узбекист- ан	2003	2004	1029	2373	4133	5314	5642	4041	7419	5364	5796
Общий объем ОФР по странам ЦА	4404	7936	6327	5860	7107	8476	11531	7006	10294	7965	15069
Доля стран ЦА от объема ОФР по всем странам мира	1,6%	2,4%	2,0%	1,7%	2,1%	2,4%	2,8%	1,8%	2,3%	1,7%	3,1%

Источник: Data Explorer. CRS: Creditor Reporting System (flows). // OECD. URL: <https://data-explorer.oecd.org> (дата обращения: 03.11.2025)

Среди стран-реципиентов в регионе выделяется Узбекистан, которому в последние годы предоставляются все большие объемы как ОПР, так и ПОФ. В Казахстане доля ОПР, напротив, ежегодно снижается, однако страна является достаточно крупным получателем прочего официального финансирования. Наименьшие потоки официального финансирования направляются в Туркменистан в силу закрытости режима.

Крупные объемы помощи предоставляются также Кыргызстану и Таджикистану. По данным Всемирного банка, доля иностранной помощи от государственных расходов в Кыргызстане ежегодно росла с 2019 г. до 25,4% в 2022

г., но в 2023 г. показатель снизился до 12,2%; в Таджикистане этот показатель вдвое выше и составляет 51,9% в 2022 г. и 39,3% в 2023 г.⁵⁴³ Кроме того, в этих странах сильная зависимость от внешних источников финансирования становится источником дополнительных рисков. К такому выводу пришли, в частности, А.Н. Захаров, профессор Академии внешней торговли Минэкономразвития России и М.А. Рахимзода, докторант Университета Корвинуса. Они считают, что внешняя помощь в Кыргызстане и Таджикистане способствует нездоровой политической и экономической зависимости и усиливает проблемы коррупции, а чрезмерные долговые обязательства перед Китаем вынуждают страны идти на уступки в части передачи территории и предоставления доступа к природным ресурсам.⁵⁴⁴ В свою очередь, индийские исследователи С. Бали и С. Арора, научные сотрудники Глобального университета Джиндала, считают, что ухудшение социально-экономических условий после кризиса, вызванного пандемией коронавируса, еще больше усугубило зависимость стран ЦА от помощи со стороны КНР.⁵⁴⁵

Схожая (с положением дел в сфере ПИИ) динамика в плане перераспределения влияния между западными и незападными государствами наблюдается и в сфере ОФР. В период с 2013 до 2023 гг. объемы ОФР КНР в ЦА составили 36,8 млрд долл., тогда как от всех западных стран и подконтрольных многосторонних институтов объем странам региона составил 70,6 млрд долл. (Табл. 21).

⁵⁴³ Net ODA received (% of central government expense) - Kyrgyz Republic, Tajikistan // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/DT.ODA.ODAT.XP.ZS?locations=KG-TJ> (дата обращения: 03.05.2025).

⁵⁴⁴ Захаров А.Н., Рахимзода М.А. Зависимость стран Центральной Азии от зарубежной помощи (на примере Кыргызстана и Таджикистана) // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 8. – С. 101.

⁵⁴⁵ Bali S., Arora S. Sino-Central Asia Relations: Disturbance, Dependency or Development? // Journal of Liberty and International Affairs. – 2023. – Vol. 9, No. 2. – P. 420. URL: <https://doi.org/10.47305/JLIA2392555b> (дата обращения: 03.05.2025).

**Сопоставление обязательств по предоставлению
официального финансирования развития, взятых по отношению
к странам ЦА отдельными двусторонними и многосторонними
провайдерами (2013 – 2023 гг., млрд долл., в ценах 2023 г.)**

Провайдер	Объемы ОПР (млрд долл.)	Объемы ПОФ (млрд долл.)	Объемы официального финансирования (ОПР + ПОФ) (млрд долл.)
Китай	4,1	29,2	36,8
США	2	0,04	2,04
Япония	4,3	0	4,3
<i>Страны – члены КСР ОЭСР, всего</i>	<i>13,3</i>	<i>1,05</i>	<i>14,4</i>
Группа Всемирного банка	9,7	12	21,6
Азиатский банк развития	3,5	16	19,5
Европейский банк реконструкции и развития	0	15,1	15,1
<i>Страны – члены КСР ОЭСР и подконтрольные им многосторонние институты, всего</i>	<i>26,5</i>	<i>44,2</i>	<i>70,6</i>

Источник: China's Global Loans and Grants Dataset, Version 1.0 // AidData. – 2025. URL: www.aiddata.org/data/chinas-global-loans-and-grants-dataset-1-0 (дата обращения: 05.12.2025); Data Explorer. CRS: Creditor Reporting System (flows) // OECD. URL: <https://data-explorer.oecd.org> (дата обращения: 03.11.2025)

Структура трансграничных финансовых потоков, поступающих в ЦА, ярко иллюстрирует процесс усиления влияния незападных доноров как в области ПИИ, так и в области СМР по отношению к западным странам. В условиях нарастающего соперничества между западными и незападными государствами, которое, в частности, С.А. Притчин из ИМЭМО РАН называет «Большой игрой 2.0»⁵⁴⁶, все без исключения крупнейшие провайдеры в свою очередь, во все большей мере выстраивают свою внешнюю и внешнеэкономическую политику, включая политику содействия развитию, с оглядкой на рост межгосударственной конкуренции, который оказывает влияние как на глобальный, так и на собственно региональный ландшафт политических рисков.

⁵⁴⁶ Притчин С.А. “Большая игра 2.0” в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 112–123.

Приложение 2. Центральная Азия на меняющейся глобальной карте политических рисков

Страны региона сталкиваются с большим числом факторов, препятствующих стабильному экономическому развитию: низкая степень диверсификации экономик, устаревание энергетической инфраструктуры, коррупция⁵⁴⁷, обострение водной проблемы и ухудшение общего состояния окружающей среды, незрелость институтов, близость к Афганистану, неурегулированность межэтнических конфликтов, влияние радикального исламизма, наркотрафик и др.⁵⁴⁸ Следует отметить, что многие из перечисленных факторов риска достаточно устойчивы на протяжении уже долгого времени.

Как следствие, остаются высокими и политические риски для иностранных компаний, инвестирующих в экономику стран ЦА. Согласно «Докладу о политических рисках» компании Marsh за 2023 г., Центральная Азия имеет средний рейтинг по таким рискам, как «экспроприация», «расторжение соглашений», «правовой и регуляторный риск» - выше, а по таким категориям, как «забастовки, беспорядки и гражданские волнения», «терроризм», «война и гражданская война», «неконвертируемость валюты и трансфера средств» - на уровне значений по странам Ближнего Востока и Африки южнее Сахары. (Табл. 22)

Страховая компания Allianz в прогнозе на 2025 г. сочла уровень политических рисков в Казахстане и Узбекистане высоким, а в Кыргызстане, Туркменистане и Таджикистане – очень высоким.⁵⁴⁹ Негативную динамику с политическими рисками для бизнеса в Центральной Азии подтверждают и данные

⁵⁴⁷ Improving the Legal Environment for Business and Investment in Central Asia. Progress report // OECD. – Paris: OECD Publishing, 2023. URL: <https://doi.org/10.1787/33a28683-en> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁴⁸ См., например: Жансаутова А., Нечаева Е., Казбекова М. Политические риски в обеспечении водной безопасности. Опыт стран Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан) // Центральная Азия и Кавказ. – 2018. – Т. 21, № 4. – С. 27–37; Притчин С.А. “Большая игра 2.0” в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 112–123.

⁵⁴⁹ Allianz Country Reports. // Allianz Trade. URL: https://www.allianz.com/en/economic_research/country-and-sector-risk/country-risk.html (дата обращения: 08.05.2025).

опроса экспертов о политических рисках в различных странах, проводимого Economist Intelligence Unit (Country Viewswire Service). (Табл. 23)

Таблица 22

**Средние значения рейтинга политических рисков Marsh за 2023 г.
по отдельным регионам⁵⁵⁰**

Регион	ЦА без Таджикистана	АТР	БВСА	Африка южнее Сахары	Южная Америка
Забастовки, беспорядки и гражданские волнения	5,5*	4,1	5,5	5,5	5,2
Терроризм	3,6	2,9	4,5	3,9	2,3
Война и гражданская война	3,4	2,8	4,5	3,9	2,5
Неконвертируемость валюты и трансфера средств	5,6	4,3	5,1	5,8	4,3
Экспроприация	7,1	3,4	4,9	5,3	4,0
Расторжение соглашений	6,2	4,4	5,7	5,8	5,1
Правовой и регуляторный риск	6,2	4,9	5,7	6,1	5,0

Источник: Political Risk Report 2023 // Marsh. – 30.03.2023. URL: <https://www.marsh.com/au/services/political-risk/insights/political-risk-report-2023.html> (дата обращения: 08.05.2025).

Особый интерес представляют данные «Доклада о привлекательности Центральной Азии», представленного агентством E&Y в 2022 г. и обобщающего результаты опроса 72 представителей иностранного бизнеса, о потенциальных рисках, способных воздействовать на инвестиционную привлекательность Центральной Азии в перспективе ближайших трех лет.

По данным этого доклада, обострение геополитической обстановки на тот момент не оказало существенного влияния на планы инвесторов-респондентов, 42% решили не вносить изменений в свои инвестиционные планы в регионе. Лишь небольшая часть инвесторов (16%) решила полностью отказаться от планов осуществления капиталовложений или ожидала незначительного снижения

⁵⁵⁰ Более высокое числовое значение соответствует более высокому уровню; ЦА – Центральная Азия; РТ – Республика Таджикистан; БВСА – Ближний Восток и Северная Африка.

инвестиций, тогда как 28% респондентов видели в изменениях геополитической обстановки новые возможности.

Таблица 23

**Рейтинги стран ЦА по ключевым видам политического риска,
по данным опросов экспертов EIU Country Viewswire Service
за 2020–2023 гг.⁵⁵¹**

Риск	Год	Страна					Ср. значе ния
		Казах- стан	Кыргыз- стан	Таджики -стан	Туркмени -стан	Узбеки- стан	
Контроль коррупции	2020	0,25	0,00	0,00	0,00	0,00	0,33
	2021	0,25	0,00	0,00	0,00	0,00	0,33
	2022	0,25	0,00	0,00	0,00	0,00	0,32
	2023	0,25	0,00	0,00	0,00	0,00	0,40
Эффективность правительства	2020	0,38	0,25	0,00	0,00	0,00	0,30
	2021	0,38	0,25	0,00	0,00	0,00	0,30
	2022	0,38	0,25	0,00	0,00	0,00	0,30
	2023	0,38	0,25	0,00	0,00	0,00	0,40
Политическая стабильность и отсутствие насилия	2020	0,50	0,25	0,35	0,55	0,45	0,48
	2021	0,50	0,25	0,30	0,50	0,45	0,48
	2022	0,30	0,25	0,30	0,50	0,40	0,45
	2023	0,30	0,40	0,40	0,50	0,45	0,52
Верховенство закона	2020	0,41	0,25	0,19	0,19	0,16	0,42
	2021	0,41	0,19	0,19	0,16	0,16	0,42
	2022	0,41	0,19	0,19	0,16	0,16	0,42
	2023	0,41	0,19	0,19	0,16	0,16	0,5
Качество регулирующего	2020	0,55	0,50	0,30	0,00	0,10	0,47
	2021	0,55	0,50	0,30	0,00	0,10	0,47
	2022	0,50	0,50	0,30	0,00	0,10	0,47
	2023	0,50	0,50	0,30	0,00	0,10	0,53
Демократия и подотчетность	2020	0,25	0,37	0,13	0,09	0,14	0,42
	2021	0,25	0,34	0,13	0,08	0,14	0,41
	2022	0,25	0,34	0,13	0,08	0,14	0,41
	2023	0,25	0,34	0,13	0,08	0,14	0,41

Источник: Worldwide Governance Indicators – Sources: Economist Intelligence Unit (EIU) // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/documentation#2> (дата обращения: 05.05.2025).

В то же время опрос E&Y выявил, что инвесторы были озабочены рисками законодательными и регуляторными изменениями - особенно в области

⁵⁵¹ Столбец «Среднее значение» дано по всем развивающимся странам, более высокое числовое значение соответствует большей стрессоустойчивости.

регулирования цифровых услуг и рынков (48% респондентов), тарифной торговой политики (35%) и охраны окружающей среды (16%), а также перспективой ухудшения политической ситуации в странах ЦА (45%) – из-за «январских событий» 2022 года в Казахстане, политических волнений в Республике Каракалпакстан в Узбекистане и политических потрясений из-за борьбы за власть в Кыргызстане (Табл. 24).

Таблица 24

**Результаты опроса представителей бизнеса E&Y 2022 г.
о главных рисках для инвестиционной привлекательности
Центральной Азии в следующие три года**

Риск	Доля респондентов, отметивших риск (%)
Изменения законодательства в странах Центральной Азии в области регулирования цифровых услуг и рынков	48
Политическая нестабильность в Центральной Азии	45
Неопределенность, связанная с тарифной и торговой политикой или замедлением глобальных торговых потоков	35
Высокая волатильность на валютном, сырьевом и других рынках	35
Рост популистских или протекционистских настроений среди политиков и населения	33
Ограниченность инновационного потенциала в Центральной Азии	24
Нехватка квалифицированных кадров	21
Миграционные потоки	21
Изменения природоохранного законодательства и политики в странах Центральной Азии	16
Экологические проблемы	9
Старение населения	7
Нехватка финансирования	5

Источник: Central Asia Attractiveness Report. With the Global Economy at a Crossroads, which Way Will Central Asia Go? // Ernst & Young. – November 2022. – P. 46. URL: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-kz/campaigns/foreign-direct-investment-surveys/documents/ey-central-asia-attractiveness-survey-2022.pdf> (дата обращения: 08.05.2025)

Приложение 3. Роль России в содействии развитию стран Центральной Азии в новых геополитических условиях ⁵⁵²

Заметное место на региональной карте ОФР занимает Россия. Согласно МИД РФ, с 2008 по 2020 гг. помощь Центральной Азии со стороны РФ на двусторонней основе составила 4,2 млрд долл.⁵⁵³, а с учетом 2021 г. объем вырос до 6,2 млрд.⁵⁵⁴. В 2023 г. в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию 2014 г. были внесены изменения, которые адаптировали политику РФ в области СМР к «новым международным реалиям» и еще четче зафиксировали фокус усилий России на взаимодействии с членами ЕАЭС и участниками СНГ.⁵⁵⁵ Сегодня факторами, обуславливающими приоритетность центральноазиатского направления в российском содействии развитию, являются, по словам А.Г. Пылина, ведущего научного сотрудника Института экономики РАН, необходимость управления потоками трудовой миграции из региона, существенный рост взаимной торговли, обеспечение транспортной связанности России с Китаем, Ираном и другими странами Евразии, активизация энергетического сотрудничества, масштаб российских инвестиций в регион и промышленной кооперации с бизнесом из стран ЦА.⁵⁵⁶

⁵⁵² При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Мендагазиев А.Е. Роль России в содействии развитию стран Центральной Азии в новых геополитических условиях // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 3. – С. 6–10; Мендагазиев А.Е., Торопыгин А.В., Саидамиров Б.Ш. Евразийский фонд стабилизации и развития в структуре механизмов сотрудничества России как донора со странами Центральной Азии // Государственное управление. – 2022. – № 4 – С. 104–115.

⁵⁵³ Объем помощи РФ странам Центральной Азии за последние 3 года составил около 3 трлн рублей // ТАСС. – 20.05.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11421837> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁵⁴ Москва, Пекин и Брюссель будут бороться за влияние в Центральной Азии // Независимая газета. – 27.04.2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-04-27/4_9243_asia.html (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁵⁵ О внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию: Указ Президента Российской Федерации от 13.03.2023 г. № 161.

⁵⁵⁶ Пылин А.Г. Экономические интересы Москвы в Центральной Азии // РСМД. – 28.08.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskie-interesy-moskvy-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 08.05.2025).

Кыргызстан и Таджикистан остаются приоритетными странами для российской политики СМР, что обусловлено масштабом их потребностей в развитии, а также интенсивностью потоков трудовой миграции в Россию из этих государств. Кроме того, предоставление помощи Кыргызстану со стороны России обусловлено участием Бишкека в процессах евразийской интеграции. В Таджикистане структура российской официальной помощи существенно не изменилась и по-прежнему в большей степени направлена на обеспечение продовольственной безопасности, модернизацию здравоохранения и образования.

Казахстан и Узбекистан традиционно получают гораздо меньшие объемы ОПР, чем другие страны ЦА. Политические системы данных стран в большей степени устойчивы к внешним и внутренним шокам, а экономики привлекают значительные объемы ПИИ. В силу данных факторов в Казахстане и Узбекистане Россия использует преимущественно инвестиции госкорпораций и прочее официальное финансирование. Тем не менее, и Узбекистану предоставляется точечная помощь, направленная на удовлетворение основных потребностей страны в развитии. Так Россия планирует оказать данной стране техническую помощь в сфере экологии в 2025 – 2026 гг. – в проведении научных исследований для разработки стратегий среднесрочной и долгосрочной адаптации экономики Узбекистана к меняющимся климатическим условиям.⁵⁵⁷ Кроме того, наращивание экономического сотрудничества и российских инвестиций в Узбекистан предопределили формирование совместного инвестиционного фонда объемом 500 млн долл. с долей РФ в уставном капитале в 80% для финансирования «перспективных проектов».⁵⁵⁸

Важным направлением российской государственной политики СМР во всех странах региона остается предоставление стипендий гражданам ЦА за счет федерального бюджета РФ. До 2022 г. общее число мест не превышало 18 тыс., тогда как с 2022 г. выросло и общее число квот, и доля студентов из стран ЦА в

⁵⁵⁷ Россия поможет Узбекистану адаптироваться к водно-климатическому кризису // Интернет-портал СНГ. 07.02.2025. URL: <https://e-cis.info/news/568/124845/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁵⁸ РФ и Узбекистан создают инвестфонд на \$500 млн для перспективных проектов // Интерфакс. – 27.05.2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/962548> (дата обращения: 08.05.2025).

общем контингенте иностранных студентов.⁵⁵⁹ Согласно С.А. Притчину, зав. сектором Центральной Азии ИМЭМО РАН, в условиях дефицита рабочей силы в РФ студенты из стран ЦА выступают наиболее привлекательными перспективными кадрами, так как они «уже знают русский язык и понимают особенности российского менталитета и законодательства» и будут по возвращении на Родину воспринимать Россию как «важного партнера» для родной страны.⁵⁶⁰

Помимо двусторонних каналов многосторонние механизмы также широко используются в российском содействии развитию стран Центральной Азии. Значительные суммы направляются РФ в качестве взносов в структуры ООН: региональные программы Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Организацию Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Всемирную продовольственную программу ООН (ВПП ООН) и др., а также через Экономическую и социальную комиссию Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН). Одним из важных элементов российского сотрудничества в целях международного развития в ЦА является партнерство России с Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), включая Трастовый фонд «РФ-ПРООН», учрежденный в 2015 г. За период с 2022 по 2024 гг. Россия финансировала 20 проектов ПРООН в Центральной Азии объемом 17,2 млн долл.⁵⁶¹

К ключевым каналам направления официального финансирования в страны ЦА стоит отнести Евразийский банк развития (ЕАБР), доля России в уставном капитале которого составляет 44,8%. ЕАБР способствует повышению интеграционной связанности экономик и мобилизации частных инвестиций и выступает ведущей структурой, способствующей углублению экономической интеграции государств-участников через развитие логистической инфраструктуры и международных транспортных коридоров, включая «Европа – Западный Китай»

⁵⁵⁹ Ежегодный доклад Правительства о реализации государственной политики в сфере образования 2022–2024 // Правительство РФ. – 21.05.2025. URL: http://government.ru/dep_news/55083/ (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁶⁰ Студенты из Центральной Азии учатся в России для успешного трудоустройства // Ведомости. – 18.11.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/11/18/1075616-studenti-iz-tsentralnoi-azii-uchatsya-v-rossii-dlya-uspeshnogo-trudoustroistva?from=copy_text (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁶¹ Transparency Portal // UNDP. URL: <https://open.undp.org/profile/000206/donorprofile> (дата обращения: 08.05.2025).

и «Север – Юг». ⁵⁶² Согласно созданной ЕАБР базе данных несuverенного финансирования в странах Центральной Азии, Банк поддержал с 2008 по 2024 г. 214 проекта на общую сумму 8,65 млрд долл. ⁵⁶³

В Кыргызстане и Таджикистане активно действует и Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР). На страны ЦА приходится большая часть проектов Фонда, однако объем их финансирования за все время его существования (с 2009 г.) составил всего 745 млн долл. – 11% от всего объема одобренного финансирования, что значительно меньше объемов финансирования, предоставленного Белоруссии (5,5 млрд долл.) и Армении (798 млн долл.). ⁵⁶⁴ Согласно Стратегии на 2022–2026 гг., ЕФСР ставит следующие задачи в Кыргызстане ⁵⁶⁵ и Таджикистане ⁵⁶⁶: повышение макроэкономической и финансовой стабильности, повышение эффективности работы государственного сектора, улучшение условий для развития частного сектора, модернизация базовой инфраструктуры в энергетическом, транспортном и сельскохозяйственном секторах, развитие человеческого капитала, борьба с изменением климатических условий.

В условиях глобальной перестройки торгово-экономических связей Россия использует инструменты официального финансирования и для защиты интересов национального бизнеса в Центральной Азии. Ключевым элементом этой стратегии являются механизмы, направленные на минимизацию политических и экономических рисков, что особенно актуально в свете западного санкционного давления и переориентации экспортных потоков РФ на «дружественные» рынки. Группа ВЭБ.РФ выступает одним из ключевых операторов финансовой поддержки российских инвестиций в регионе и финансирует только в рамках ЕАЭС проекты

⁵⁶² Стратегия ЕАБР 2022–2026. // ЕАБР. 2022. URL: https://eabr.org/upload/EDB_Strategy_for_2022-2026-RU.cleaned.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁶³ База данных несuverенного финансирования МФО // ЕАБР. URL: <https://eabr.org/analytics/dashboard/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁶⁴ База данных суверенного финансирования (SFD) // ЕФСР. URL: <https://efsd.org/research/sfd/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁶⁵ Стратегия Евразийского фонда стабилизации и развития в Кыргызской Республике в 2022–2026 // ЕФСР. 2022. URL: https://efsd.org/upload/iblock/bd8/EFSD_strategy_Kyrgyzstan_RU.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁶⁶ Стратегия Евразийского фонда стабилизации и развития в Республике Таджикистан в 2022–2026 // ЕФСР. 2022. URL: https://www.efsd.org/upload/iblock/b82/EFSD_strategy_Tajikistan_RU.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

на сумму более 70 млрд рублей.⁵⁶⁷ Россия оказывает государственную поддержку инвестициям в регион также через Группу РЭЦ, входящую в ВЭБ.РФ. Все эти потоки вносят значимый вклад в развитие региона. При этом для полноты картины важен также учет потоков от российских негосударственных структур – как от некоммерческих организаций, так и коммерческих организаций (в том числе в рамках реализации корпоративной социальной ответственности), но эта задача требует проведения отдельного исследования.

⁵⁶⁷ ВЭБ.РФ, ЕАБР и банки развития стран ЕАЭС создают коалицию банков развития Евразии // ВЭБ.РФ. – 4.12.2020. URL: <https://вэб.рф/press-tsentr/46683/> (дата обращения: 08.05.2025).

Список упомянутых в диссертации физических и юридических лиц со специальным статусом

Специальный статус	№ стр. в дисс.:
**Лица, включенные в реестр иностранных агентов:	
1) Фонд Карнеги за международный мир (№578)	1) 15, 177, 184, 187, 244, 246.
***Организации, деятельность которых признана нежелательной на территории России:	
1) Carnegie Endowment for International Peace («Фонд Карнеги за Международный Мир») (США) (№896-р);	1) 15, 177, 184, 187, 244, 246.
2) Atlantic council of the United States (Atlantic council) («Атлантический совет») (США) (№945-р);	2) 187, 195.
3) Eurasianet, США (485-р)	3) 133, 154, 189, 227, 228, 229.